

ВЕРГИЛИЙ
СЕЛЬСКИЕ
ПОЭМЫ

ACADEMIA

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ВЕРГИЛИЙ
БУКОЛИКИ
и
ГЕОРГИКИ

А С А Д Е М І А
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
М С М Х Х Х І І І

ВЕРГИЛИЙ
СЕЛЬСКИЕ
ПОЭМЫ

БУКОЛИКИ
ГЕОРГИКИ

ПЕРЕВОД
ВСПУЩЕНЬЕ СЪ
И КОММЕНТАРИИ
С. ШЕРВИНСКАГО

А С А Д Е М І А
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
М С М Х Х Х І І І

PUBLII VERGILII MARONIS
BUCOLICA ET GEORGICA

*Титульные листы, супер-обложка, переплет
и форзац по рисункам П. А. Шиллиниовского*

БУКОЛИКИ И ГЕОРГИКИ ВЕРГИЛИЯ

Век Мариа и Суллы, Помпея и обожествленного Цезаря персвалил во вторую свою половину, отягченный победами и золотом. Насколько Рим чувствовал свое богатство, видно из того, что еще после завоевания Македонии (148 г.) сенат уже декретировал отказ от налогов с граждан. Организованный и неорганизованный грабеж покоренных областей, богатых и цивилизованных, затоплял Рим деньгами, произведениями искусства, продажными женщинами и пришлым народом. Если бы Катон Утический (234 — 145 гг.) мог видеть эту сумасшедшую столицу, он не узнал бы своего патриархального земледельческого Рима, и его древняя сельская душа отвернулась бы, оскорбленная. Но Катон Утический и добродетель полусельского уклада были отделены от времен Августа более чем веком военной экспансии, военной колонизации, военной славы. Риму, опьяненному триумфами, провлачившему за своими победными колесницами разноцветных вождей и царей со всех концов земли, ставшему в действительности мировым городом и всемирным политическим центром, было уже не до патриархальных очагов. Хоть Август и носил будто бы туннки, тканые его супругой Ливией, но то был жест принципиальной настроенности, нимало не отражавший общего характера римской жизни. Рим неуклонно шел к последним пределам роскоши, золото стало обыденным украшением зданий и людей, мозаики расцвелили полы, статуи и водометы украсили перистили, тирские шелка облекли изнежившееся тело, а закрутившийся в водовороте жизни римский обыватель толкался на форуме и тратил монеты и годы на гладиаторские бои и конские ристания. В этом мире самоупоенности, наслаждений, быстрых обогащений и воинственных торжеств прозвучал тихий голос Вергилия. Голос певца сельского быта прозвучал великим контрастом среди римской шумихи. Сути этого контраста нельзя понять, не углубившись в социальные условия, характеризующие тогдашнюю Италию.

Если Рим и богател, если на него смотрели все государства известного тогда мира, исключая разве обособленных индусов да китайцев, то в это же самое время Италия переживала кризис, прямым образом связанный с военными успехами римского оружия. Кризис не только назревал, но уже был в разгаре и происходил он в сфере земледелия. Земледелие почиталось самими римлянами исконным их национальным занятием, и кризис в этой области не мог не быть решающим фактором в экономической и политической жизни всего государства. Что же происходило? Еще в эпоху Пунических войн основным классом римского народа был класс мелких земельных собственников, настолько мелких, что обработка принадлежащего им участка земли не требовала наемной рабочей силы. Еще Варрон (116—27 гг.) упоминает, что свободные граждане, сами занимающиеся земледелием, обрабатывают землю большею частью силами своих семей; он называет их *раурескули*, что без натяжки может быть передано нашим словом «бедняки». Вот этот-то класс, составлявший основную базу древнего римского народа, постепенно шел на убыль, исчезал с общественно-политической арены, и исчезал быстро — под давлением нищеты и внешне-политических событий. Судьбу этого класса несомненно разделяли и «средняки». Даже более мощные крестьянские хозяйства и усадьбы мелких помещиков оказались втянутыми в катастрофу, вызванную внешними событиями.

Бедные единоличные хозяйства разорялись. Их губило соседство и засилье более мощных хозяйственных единиц, крупных земельных собственников. Разорение бедняцкого хозяйства могло идти двумя путями. Заложность маленького хозяйства на таких условиях, что выкуп становился едва ли возможным, приводила земледельца к кабальной задолженности. Если принять во внимание всю строгость римских законов в отношении долговых обязательств, понятным станет, как легко такое хозяйство утрачивало свою самостоятельность. На имение накладывался арест, оно переходило во владение кредитора, а лишенный своего дела селянин превращался в тот неопределенный полунисщенствующий элемент, которого много было тогда в римском государстве. Разоренным поселянам приходилось наниматься на случайные работы или просто бродяжничать. Другой путь был осмотрительней, но требовал больше резиньции. Задолжавший поселянин заблаговременно и добровольно переставал быть юридическим хозяином своего владения, предоставляя его кредитору, с правом, однако, дальнейшего им пользования. В течение ста лет уничтожилось таким образом около пяти шестых этого класса ¹.

¹ Cp. Raymond Billiard. *L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile*. Paris. De Boccard, 1928.

Наряду с этим притягательность Рима, привлекавшего к себе в первую голову людей высших классов, заставляла и помещиков покидать свои имения. Громадные хозяйства оставались без непосредственного присмотра хозяина. Управляющие делали в них, что хотели. Будучи сами большею частью из рабов, управляющие разве лишь из чувства страха могли блюсти хозяйские интересы; но глаз хозяина был далеко, в столице. Опыт древнейшего Рима — при тогдашних методах земледелия — установил как правило, что лучшая обработка земли — та, которую производит хозяин своими руками. Вот эта-то веками одобренная система рушилась на глазах. Потрясение нормальных социальных условий и условий труда в деревне привело естественно к упадку сельского хозяйства. При Варроне Риму перестало доставать собственных урожаев, этой плодороднейшей земле пришлось прибегнуть к импорту сельскохозяйственных продуктов: хлеб стали возить из Африки и Сардинии, вино — с греческих островов. Италия оказалась на милости у морских бурь.

К этому следует прибавить то обстоятельство, что к 40-м гг. (до н. э.) жизнь в сельских местностях стала вовсе не привлекательной. У сельского хозяина пропала всякая уверенность, что жизнь его будет мирно течь. Италия была постоянным театром междоусобных столкновений. За многие годы войны образовался целый общественный слой «ветеранов», участников победоносных походов, которых в вознаграждение за их военные труды должно было устроить на родине. Государство, в лице императора, кровно заинтересованного в поддержке военной силы, решило произвести надел ветеранов землей. Между тем государственные земли были уже ранее использованы для аналогичных целей; запас их был исчерпан; пришлось прибегнуть к конфискации земельных владений у частных собственников. Рим жертвовал одной группой населения ради другой, более нужной нарождающейся империи. При наделении ветеранов после битвы при Филиппах, передавшей власть в руки Октавиана, будущего Августа, были лишены своих владений более восьми тысяч мелких землевладельцев¹, с формальным обещанием выкупа; эта мера коснулась самых цветущих италийских областей; ветераны получили наделы и в окрестностях Мантуи. Вергилий попал в число лишаемых земли. Ему, правда, на первый раз, удалось отхлопотать в Риме свою усадьбу, но он был исключением. При таких обстоятельствах землевладелец терял вкус к сельской жизни. Побег из деревни мелких помещиков становился все чаще. Продав, иногда за бесценок, свой земельный участок (среднее владение мелкого римского помещика определяется приблизительно

¹ Billiard. Op. cit.

в 50 — 100 *ла*), обезземеленный помещик ехал в Рим, где пополнял собой продажную толпу форума, того самого форума, к которому Вергилий не без основания прилагал эпитет *insanus* («нездоровый», «безумный»). Георгики, II, 502). Продажа своих голосов при выборах должностных лиц была не единственным источником дохода. Можно было заняться торговлей. Можно было заделаться клиентом при какой-нибудь знатной особе. Можно было, наконец, пропитаться вошедшими тогда в обычай общественными подачками. Так увеличивалось с каждым годом мелко-торговое, lumpen-пролетарское и паразитарное население Рима, кишевшее в его многоэтажных домах рядом со все более роскошными палатами богачей.

Однако ветераны были плохими сельскими хозяевами. После либийских песков и закавказских долин, после стольких лет лагерной жизни трудно было уже постаревшему солдату привыкать к оседлому быту мелкого землевладельца. Хозяйственные навыки были давно позабыты, вкусы образовались совсем другие. Грабеж и легкая нажива были худой школой для упорного труда на земле. И ветераны не могли усидеть на дарованных им участках. Они продавали их за ненужностью и тянулись... в Рим.

Для полноты следует добавить, что к этому времени относится и образование так называемых латифундий, громадных поместий, где трудилось иной раз до двадцати тысяч рабов, поместий, которые хозяин не мог ни объехать, ни знать. Да хозяин и не очень бывал заинтересован большим или меньшим успехом хозяйства в своем имении. Его внимание и капитал поглощались Римом.

В результате подобного положения вещей земледелие в Италии пришло в глубокий упадок, и громадное количество пригодной земли оставалось необработанным. Насколько этот кризис был глубок, явствует из того, что потом в течение нескольких столетий римской императорской властью принимались меры к изживанию кризиса, земледельцы поощрялись соблазнительными льготами, и все это в конечном счете не привело ни к чему.

Таким образом, век Августа, блистательнейший период римской государственности — вместе с тем период тяжелого кризиса агрикультуры. Этот кризис двояким образом отразился в творчестве Вергилия. В *Буколиках* — в разрезе личном и внешнем, в *Георгиках* — как прямая причина написания. Рассмотрим отдельно то и другое сочинение.

Буколики — таково их подлинное название ¹ — представляют собой десять небольших поэм, гекзаметром, в традиции греческих сицилийских

Иногда их называют общим именем «Эклоги» или «Идиллии».

идиллий. Появление пастушеской поэзии не должно нас удивлять на фоне роскошнейшей из столиц. Это доказывает только, что городская культура в Риме достигла ко времени Вергилия той степени развитости, когда вкус горожанина испытывает естественную реакцию. Из столичной суматохи, от всех нетрезвых удовольствий, предоставляемых городом, его тянет на лоно природы, в мир идеализованного пастушества, — с реальным пастушеским миром связи потеряны давно и навсегда. Пасторальная поэзия во все века была спутницей утонченной городской культуры. Этим сразу устанавливается и правильная точка зрения на самый характер *Буколик* Вергилия. Они прежде всего — условный литературный жанр. Сам Вергилий, знавший превосходно сельский быт, несомненно, не видел в большинстве своих пастушеских сцен изображения реальной деревенской действительности, — иначе он не включил бы в них столько черт, явно не соответствующих пастушеской среде.

Жанр пастушеской идиллии был хорошо известен в Риме через греческую поэзию Феокрита (310 — 220); Вергилий во многом подражал ему. Из народной поэзии, через Феокрита, Вергилий воспринял часто встречающийся в *Буколиках* прием так называемого «амебейного» пения, то есть пения в очередь, с характером состязания.

По распространенной версии, написать *Буколики* в подражание Феокриту Вергилия надоумил Азиний Поллион, видный государственный деятель и покровитель поэта. Сам Вергилий указывает, что он сделал свое сочинение по приказанию Поллиона¹. Однако этого любезного замечания недостаточно. Едва ли такой большой поэт, как Вергилий, нуждался в постороннем вмешательстве при выборе темы своей первой книги. Возможно, что Поллион поощрял его в этой работе, но честь нахождения буколической темы вряд ли должна быть отнята у автора².

Издатели текста и историки литературы постоянно сравнивают Вергилия с его первообразом. Предпочтение отдается Феокриту. Указывается на его большую жизненность, на более острый реализм. Действительно, Феокрит ближе стоит к сицилийской народной поэзии, первоначальному источнику пастушеских стихов; он реальней передает народный быт. Но для Вергилия пастушеская среда в значительной мере — лишь рама. Вергилий вовсе и не ставит себе задачу натурального изображения знакомых ему мантуанских козопасов. Зачем же сравнивать? У поэтов были разные задачи, хоть Вергилий иной раз и близко, почти пересказом,

¹ Буколики, VIII, 12.

² Этой точки зрения держится один из последних переводчиков и комментаторов Вергилия Henri Goelzer: Virgile, Bucoliques, texte établi et traduit par... éd. «Les belles lettres». Paris.

следует своему образцу (эклога II). Иногда Вергилий заимствует у Феокрита часть идиллии, иногда ситуацию, изменяя ее развитие, иногда отдельные стихи. Некоторые эклоги уводят нас вовсе от пастушеской среды; одна (IV) настолько далека от сельской примитивности, что в ней хочется признать предвестие будущей героической Энеиды. Если поэт вливает в Феокритов мех живое вино собственных мыслей, то этим самым он уже должен расцениваться как самостоятельный создатель своих стихов.

В *Буколиках* можно заметить заимствования и из других александрийских идилликов.

Порядок *Буколик*, повидимому, восходит к самому Вергилию; в нем диалогические и монологические поэмы стройно чередуются. Однако он не совсем совпадает с хронологическим порядком их сочинения. Первой написана была поэтом эклога II. Есть предание, что она отражает нежное чувство, которое Вергилий питал к юному рабу Александру, подаренному ему Поллином. Никаких прямых доказательств, что он и есть Алексид II эклоги, нет. Но если оно и так, это несколько не должно нарушать представления о целомудренной, сдержанной природе Вергилия: у античного мира были иные нормы морали. Henri Goelzer¹ устанавливает следующую хронологию для *Буколик*. Год 42 — эклоги: II, III, V; год 40 — эклоги: IV, VI, VII; год 39 — эклоги: I, VIII, IX; год 37 — эклога X. В общем Вергилий написал свои десять стихотворений в течение пяти лет (иные думают — трех). Смешно предполагать, что он действительно потратил на них столько времени. Но что он по много раз к ним возвращался, что он их тщательно отделывал, в этом не может быть сомнения. Он сам говорил, что работает more ursino (по-медвежьему), то есть «вылизывает» стихи, как matka медвежат.

Первой в сборнике Вергилий поместил одну из поздних эклог. Это понятно. Она негласно обращена к Августу, и место ее, конечно, в начале, где она в некотором роде заменяет посвящение. Эта эклога стоит в прямой связи с ветеранским наделом. Под именем Титира Вергилий понимает себя, хотя и под пастушеской личиной. Титиру посчастливилось. Ему удалось видеть некое юное «божество» в Риме, и это божество снизошло к его горю, возвратило ему его владение, обеспечило его покой и досуг. Октавиан ни разу не назван. Мелибей — один из многих пострадавших от ветеранского надела. Он уходит с родины, печально гоня перед собой свое последнее достояние — стадо коз. В римской поэзии трудно бывает отличить, где кончается искреннее чувство, где начинается лесть, достойная уст клиента. То, что в творчестве поэта новейшей Европы

¹ Op. cit.

вызывает неприязнь или негодование, иначе воспринимается у поэта древнего Рима, стоит только переключиться в атмосферу иной культуры и иных социальных навыков. Возможно однако, что в эклоге I поэт искренно благодарил Августа. Сам сын землевладельца, привыкший с детства к своей андской усадьбе, Вергилий должен был испытывать горькое чувство, лишаясь ее. Август его утешил, Вергилий ответил стихами.

Нельзя сказать, чтоб Вергилий лестно отозвался в этой посвяtitельной эклоге о героях дня, ветеранах:

Паром, возделанным так, овладеет воин безбожный,
 Варвар — посевами. Вот, куда несогласье несчастных
 Граждан у нас привело! Для них мы поля засевали? (ст. 70 — 72)

Нечестивцами и варварами называет Вергилий огрубевшую и обнаглевшую в походах массу легионеров. Он скорбит о спокойном культурном труде, о его результатах, достигающихся недостойным преемникам.

При вторичном наделе ветеранов Вергилий снова лишился своего имени. На сей раз ему пришлось хлопотать через Алфена Вара, проконсула Цизальпинской Галлии. Это событие нашло отражение в эклоге IX. Та же горечь звучит в словах:

О, Ликид, вот дожили мы, что пришлец, завладевший
 Нашей землицей (чего никогда-то мы не боялись),
 «Это мое! — нам сказал, — уходите, бывшие владельцы!» (ст. 2—4)

Вергилий с грустью замечает, что песни так же мало значат среди марсовых копий, как голуби при приближении орла (IX, 12 — 13). Тут же он прямо упоминает Вара. Однако вторичная просьба Вергилия, несмотря на зачинающуюся славу поэта, не имела успеха: он был вознагражден небольшим земельным участком около Нолы.

Наконец, эклога IV носит также явно политический характер. Эклога эта вызвала больше всего несогласий среди филологов. Она же послужила основанием к тому, что Вергилия при начале христианской культуры почитали как предсказателя пришествия Мессии, а в средние века — как волшебника. Действительно, содержание ее остается таинственным. Основное в ней — мечта о возвращении Золотого века. Кроме отражения философских представлений, в этом есть сознательно выраженная реакция против только что пережитого бурного политического периода. Мир, заключенный между Помпеем и Антонием — посредником был Поллион, — обещал наконец прочное спокойствие. Сознание поэта, утомленное

кровью усобиц и войн, с наслаждением погружалось в миф о Золотом веке, уповав на возможность его возвращения. Но эту возможность Вергилий полагает в будущей деятельности некоего ребенка, только что родившегося мальчика. Личность этого ребенка науке до сих пор не удалось установить. Его считали сыном Полиона, думали, что эклога относится к предстоящему рождению ребенка у Августа (у него родилась дочь Юлия), бредили, что эклога Вергилия — голос из языческой тьмы о рождении Христа, полагали наконец, что вообще никакого конкретного ребенка и не было и что вся поэма — чистый вымысел. Первая точка зрения представляется все же наиболее убедительной.

IV эклога выдержана в повышенном тоне, совсем отрывается от пастушеского жанра и наиболее далека от Феокрита. Ее прекрасная высокая *latinitas* ставит ее в первые ряды произведений римской поэзии. Мягко разрешается она реальным образом младенца, радующегося материнской улыбке.

Остальные семь эклог не уводят нас из пастушеской среды, ежели не считать отдельных намеков, литературных, политических, личных. Много говорилось о том, что вергилиевы пастухи говорят языком и чувствуют чувствами утонченных горожан. Это верно, особенно применительно к любовным эклогам I и X. Остается повторить, что Коридон, Менаж, Мопс — условные пастухи. Их условность подчеркивается условностью топографической. В самом деле, в *Буколиках* перед нами смесь греческого и италийского. С одной стороны мы видим Аркадию, Менал, Ликей — наименования реальных греческих местностей, с другой — упоминается Рим, Минчо, описывается довольно четко пейзаж под Мантуей. Конечно, можно предположить, что Вергилий неясно представлял себе аркадский пейзаж, но допустить Аркадию и Минчо в одном географическом месте он мог только нарочито. Эта нарочитость, в свою очередь, могла корениться только в условности всего поэтического жанра. Если пастухи Вергилия и разговаривают большей частью слишком по-городски, это не значит, что мы в *Буколиках* не заметим вовсе реальных бытовых черт пастушеской жизни. Даже иные характеры показаны весьма ярко, например, спорящие пастухи в эклоге VII. В общем, несмотря на условность, на обилие намеков и очень личную порой подоплеку произведения, *Буколики* оставляют в читателе чувство теплоты, в них нет холодности ложно-классических пасторалей, а превосходная отделка стиха, благородство языка, стройность композиции не могут не привлечь ценителя поэзии. В самой римской литературе они вызвали подражание талантливых поэтов — Кальпурния и Немесиана, и след их в мировой литературе чрезвычайно значителен.

Второе крупное произведение Вергилия — *Георгики* («Поэма о земледелии») — было сочинено между 37 и 33 гг. *Георгики* явились прямым следствием социального положения Италии и вызваны были к жизни заказом сверху, счастливо совпавшим с личными склонностями поэта. В самом деле, надо было быть слепым, чтобы не видеть критического положения италийской агрикультуры. Август с его практическим умом не мог не предвидеть роковых последствий оскудения земель, обезземеливания поселян. И Август декретировал возвращение к патриархальному быту предков, земледельческому трезвому укладу катоновых времен. Император декретировал этот возврат личным примером. Он просто одевался, жил в скромном доме, всячески подчеркивал первенствующую роль сената, покровительствовал соответственно мыслящим, наконец счел нужным воспользоваться поэзией как орудием пропаганды желательного ему направления. Выбор его пал на Вергилия. Император поручил ему создать поэму о земледелии, долженствовавшую привлечь вкус современников к позабытой земле, оживить знание земледельческих приемов, родниковой водой освежить разгоряченную голову Рима. Если для Августа возврат к морали и укладу предков был политической программой, то для Вергилия с его простыми вкусами и миролюбивой душой это было действительно заветным чаянием.

Невольно возникает вопрос, насколько вергилиева поэма могла удовлетворить поставленной задаче. Кто мог быть ее потребителем? Довольно наивно предполагать, чтобы ветеран, прожженный в военных переходах и наконец достигший тихой пристани на полученном от государства участке (если не покидал его), стал вчитываться в гекзаметры Вергилия, чтобы вспомнить, когда лучше засеять поля. Он позабыл грамоту, таскаясь по Востоку. А уж если бы вздумалось ему обратиться к руководству, он верно порылся бы у Варрона¹, а не стал бы тратить время на поэтические детали, украшающие хозяйственные советы Вергилия. Тем менее нуждался в подобной поэме коренной сельский житель, который мог сам продиктовать поэту большинство его сельскохозяйственных советов. Оставался горожанин. Несомненно, что именно горожане, утомленные всем урбаническим, охотно погружались в чтение *Георгик*. Поэма, совпадавшая с ориентацией известной группы населения, покровительствуемая Августом, не могла не оказать некоторого влияния, но чтобы по ней хоть один сельский житель стал изучать свое дело, в этом позволительно более чем сомневаться. Наконец надо помнить, что Рим эпохи Августа обладал развитой литературной средой, что бла-

¹ «De re rustica».

годаря общности форума и южной уличной жизни поэзия в нем не лежала под спудом. *Георгики* по самому поэтическому своему качеству не могли пройти незамеченными. Но поэтическая удача не превратилась в политическую. *Георгики* потонули среди многих малодейственных мер, предпринимавшихся римской государственной властью для поднятия отечественного сельского хозяйства. Есть полное основание предположить, что сам Вергилий—подобно тому как он признавал всю условность своих *Буколик*—и на *Георгики* никогда не смотрел как на руководство. Он писал больше для потребителя литературы, чем для виноградаря или свиновода. В противном случае непременным условием поэмы была бы ее полнота. А между тем Вергилием опущены целые разделы сельского хозяйства, скажем—птицеводство. То, что в поэме дано, развито непланово. Вергилий едва ли думал, что пастух будет одной рукой махать хворостиной, а другой раскручивать свиток со стихами о земле. Примем же и мы поэму такой, какая она есть. Пусть Вергилий знал, что сторона «учебная»—наислабейшая в его поэме. Он так любил землю, хозяйство, он так хотел передать в стихах знакомые ему по практике и из книг знания, что отнесся и к этой «учебной» стороне с большой добросовестностью. Но как часто поэтический полет выносил его за пределы непосредственной задачи, кидал его в отступления, заставлял создавать целые эпиллионы! Стоит вспомнить эпическую поэму об Орфее и Эвридике, которой заканчивается весь труд.

Георгики делятся на четыре книги. В первой говорится о хлебопашестве, во второй—о разведении деревьев и виноградных лоз; в третьей—о скотоводстве; в четвертой—о пчелах. Поэма в целом представляет не малые трудности: не только для перевода, но и для чтения. Изобилие технических сельскохозяйственных терминов, неодинаковая ясность отдельных мест, перечни названий, для нас уже ничего не говорящих (напр., наименование сортов винограда в кн. II) могут несколько запугать читателя. На помощь ему придет по возможности комментарий. Чтение *Георгик* будет куда легче для читателя-южанина. В самом деле, всякий, кто знает сколько-нибудь сельское хозяйство наших черноморских областей, поскольку его вековые формы еще не вытеснены всецело механической обработкой полей, узнает в *Георгиках* целый ряд знакомых черт. Пахота на волах, окапывание виноградников, стада между скал, бродящие по мелколесью—все это переносит нас куда-нибудь на Таврический полуостров. Картины италийского хозяйства перестают быть чуждыми, начинаешь ценить их богатый натурализм в изображении поэта. Хозяйство, описываемое Вергилием, нужно сравнивать именно с крестьянским до-колхозным хозяйством наших южных обла-

стей и в частности с хозяйством хуторским. Вергилий ни разу не имеет виду крупных помещичьих владений—лишнее доказательство того, что заказ Августа ориентировался именно на ветеранов, которых нужно было снова подружить с землей.

Георгики имеют много общего с *Буколиками*. И те и другие писаны гекзаметром; и в тех и в других то же плавное течение стихов, до конца проработанных. Может быть, в *Георгиках* стихи более мужественны. И в *Георгиках* мы встречаем намеки на современность: так, полное скорби упоминание о моральной деградации века и его внутренних раздорах (конец кн. I). И в *Георгиках* есть ряд личных обращений, в частности к Меценату, сделавшемуся к тому времени покровителем поэта, и панегирические места. Но в *Георгиках* и следа нет той условности, которая отличает *Буколики*. Здесь все просто, реально, сельский труд представлен со всеми его невзгодами; вергилиевы поселяне перестали казаться перодетыми горожанами. Не доказывает ли это лучше, чем что бы то ни было, что условность *Буколик* определялась литературным жанром, а не «салонностью» самого их автора?

Подражательный момент в *Георгиках*, в отличие от *Буколик*, незначителен. Правда, Вергилий пересказывает в конце IV книги целое место из Одиссеи Гомера, но в общем подражательный элемент ограничивается лишь откровенными заимствованиями из более ранних писателей, в частности из Гезиода и Лукреция.

Нет сомнения в том, что Вергилий воодушевился своей темой. Однако держаться исключительно дидактики он не пожелал. Он пользуется малейшим поводом развить какое-нибудь отступление; этим оживляется изложение однообразного содержания, автор получает возможность дать простор воображению. Так, в порядке отступлений возникли знаменитейшие места *Георик*: прославление Италии (кн. II, ст. 136 и сл.) и Норикский мор (кн. III, ст. 474 и до конца). Такого рода отступления не носят сколько-нибудь систематизированного характера; повидимому, задачи композиции в *Георгиках* вообще не стояли в центре внимания Вергилия.

Георгики богаты религиозно-культовым элементом. Это совпадает с тем направлением, которое проводил в жизнь Август. Боги и богини—почти исключительно греческие, так же как и приводимые мифы; их сочетание с римскими формами обрядов характерны вообще для древнеримской религиозной практики. Мифологическая сторона поэмы, доступная просвещенному читателю, должна была оставаться весьма чуждой сознанию простого селянина. Как римская государственная религия, так и перенесенная из Греции мифология были в общем далеки от верований италийского крестьянства с его местными италийскими культами и примитивным суеверием.

Как *Буколики*, так и *Георгики* деликом посвящены сельской жизни. Природа—их среда. В *Георгиках* помощь природе, культура—дидактическая цель. Каким же образом воспринимается Вергилием природа? Каков пейзаж его сельских поэм? За двадцать веков, протекших со времени сочинения *Буколик* и *Георик*, бесчисленное множество раз говорилось о поэтическом изображении в них природы. В самом деле, свежесть их поразительна. Однако, для того чтобы почувствовать вергилиеву природу, надо переключиться из обычных форм восприятия природы культурным сознанием нового европейца в сферу совершенно иных ее оценок. Новейший европеец привык подходить к пейзажу или индивидуально-психологически или эстетически. Первое отношение встречается у Вергилия в форме элементарной параллели между, скажем, тоской пастуха и призрачностью его стад; деревья и дуга могут иной раз призывать отсутствующую сельскую красавицу. Но природа в таких случаях исполняет лишь человеческую функцию, но не приобретает соответственных черт, — чем снимается ее психологическая окрашенность.

Эстетическое восприятие природы в значительной мере воспитывается искусством; оно нагружено ассоциациями. Понятие живописности нормируется вкусами времени, класса, моды. Восприятие Вергилия, как и вообще античного человека, преимущественно физиологическое. Тень от скалы в летний зной, прозрачный ручей, густые дубравы полно и чисто удовлетворяют физиологического человека, так же как его ужасает морской прибой в бурю или зрелище повергаемых молнией дубов. Есть ли здесь растворение в природе, то ее восприятие, которое принято называть пантеистическим? Думаю, что нет. Человек и природа в античном мире сосуществовали деловито и реально. Недаром в тех же *Георгиках* трудно бывает иной раз отличить оценку приятного от оценки полезного. Восприятие природы у Вергилия ближе стоит к восприятию крестьянина, то есть человека, вовсе или почти не имеющего «эстетического» багажа, но связанного с землей кровными узами. Трезвость в отношении к природе сочетается у Вергилия с превосходной наблюдательностью художника, с постоянной четкостью словесного выражения. И нечего жалеть, что природа дана Вергилием скупо; можно лишь удивляться убедительности ее реализма.

В заключение — несколько слов о переводе *Буколик* и *Георик* на наш язык. В них нет той формальной блистательности, которая отличает Энеиду. Этим как будто облегчается задача переводчика. Однако именно в *Георгиках* выступают значительные, иногда непреодолимые трудности. Трудности эти коренятся в содержании поэмы. Сельскохозяйственные процессы и терминология, несмотря на проработанность вопроса, лишь

с большим трудом могут быть доведены до ясности, а многое, в частности иные ботанические термины, остаются донныне не установленными.

Следуя стилистическим приемам Вергилия, я, однако, сознательно не передавал всего богатства его словесных перестановок. Я сохранял эту характерную черту латинской поэзии лишь в известной мере. Полнота передачи приема привела бы к непонятности текста.

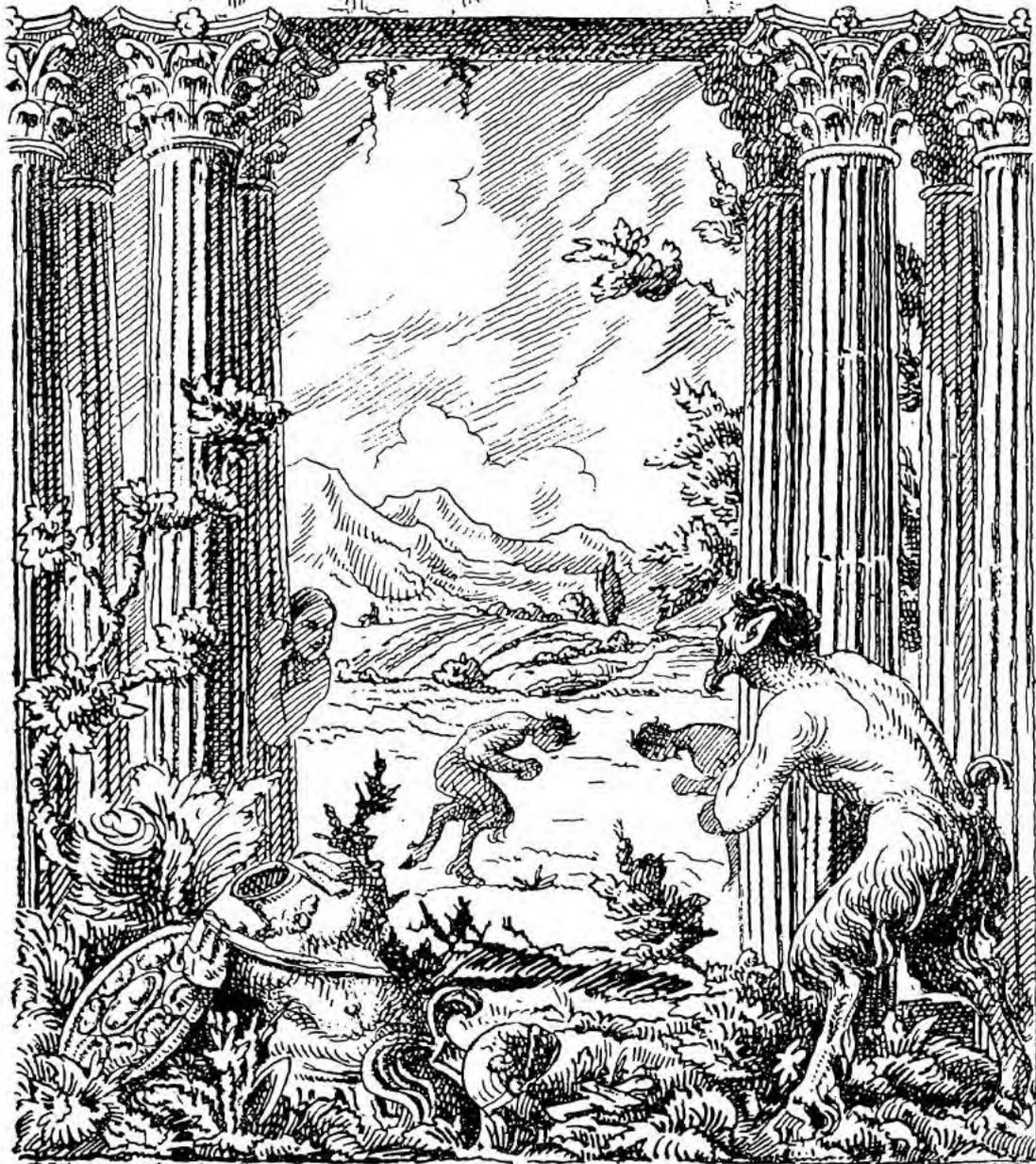
Я позволю себе посоветовать читателю смотреть в примечания, без которых многое ценное останется неясным. То, что было понятно для античного читателя, что составляло его повседневность, нами, по прошествии веков, уже не может быть воспринято без подпорок реального и социологического комментария.

При исполнении моей работы много ценных указаний дали мне С. П. Гвоздев и Ф. А. Петровский, которых я сердечно благодарю.

При составлении примечаний я пользовался главным образом известным комментированным изданием Бенуа и упомянутой книгой Биллиара об античном сельском хозяйстве. Текст того же Бенуа служил мне основным при переводе.

С. Шервинский

П. Шмидтовский

1932 г.

ЭКЛОГА ПЕРВАЯ

Мелибей, Титир

МЕЛИБЕЙ

Титир, ты, лежа в тени широковетвистого бука,
Изобретаешь напев лесной на тонкой свирели.
Вот я родные поля покидаю и милые пашни,
Я из отчизны бегу. Ты же, Титир, под тенью покоясь,
5 Учишь леса повторять Амариллиды имя прекрасной.

ТИТИР

О, Мелибей, нам бог спокойствие это доставил,—
Ибо он будет мне богом всегда; его жертвенник часто
Нежным близ наших овчарен напитан будет ягненком.
Он коровам моим бродить, как видишь, позволил,
10 Мне ж самому, что хочу,—играть на сельской тростинке.

МЕЛИБЕЙ

Нет, не завидую я: дивлюсь я больше; такое
Всюду смятенье в полях! Вон сам пред собою, измучен,
Козочек вдаль я гоню и эту едва уже, Титир:
Здесь, в орешнике частом, сейчас она скинула двойню,

- 15 Стада надежду, и — ах! — на голом оставила камне.
 Это несчастье мне, — кабы ум мой тогда не затмился, —
 Часто, сраженные небом, пророчили, помнится, дубы.
 Да, но кто ж этот бог, ты, однако, мне, Титир, поведай!

Т И Т И Р

- Глупому думалось мне, что город, зовущийся Римом,
 20 С нашим схож, Мелибей, куда, пастухи, мы имеем
 Обыкновенье сгонять приплод овец наших юный.
 Знал я, что так на собак похожи щенки, и козлята
 На матерей, так привык я большое сравнивать с малым.
 Но меж других городов он, поистине, голову поднял,
 25 Как над калиною гибкой обычно в лесу кипарисы.

М Е Л И Б Е Й

Рим-то тебе увидеть что была за причина?

Т И Т И Р

Свобода!

- Правда, хоть поздно, она на беспечного все же взглянула,
 После того, как белей борода уж при стрижке спадала;
 Все же кинула взгляд и пришла после долгого срока,
 30 Как Амариллиде принадлежу, Галатеей оставлен.
 Ибо пока, признаюсь, Галатея мною владела,
 Не было мне ни на волю надежд, ни забот о доходе.
 И хоть и много даров выходило из наших загонов, —
 Неблагодарному городу сочный твóрог сжимался, —
 35 Правая, меди полна, домой не вернулась ни разу.

М Е Л И Б Е Й

Я удивлялся, что в грусти богов, Амариллида, кличешь,
 Ради кого ты висеть оставляешь плоды на деревьях? —

Титира не было здесь! Тебя сами сосны, о Титир,
Сами тебя родники, сами эти кустарники звали.

Т И Т И Р

40 Что было делать? Иначе из рабства мне бы не выйти,
В месте другом не узнать богов таких благосклонных.
Юношу видел я там, кому, Мелибей, ежегодно
Дней по дважды шести алтари наши курятся дымом.
Вот какой он ответ мне дал просящему — первый:
45 «Дети, пасите коров, как прежде, быков разводите».

М Е Л И Б Е Й

Старец счастливый, и так твоими поля сохранятся!
Да и довольно с тебя, хоть пастбища все обнаженный
Камень покрыл и камыш, на иле растущий в болоте.
Не повлияет здесь корм непривычный на маток тяжелых,
50 Не повредит здесь и близость соседней скотины дурная.
Старец счастливый, ты здесь вкушать на побережьях знакомых
Между священных ручьев тенистую будешь прохладу.
Здесь на границе соседской ограда, где беспрестанно,
В ивовый цвет залетя, пасутся гиблейские пчелы,
55 Часто легким ко сну приглашать тебя шопотом будет.
Будет здесь петь садовод под высокой скалой на просторе,
И с воркованьем меж тем, — твоя охота, — голубки,
Горлица также, стенать не устанут на вязе высоком.

Т И Т И Р

Будут легкие раньше пастись на море олени,
60 Иль обнаженных рыб пучины на берег откинут,
Раньше в блужданьях пройдя обоих пределы, изгнанник
Будет парфянин из Арара пить, а германец из Тигра,
Нежель из груди моей начнет исчезать его образ.

М Е Л И Б Е Й

- Мы же отсюда уйдем, иные — к жаждущим афрам,
65 В Скифию часть, и наверно дойдем и до скорого Окса,
И до британнов, далеко от мира всего отделенных.
Мне после долгих годов восхищаться ль родными краями?
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Вновь после нескольких жатв свои увидев владенья?
70 Паром, возделанным так, овладеет воин безбожный,
Варвар — посевами. Вот куда несогласье несчастных
Граждан у нас привело! Для них мы поля засевали?
Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай лозы!
Козы, идите, когда-то счастливое стадо, идите!
75 Уж никогда я отныне, в зеленой лежа пещере,
Вас на тернистой скале не увижу висящих высоко,
Песен не буду я петь. Вас не буду пасти, — без меня вам,
Козочки, горькую иву щипать и китис ваш цветущий.

Т И Т И Р

- Все-таки эту-то ночь отдохнуть со мною ты можешь
80 Здесь, на зеленой листве: у меня творога изобилье,
Спелые есть и плоды и мягкие также каштаны.
И в отдаленьи уже деревенские кровли дымятся,
И уж длиннее от гор высоких падают тени.

ЭКЛОГА ВТОРАЯ

- Жарко пылал Коридон к красотам Алéксида страстью,
К сладким утехам владельца; надеялся ж он понапрасну.
Только под буки густые, — тенистые купы, — являлся
Он постоянно и там такие нестройные звуки
- 5 В тщетном стараньи бросал горам и лесам, одинокий.
«О, жестокий Алéксид! Моим не внимлешь ты песням!
Не пожалеешь меня; умереть, что ль, хочешь заставить?
Даже скотина теперь к прохладе и тени стремится,
Даже зеленых кусты скрывают ящериц ныне;
- 10 Вот уже для жнецов, утомленных от жгучего зноя,
Чобр Тестíллида трет и чеснок, — духовитые травы.
Вместе ж со мною, меж тем как следы твои всюду ищу я,
Пеньем цикад звенит кустарник под солнцем палящим.
Иль не довольно того, что гнев Амарíллиды злобный,
- 15 С гордым презреньем ее, терпел я? Или Меналка,
Даже не глядя на то, что черен он, ты же — весь белый?
О прекрасный юнец, доверяй не слишком ты цвету:
Белой крушине — спадать, но черную рвут голубицу!
Я презираем тобой, и не спросишь ты, кто́ я, Алéксид,
- 20 Много ль скота у меня, молока белоснежного сколько?
Тысячи бродят овец у меня по горам сицилийским,
Нет мне в парно́м молоке ни в зной недостатка, ни в стужу.

- То я пою, что певал обычно, свой скот созывая,
 Житель Диркэ Амфион на Актейском том Аракинфе.
 25 Я безобразен не так. Недавно себя я увидел
 С берега в море затихшем, без ветра; суди нас, — так Дафнис
 Не устрасил бы меня, коль не лгут никогда отраженья.
 О, если б ты пожелал со мною в убогой деревне
 В низеньких хижинах жить, пронзая на охоте оленей,
 30 Козье стадо со мной погонять зеленою мальвой!
 Вместе со мною в лесах подражал бы ты пением Пану, —
 Первый Пан тростники скреплять по несколько воском
 Установил; Пан — сторож овец и овечьих хозяев.
 Так не жалея же о том, что натер ты цевницею губы, —
 35 Чтобы все это уметь, как только Аминт ни старался!
 Слепленная из семи различных дудок цыкуты,
 Есть свирель у меня, — Дамет ее дал мне когда-то
 И, умирая, сказал: «Второй — ты ею владеешь!»
 Так Дамет сказал; и Аминт завидует глупый.
 40 Кроме того, — найдены в не совсем безопасной долине, —
 Два есть козленка, у них до сих пор шерсть в крапинах белых,
 Вымя два раза в день осушают; тебе берегу их.
 Их уж давно у меня увести Тестиллида просит,
 И уведет, коль тебе отвратительны наши подарки.
 45 Мальчик прекрасный, сюда! О, приди! Тебе лилии в полных
 Нимфы корзинах несут, для тебя белоснежной наядой
 Бледных фиалок цветы и высокие сорваны маки,
 Соединен и нарцисс с анисовым цветом душистым.
 Вот, корицу вмешав в другие сладкие травы,
 50 Нежных вакциний цветы расцветает желтою калтой.
 Сам я нарву для тебя айвы с пуховым налетом,
 Также каштанов, — моя Амариллида их ведь любила!
 Слив восковых приложу; плоды я эти уважу;
 Вас я, о лавры, сорву, и тебя, близрастущая мирта!
 55 Ведь расположены так, вы запах мешаете сладкий.

Ты простоват, Коридон, и к дарам равнодушен Алéксид,
А коль дарами бороться начнешь, Иол не уступит.
Горе! Чего я себе пожелал? Я Австра, безумный,
Сам напустил на цветы кабанов в прозрачные воды.
60 Ах, сумасшедший! Кого ты бежишь? В лесах обитал же
И дарданиец Парис! Паллада, воздвигнув твердыни,
Пусть в них сама и живет; нам лес да будет милее.
Львица за волком бежит свирепая; волк за козою,
А за китисом бегут цветущим блудливые козы,
65 А за тобой—Коридон, о Алéксид! Каждый—за страстью.
Глянь, на ярмах уж тельцы обратно тащат орала,
Солнце, спускаясь уже, удвоет растущие тени;
Я же горю от любви; для любви найдется ли мера?
Ах, Коридон, Коридон! Что тобой за безумье владеет?
70 Недообрезаны лоз у тебя зеленые листья;
Что бы тебе не плести на пользу чего-либо, что ли,
В дело мягкий камыш применив или прутья из вербы?
Если ты презрен одним, другой найдется Алéксид!

ЭКЛОГА ТРЕТЬЯ

МЕНАЛК

Ты мне, Дамет, скажи, скотина чья? Мелибея?

ДАМЕТ

Нет, она — Эгона. Мне поручил ее Эгон недавно.

МЕНАЛК

Овцы, о скот, несчастный всегда! В то время, как сам он
Льнет к Неере, боясь, не дала б она мне предпочтенья,
5 Сторож чужой что ни час доит овец по два раза
И молоко у ягнят и сок у скота отнимает.

ДАМЕТ

Все ж осторожнее так людей обвиняй ты, попомни!
Знаем мы, кто тебя — тогда и козлы-то косились! —
Да и в пещерке какой... лишь смеялись легкие нимфы!..

МЕНАЛК

10 Верно тогда, как видали, что я кустарник Микона
Злым подрезаю серпом и лозы его молодые?

ДАМЕТ

Или ж под буками старыми здесь, когда Дафниса лук ты
Да и тростинки сломал. Ведь ты, Меналк непутевый,
Как увидал, что даны они мальчику, был в огорченьи
15 И, не наделав ему вреда в чем-нибудь, ты бы умер!

МЕНАЛК

Как господам поступать, коль воры столь смелыми стали?
Иль я не видел тебя, как козла у Дамона, мерзавец,
Ты же обманом словил, когда лаяла сильно Лициска?
И когда я закричал: «Куда ж он теперь удирает?
20 Титир, скот собери!» — ты уже за осокой скрывался.

ДАМЕТ

Но, побежденный в пеньи, того он не отдал бы разве
Мне козла, что моя заслужила песней цевница?
Или не знаешь? Моим уж был тот козел, и Дамон мне
Сам подтверждал, да отдать мне его — говорил он — не может.

МЕНАЛК

25 Как? Ты в пеньи — его? Да была ль у тебя и свирель-то,
Воском скрепленная? Иль на распустьях всегда ты не сеял,
Неуч, с скрипящею дудкой своих несчастных напевов?

ДАМЕТ

Так испытать, кто что может, не хочешь ли ты по порядку?
Эту я ставлю корову, чтоб ты не мог отказаться
30 (Дважды на дойку идет, два плода выменем кормит).
Ты же скажи мне, со мной каким залогом ты споришь?

М Е Н А Л К

Я из стада тебе ничего не посмел бы поставить:
 Есть и отец у меня, и придира-мачеха дома.
 Оба дважды на дню считают скотину, козлят же
 35 Он иль она. Но что сам, наверно, признаешь ты бoльшим —
 (Раз уж с ума ты сошел) — я кубки ставлю из бука:
 Сделана их резьба божественным Алкимедонтом;
 Гибкая легким резцом лоза прибавлена сверху,
 Бледный, все покрывающий плющ она гроздем одела.
 40 А посредине два лика: Конон и... — кто же другой был?
 Тот, начертавший весь круг для народов тростью, сказавший,
 Что за погоду иметь будет жнец и пахарь согбенный?
 К ним еще губ не приблизил я, но сохраняю их, спрятав.

Д А М Е Т

Алкимедонт тот же самый мне тоже сделал два кубка,
 45 Мягким он ручки вокруг аканфом обвил, посредине
 Изобразил он Орфея с лесами, идущими следом;
 К ним еще губ не приблизил я, но сохраняю их, спрятав.
 Коль пред глазами корова, хвалить уж нечего кубки.

М Е Н А Л К

Нынче тебе не сбежать. Пойду, на что б ни позвал ты.
 50 Первый прохожий пусть слушает нас, да вот хоть Палéмон.
 Сделаю так, чтоб потом уж ни с кем не тягался ты в пенн.

Д А М Е Т

Ну, коль имеешь что-либо, за мной задержки не будет,
 Я никого не бегу. Но, сосед Палемон, ты только
 К сердцу все это поближе прими, не мало то дело.

ПАЛЕМОН

55 Так говорите же, благо на мягкой траве мы уселись.
Всякое дерево ныне и всякое поле рождает,
Зелены ныне леса, — прекрасное самое время.
Ты, Дамет, начинай; Меналк, ты следовать будешь,
Будете петь вы в черед; очередное любят Камены.

ДАМЕТ

60 «Музы, начало с Юпитера; все Юпитером полно!
Он — покровитель земель; ему мои песни — забота».

МЕНАЛК

«Я же Фебом любим. У меня постоянно для Феба
Есть приношения: лавр с гиацинтом сладостно-алым».

ДАМЕТ

«Девушка резвая, яблоко бросив в меня, Галатея,
65 В ветлы бежит, но жаждет, чтоб я ее раньше увидел».

МЕНАЛК

«Мне же по воле себя, — огонь мой, — Аминт предлагает.
Даже и Делия так не знакома уж нашим собакам».

ДАМЕТ

«Я для Венеры моей приобрел дары: я заметил
Место, воздушные где голубки гнездо себе свили».

МЕНАЛК

70 «Мальчику, с дерева выбрав лесного, что смог, то послал я:
Десять яблок золотых, и скоро пошлю и другие».

ДА М Е Т

«О, сколь часто и что Галатея мне говорила!
Ветры, хотя бы лишь часть к ушам богов отнесите!»

М Е Н А Л К

«Что мне пользы, что ты, Аминт, меня сердцем не презрел,
75 Если пока кабанов ты гоняешь, сети храню я?»

ДА М Е Т

«Мне ты Филлиду пришли; Иол, мое нынче рождение, —
Сам же приди, когда телку я справлю для праздника жатвы»

М Е Н А Л К

«Всех мне Филлида милей: меня провожая, рыдала,
Долго: прекрасный, прощай, прощай, Иол! — говорила».

ДА М Е Т

80 «Пагубен волк хлевам, дожди — урожаем поспевшим,
А для деревьев — ветра, для меня ж — Амариллиды гнев».

М Е Н А Л К

«Сладостна севам роса, отнятым земляничник козлятам,
Маткам — гибкая ива, а мне — Аминт лишь единый».

ДА М Е Т

«Любит мою Поллион, хоть она деревенская, Музу.
85 Вашему вы чтецу, Пиэриды, телку пасите».

М Е Н А Л К

«Новые песни творит Поллион сам: быка вы пасите,
Что уже рогом грозит и песок ногами взрывает».

ДА М Е Т

«Кем ты любим, Поллион, пусть дойдет и с тобой веселится.
Мед пусть течет для него и амбром ежевика приносит».

М Е Н А Л К

90 «Бавия кто не отверг, тебя пусть полюбит, о Мевий!
Пусть козлов он доит и пусть лисиц запрягает».

ДА М Е Т

«Вы, что рвете цветы, землянику, растущую низко,
Дети, бегите, — в траве змея холодная скрыта!»

М Е Н А Л К

95 «Остерегайтесь, овцы, вперед забегать, — не надежным
Кажется берег: баран до сих пор сам шерсть свою сушит».

ДА М Е Т

«Титир, пасущихся козочек ты отгони от потока!
Сам, когда время мне будет, их вымою всех в роднике я».

М Е Н А Л К

«Дети, сберите овец! Коль жар молоко перехватит,
Тщетно жать, как недавно, руками будем мы вымя».

ДА М Е Т

100 «Как на богатой, увы, стал худ мой бык чечевице!
Та же любовь — погибель стадам и начальнику стада».

М Е Н А Л К

«Верно, для этих любовь не причина, — а кожа да кости!
Глаз, не знаю какой, ягнят молоденьких сглазил».

Д А М Е Т

«В землях каких, скажи (Аполлон ты мне будешь великий),
105 Неба пространство всего шириною в три локтя открыто?»

М Е Н А Л К

«В землях каких, скажи, рождаются цветы, на которых
Писано имя царей? — Филлида твоею лишь будет».

П А Л Е М О Н

Нет, не мне разрешать меж вас столь крупные тяжбы.
Ты коровы достоин, и он, и каждый, кто сладкой
110 Не побоятся любви и горькой не испытает.
Дети, закройте канавы, — луга довольно напились...

ЭКЛОГА ЧЕТВЕРТАЯ

Музы Сицилии, петь поважнее давайте предметы!
Ведь не по вкусу для всех кусты с тамариском укротным.
Ежель леса мы поем, пусть консула станут достойны.
Век последний уже пришел по пророчествам Кумским,
5 Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
Мальчика лишь охрани рожденного, с коим железный
Кончится род, золотой же возникнет для целого міра,
10 Чистая, ты, Люцина! У власти уже Аполлон твой.
В консульство придет твое, в твое, тот век благодатный,
О Поллион! выступать великие месяцы станут.
Если под властью твоей след наших пребудет пороков, —
Немощны, землю они от вечного страха избавят.
15 Жизнь он получит богов, увидит героев с богами
Вместе, они же его увидят к себе приобщенным.
Мир покорится ему, успокоенный доблестью отчей.
Мальчик, подарки тебе земля без всякой возделки
Высыплет первые, плющ блуждающий с баккаром всюду
20 Перемешав и цветы колокасий с веселым аганфом.
Сами домой понесут молоком надутое вымя
Козы; не станут стада и львов огромных бояться.

- Сладостных сами цветов тебе изольют колыбели,
 Сгинет также змея, и трава с предательским ядом
 25 Сгинет, и будет расти повсюду амѳм ассирийский.
 Но в то же время героев хвалу и деянья отцовы
 Сможешь уже ты читать и познать, какова добродетель.
 Колосом нежным меж тем понемногу поля зажелтеют,
 И с невозделанных лоз повиснут алые гроздья,
 30 Крепкие дубы начнут сочиться медом росистым.
 Малые все же следы сохранятся прошлых ошибок
 И повелят на судах Фетиду испытывать, грады
 Поясом стен окружать и в землю браздами врезаться.
 Явится Тифис другой и Арго, везший героев
 35 Избранных; боле того, и войны новые будут,
 И на троянцев опять Ахилл пошлется великий.
 После ж, как мужем тебя твой сделает возраст окрепший,
 С моря уйдет мореход, и пловучие сосны не будут
 Больше товаров менять, — но всё все земли доставят.
 40 Почва не будет страдать от мотыг, от серпа — виноградник,
 И здоровяк земледел волов избавит от ига.
 Разных не будет и шерсть принимать обманно окрасок,
 Но на лугах сам баран то в пурпур сладостно-алый,
 То в золотистый шафран изменять руно свое будет;
 45 Сурик по воле своей оденет пасущихся агнцев.
 «Мчитесь, такие века!» — сказали своим веретенам
 Парки, с волей судеб устойчивой вечно согласны.
 Шествуй к высшим честям (тогда уже время наступит),
 Отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя!
 51 Узри же мир, что своим колеблется выпуклым весом,
 Земли, просторы морей и все глубинное небо.
 Узри, как всё, что живет, веселится грядущему веку.
 Лишь бы последнюю часть сохранить мне длительной жизни,
 Лишь бы дыханья хватило твои прославить деянья!
 55 В песнях меня победить Орфей фракиец не сможет,

Или же Лин,—хоть тот с отцом и с матерью этот,
Тот с Каллионой Орфей, а Лин с Аполлоном прекрасным.
Даже и Пан, пред Аркадским судом со мной состязаясь,
Даже и Пан пред Аркадским судом в пораженьи сознался б.
60 Маленький мальчик, начни ты мать узнавать по улыбке,—
Десять месяцев ей принесли страданий не мало.
Маленький мальчик, начни: кто не знал родителей смеха,
Трапезой бог того не почитит, ни ложем богиня.

ЭКЛОГА ПЯТАЯ

МЕНАЛК

Что бы нам, Мопс, если мы искусные встретились оба, —
Я — стихи говорить, ты — дуть в легковесные трости, —
Здесь не усесться с тобой в орешник, смешанный с кленом?

МОПС

Старший ты, и тебя, Меналк, я слушаться должен...
5 Или под тень, что дрожит, когда Зефиры в волненьи,
Или в пещеру скорей взойдем. Взгляни, как в пещере
Гроздьями редкими всё лоза покрыла лесная.

МЕНАЛК

В наших горах лишь один с тобой Аминт бы поспорил!

МОПС

Что ж? Коль он спорить готов, что и Феба в пеньи превысит?

МЕНАЛК

10 Первым, Мопс, начинай, что есть, или пламя Филлиды,
Алкона, если имеешь, хвалу или Кодровы ссоры.
Так начинай; сбережет пасущихся Титир козляток.

М О П С

Лучше те песни, что я на коре зеленого бука
Только на днях начертал и черед, напевая, наметил,
15 Мне испытать. Ты только вели, чтоб Аминт состязался.

М Е Н А Л К

Гибкая ива насколько седой уступает оливе,
Или насколько простая пунцовым розам лаванда,
Так по суду моему и тебе, Аминт, уступает.
Но перестань же ты, мальчик: уже взошли мы в пещеру.

М О П С

20 «Нимфы над Дафнисом мертвым, жестокою смертью угасшим,
Плакали (ты, орешник, вы, реки, — свидетели нимфам)
В час, как обнявшая тело несчастное сына родного,
Всех и богов, и светила жестокие мать призывала.
Сытых своих никто быков в течение дней тех
25 К рекам, о Дафнис, студеным не вел, ни в одном из потоков
Не пил и конь в эти дни и зелени трав не касался.
Дафнис, пунийские львы о тебе, отошедшем, стонали
Даже: так говорят и леса, и дикие горы.
Дафнис армянских впрягать под ярмо колесничное тигров
30 Установил, и Дафнис — вести хороводы для Вакха;
Листьями мягкими крыть научил он гибкие копыя.
Как для деревьев лоза, а гроздь для лозы украшенья,
Как для стада быки, а посева для пашен обильных,
Так ты красой был своим. Когда унесли тебя судьбы,
35 Палес и сам Аполлон поля оставили наши.
Часто в бороздах, которым ячмень поручали мы крупный,
Только бесплодный овес и плевел родится несчастный;
Вместо нежной фиалки и яркого цветом нарцисса

Чертополох и крушина колючими встали шипами.

- 40 Землю усыпьте листвою, над источником тень наведите,
 Пастыри: в память свою поручает то делать вам Дафнис.
 Сделайте холм, на холме же такие стихи начертайте:
 Дафнис я в этих лесах, до звезд отсюда известен,
 Стада прекрасного сторож, но сам прекраснее стада...»

М Е Н А Л К

- 45 Богоподобный поэт, для нас твоя песня отрадна,
 Как для усталого сон на траве, как отрадно при зное
 Жажду гасить у ручья, волною бьющего сладкой.
 Ты не свирелью одной, но и пеньем наставнику равен.
 Мальчик счастливый, за ним вторым ты будешь отныне.
 50 Мы же, какие ни есть, тебе наши в очередь песни
 Скажем и Дафниса в них твоего поднимем к светилам,
 Дафниса мы вознесем: и к нам благосклонен был Дафнис.

М О П С

- Что может быть для меня приятней такого подарка?
 Мальчик и сам был достоин, чтоб пели его, и об этих
 55 Песнях мне раньше уже Стимихон говорил с похвалою.

М Е Н А Л К

- «Светлый дивится теперь незнакомым порогам Олимпа,
 Ныне у ног своих зрит облака и созвездия Дафнис.
 Резвое ныне леса и всю деревню веселье
 Всех пастухов и Пана и дев Дриад наполняет.
 60 Волк скотине засад и сеть никакая оленям
 Зла не замыслят уж: доброму Дафнису любы досуги.
 Сами в весельи теперь возносят голос к светилам
 Горы лесистые, сами теперь уже песнями скалы,
 Сами дубравы звучат: Меналк, божество, божество он!

- 65 Будь благосклонен и добр ко своим. Алтаря вот четыре:
 Дафнис, два для тебя, а два престола для Феба.
 Два сосуда с шумящим парным молоком ежегодно,
 Два буду ставить кратёра с густым оливковым маслом.
 Прежде всего оживляя обильным пиры нашим Вакхом,
 70 Перед огнем — если холод, коль лето — под тенью, я буду
 Нектар новый, вино Арэусии лить из сосудов.
 Будут тут распевать Дамет и Эгон ликтнец,
 Пляшущим Алфесибей подражать тут будет сатирам.
 Так будет вечно — тебе, молитвы ль торжественно будем
 75 Нимфам мы воссылать иль поля обходить, очищаясь.
 Вепрь пока не разлюбит хребтов, а рыба — потоков,
 Тмином будет питаться пчела, а цикада — росой,
 До тех пор твоя честь и хвала и имя пребудут.
 Так же, как Вакху с Церерой, так будут тебя ежегодно
 80 Все земледельцы молить: ты сам их принудишь к молитвам».

М Е Н А Л К

Что я тебе, что за дар воздам за песню такую?
 Ибо ни свист набежавшего Австра, ни берег, звенящий
 От прибывающих волн, не так мне нравятся сильно,
 Ни те потоки, что мчат, в каменистых стекая долинах!

М О П С

- 85 Хрупкую эту тебе подарю я раньше цикуту;
 «Жарко пылал Коридон...» с цикутою этою пел я,
 С нею же выучил я: «Скотина чья? Мелибея?»

М Е Н А Л К

- Ты ж этот посох возьми — его Антигену я не дал,
 Он хоть и часто просил — и тогда любви был достоин.
 90 Равными посох узлами, Меналк, и медью прекрасен!..

ЭКЛОГА ШЕСТАЯ

- Благословила сперва стихом запеть сиракузским
И средь лесов обитать не зазрелась наша Талія.
Стал воспевать я царей и бои, но щипнул меня Кинтий
За ухо с речью такой: «Пастуху подобает, о Титир,
5 Тучных овец пасти и петь негромкие песни!»
Ныне же (ибо всегда найдутся, кто пожелает,
Вар, тебя восхвалять и петь прискорбные войны)
Сельский стану напев измышлять на тонкой тростинке.
Не без приказа пою. Но если кто-нибудь, если
10 Кто-нибудь, Вар, прочитает с любовью это, — наш вереск,
Роща вся воспевает тебя! Нет Фебу приятней
В мире страницы, чем та, где написано Варово имя.
В путь, Пиэриды!.. Хромид и Мназил, мальчуганы, в пещере
Раз увидали, как сам Силён покоится спящий,
15 Жилы ж его, как всегда, вином вчерашним надуты.
Только что пав с головы, плетеницы поодаль лежали,
Тут же тяжелый висел и канфар на ручке потертой.
Тотчас напав (и старик их обманывал часто обоих,
Песню суля) на него, плетениц тех накинули путы.
20 К ним, боязливым еще, подходит союзницей Эгла,
Эгла, красавица между Наяд, и открывшему снова
Веки—и лоб, и виски кровяной земляникою красит.

- Он же, их шутке смеясь: «Что путы сплетаете? — молвит —
 Дети, пустите меня! Подумал, что смог, — и довольно...»
- 25 Песни, желанные вам, узнайте; песни—для вас двух,
 Ей же в награду найду другое... И тотчас он начал.
 Ты увидал бы тогда, как пляшут фавны и звери
 В лад, непреклонные как качают верхушками дубы.
 Даже и Фебу не так веселятся Парнаса утесы,
- 30 Даже и Йсмар с Родопой не так дивятся Орфею.
 Ибо запел он о том, как собраны в бездне глубокой
 Были зачатки земель и тверди воздушной, и моря,
 Жидкого также огня; как всё из этих первейших
 Произошло и как сам стал юный мир разрастаться,
- 35 Почва же стала твердеть, отграничивать в море Нерей
 Стала, и формы вещей начала принимать понемногу.
 Земли дивятся уже, что сияет новое солнце,
 И из поднявшихся туч с высоты проливаются ливни,
 И начинают леса вырастать впервые, и бродят
- 0 Редкие звери уже по горам, еще неизвестным.
 Тут он о брошенных Пиррой камнях, о Сатурновых царствах,
 Птицах Кавказских поет и о той Прометеевой краже.
 Молвит еще, у какого ручья оставивши Гиля,
 Звали его моряки: «Гил! Гил!» — раздавалось по берегу.
- 45 Также счастливую, если бы не было стада, Пасифаю
 Он облегчает тельца белоснежного нежною страстью.
 Дева несчастная, ах! Что тобой за безумье владеет?
 Также Пройтиды поля наполнили ложным мычаньем, —
 Все же из них ни одна не пошла на гнусное ложе
- 50 Скотского брака, хотя и боялась плуга для шеи,
 И хоть частенько рогов на лбу своем гладком искала...
 Дева несчастная, ах! теперь по горам ты блуждаешь.
 Он белоснежный свой бок на мягком простер гиацинте,
 Жвачку зеленой травы жуя под иликом черным,
- 55 Или же в стаде большом за какой-нибудь гонится... «Нимфы!

Нимфы Диктейские! Рош замкните ущелья, замкните,
 Ежели нашим глазам попадетя случайно навстречу
 След бродячий быка, быть может, его, как зеленой
 Он увлечется травой иль следовать будет за стадом,
 60 К хлевам какие-нибудь приведут гортинским коровы!»
 Деву поет, что красе Гесперидовых яблок дивится;
 Тут и Фартонтиад кругом обвивает он мохом
 Горькой коры, и с земли подымает высокие ольхи.
 Вот он поет, как у струй Пермесских блуждавшего Галла
 65 Ныне одна из Сестер увела в Аонийские горы;
 С места как Фебов весь хор поднялся мужу навстречу,
 Как сказал ему Лин, пастух с божественной песнью,
 Кудри украсив цветами и горькой листвою сельдерея:
 «Эти тростинки тебе (возьми же их!) Музы даруют.
 70 Ранее ими владел аскрейский старец; нередко
 Ясени стройные с гор низводил он долу их пенем.
 Ими ты Расскажи дубравы Гринеиской начало,
 Чтобы не мог Аполлон никакой так рошей гордиться.
 Вспомню ль про Нисову Скиллу, чье белое лоно, как молвят
 75 С лаем чудовища вокруг опоясали, как заманила
 Ряд дулихийских судов и там, в пучине глубокой, —
 Ах! — моряков боязливых терзала псами морскими?
 Или как он описал превращенные члены Терей,
 Что за пиры Филомелой ему, что за дар приготовлен,
 80 Бегством каким он пустыни достиг и с какими крылами
 Он злополучный порхал над своею же собственной кровлей?
 Все, что в оные дни замыслил Феб, что блаженный
 Слышал когда-то Эврот, что велел он выучить лаврам,
 Все он поет, и несут, отдаваясь, к звездам долины, —
 85 Но уже вечер велит загонять овец по овчарням
 И проверять их число, наступив не по воле Олимпа.

ЭКЛОГА СЕДЬМАЯ

МЕЛИБЕЙ

- Как-то случайно уселся под звонким ясенем Дафнис;
И, собирая стада, Коридон их и Тирсид сгоняли:
Тирсид — овец, Коридон же — коз, растянутых млеком,
Оба цветущие возрастом, дети Аркадия оба,
5 Равно готовы и петь, и ответствовать равно готовы.
Тут, пока нежные я защищаю от холода мирты,
Стада супруг, сам козел заплутался, и Дафниса тут же
Вижу; а он, как завидел меня — «Сюда! — говорит мне —
О Мелибей, поскорее! Козел твой здоров и козлята.
10 И коли праздным можешь побыть, отдохни ты под тенью.
Сами сюда, чтобы пить, через луг приходят телята.
Мягким здесь камышом зеленые кроет побережья
Минкий, и гулко рой звучат из священного дуба».
Что было делать? Филлиды я не имел, ни Алкиппы,
15 Кто бы от вымени отнятых дома ягнят моих запер.
А поединок там был, — Коридон и Тирсид, — великий!
Тем, что было мне важно, я все ж пренебрег для игры их.
И очередными вот состязаться стали стихами
Оба они; вспоминать очередное Музы хотели.
20 Эти пел Коридон, а те ответствовал Тирсид:

К О Р И Д О Н

«Нимфы, наша любовь, Либетриды, или же песню
 Вы мне такую, как Кодру, даруйте, — ближайшее к Фебу
 Он стихом создает, — иль если не всем то возможно,
 Пусть на священной сосне моя звонкая флейта повиснет».

Т И Р С

25 «Пастыри, лавром украсьте растущего ныне поэта,
 С зависти пусть оборвутся у Кодра кишки, аркадийцы!
 Если ж чрезмерно он станет хвалить, наперстянкой венчайте
 Лоб, чтоб грядущему злым языком певцу не вредил он».

К О Р И Д О Н

«Мальчик Микон тебе дал, Делийка, щетинного вепря
 30 Голову в дар и, как ветви, рога пожилого оленя.
 Если моим это будет, из гладкого мрамора вся ты
 Будешь стоять, обвязав пунцовым икры котурном».

Т И Р С

«Будет тебя ожидать сосуд молока ежегодно
 С этим печеньем, Приап; ты—сторож бедного сада.
 35 Временно мраморным ныне тебя мы сделали: если ж
 Стадо рождением пополнится, быть тебе и из злата!»

К О Р И Д О Н

«О Галатей Нерина, гиблейского тмина мне слаще,
 Ты, что светлей лебедей, плюща мне белого краше,
 Только лишь сытые вновь возвратятся быки наши к стойлам,
 40 Ты приходи, если помнишь еще своего Коридона».

Т И Р С

«Трав сардонийских скорей считать меня будешь ты горше,
 Тернов ужасней и брошенной морем порости хуже,
 Коль этот день для меня не длиннее целого года.
 Сыты, идите домой, коль стыд есть, идите, телята!»

К О Р И Д О Н

45 «Травы, что мягче, чем сон, и источники, скрытые мохом,
 И осенивший вас редкою тенью зеленый кустарник,
 Вы защитите от зноя стада: уж лето приходит
 Жаркое, почки уже на гибких ветвях набухают».

Т И Р С

50 «Здесь очаг и сосновые пышные ветви, огонь здесь
 Сильный всегда, и черны от вечной копоти двери.
 Здесь мы заботимся так о хладе Борея, как волки
 Об избилли стад иль о береге шумные реки».

К О Р И Д О Н

«Ныне стоит можжевельник, а также каштаны, — косматы,
 Всюду, упавши, лежат плоды под своими древами.
 55 Все смеется теперь, но если прекрасный Алексид
 С этих гор бы ушел, то нашел бы и реки сухими».

Т И Р С

«Высохло поле; трава, умирая от порчи воздушной,
 Жаждет. Либер завидует тени холмов виноградной.
 Зазеленеет вся роща с приходом нашей Филлиды,
 60 Также Юпитер сойдет веселым дождем многократно».

К О Р И Д О Н

«Тополь Алкиду приятен весьма, лоза же—Иакху,
Мирт—прекрасной Венере, а лавр его собственный—Фебу;
Любит Филлида орешник. Пока его любит Филлида,
Не победить орешников мирту, ни Фебовым лаврам».

Т И Р С

65 «Вяз для леса прекрасен весьма, сосна же—для сада,
Тополь—там, где река, а ель—где высокие горы,
Но если б чаще меня, Ликида прекрасный, ты видел,
Пусть тебе вяз бы в лесах и сосна в саду уступила».

Это я помню. И Тирсид вотще, побежденный, тягался:
70 С этого времени стал для нас Коридон Коридоном.

ЭКЛОГА ВОСЬМАЯ

- Музу двух пастухов, Дамона и Алфесибей,
Коим, забыв о траве, дивилась корова, во время
Их состязанья, чья песнь в изумленье вводила и рысей,
Музу Дамона теперь повторим и Алфесибей.
- 5 Ты! — ведет ли твой путь через великого скалы Тимава,
Иль огибаешь ты брег Иллирийского моря, — придет ли
День, когда будет дано мне твои прославить деянья,
Время придет ли, дано ли мне будет рассеять по миру
Песни твои, что достойны одни лишь котурна Софокла?
- 10 Было начало твоим, тобой и закончится: песни
Эти прими, — их же сам ты начать повелел, — и позволь мне
Ныне плющ для тебя заплести в победные лавры!
Ночи прохладная тень едва снизошла с небосклона,
В час, как на травке роса особливо отрадна скотине,
- 15 Петь так начал Дамон, прислонясь к округлой оливе:
«О народись, Светоносец, и день предводи благодатный!
Милой мне Нисы меж тем недостойной обманут любовью,
Жалуюсь я и к богам, хоть не в прок их свидетельство было
Мне, обращаюсь теперь, в последний час, умирая.
- 20 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
Звучных зеленью рощ, говорящими соснами Мэнал
Вечно одет; пастухов он внемлет вечно любви,

- Также и Пану, что первый не снес тростников бесполезность.
 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
- 25 Мопсу Ниса дана. Что только не ждет нас — влюбленных?
 Скоро грифы сойдутся с конями и в будущем веке
 Вместе со псами пойдут к водопою робкие лани.
 Факелов, Мопс, наруби! — к тебе супружницу вводят.
 Муж, сыпь орехи! — для вас оставлена Геспером Эта.
- 30 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
 О, сопряженная с мужем достойным! Коль всех презираешь,
 Коль ненавистна тебе моя цевница и козы,
 Коль не выносишь торчащих бровей с бородою отросшей,
 Значит не веришь, чтоб боги блюли что-либо земное.
- 35 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
 Маленькой в нашем саду, росистые яблоки рвущей
 С матушкой, — я провожатый ваш был, — тебя увидал я,
 Мне же двенадцатый год в то время как раз начинался
 И уж до ломких ветвей я мог с земли дотянуться.
- 40 Как увидал — так погиб! Заблуждением был черным охвачен.
 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
 Ныне я знаю, каков Амор: на суровых утесах
 Тмар иль Родопа его иль на крае земли Гараманты —
 Мальчика — произвели ни нашего рода, ни крови.
- 45 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
 Злобный Амор научил и мать детей своих кровью
 Руки себе запятнать, жестокий! Мать тоже такая!
 Ты — жестокая мать! Но мальчик все же коварней...
 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною!
- 50 Ныне пусть волк бежит от овец, и золотые приносят
 Яблоки твердые дубы, ольха расцветает нарциссом;
 Пусть и мирики кора источает обильные смолы;
 С лебедем спорит сова; пусть Титир станет Орфеем,
 Станет Орфеем в лесах, меж дельфинов самим Арионом
- 55 Ряд меналийских стихов начинай, моя флейта, со мною

- Пусть всё в бездну морей обратится! Рощи, прощайте!
В волны ныне стремглав с горы я высокой низринусь.
Этот подарок прими последним от близкого к смерти!
Ряд меналийских стихов прекрати, прекрати, моя флейта!»
- 60 Так пел Дамон. Но о том, что отвечено Алфесибеем,
Вы, Пиериды, скажите: не всякому все ведь доступно.
«Вынеси воду, укрась свой жертвенник мягкой повязкой,
Тучной вербены зажги и ладана также мужского,
Ибо хочу попытать совратить магической жертвой
- 65 Здравый милого ум; тут все есть, кроме заклятий...
Дафниса к дому ведите из града, ведите, заклятья!
Даже и с неба луну свести заклятия могут;
Силой заклятий Киркея друзей обратила Улисса,
Хладную также змею в лугах заклятия губят.
- 70 Дафниса к дому ведите из града, ведите, заклятья!
Трижды во первых тебе, тройной различные краской,
Нити вокруг обвожу; вокруг алтаря я три раза
Лик обношу: число печетное богу любезно.
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
- 75 Свяжешь трижды узлом, Амариллида, разных три краски,
Свяжешь — и тотчас скажи: Венеры вяжу я оковы!
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
Как этот воск отекает, как глина — затвердевает
В том же самом огне, так в нашей Дафнис любви.
- 80 Сыпь муку и зажги смолою ломкие лавры:
Жжет злой Дафнис меня, на Дафнисе жгу этот лавр я.
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
Эти он некогда мне, вероломный, одежи оставил,
Свой залог дорогой, который тебе на пороге
- 85 Ныне вручаю, земля. За него мне Дафнис залогом.
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
Эти травы и эти на Понте найденные яды
Передал Мэрид мне сам, — их много родится у Понта.

- Видела часто сама, как волком чрез них становился
90 Мерид и в лес уходил; как часто из склепов глубоких
Души он вызывал и к соседу сводил урожаи.
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
Вынеси пепел за дверь, Амариллида; в струи потока
Через голову брось и назад не гляди... Приступлю я
95 К Дафнису так: ни богов не боится он, ни заклинаний!
Дафниса к дому из града ведите, заклятья, ведите!
На алтаре, — посмотри! — как пепел пламенем зыбким
Вспыхнул сам по себе, пока медлю. Ко благу да будет!
Что это, верно не знаю... И лает Гилак у порога!..
100 Верить ли? Иль кто влюблен создает себе сам сновиденья?
Полно! Из града идет — так полно ж, заклятия! — Дафнис».

ЭКЛОГА ДЕВЯТАЯ

Ликид, Мерид

Л и к и д

Мерид, куда тебя ноги несут? Иль дорогою в город?

М е р и д

О, Ликид, вот дожили мы, что пришлец, завладевший
Нашей землицей (чего никогда-то мы не боялись)

«Это мое, — нам сказал, — уходите, бывшие владельцы!»

5 Вот — побежденный и грустный, раз всё Судьба разрушает,
Этих ему отношу я козляток — будь ему пусто!

Л и к и д

Все же я верно слышал: с тех мест, где холмы начинают
Скрадываться и хребет спускать отлогим наклоном

Вплоть до воды и до старых, с вершиной надломленной буков,

10 Все это песнями ваш сохранил Меналк во владеньи.

М е р и д

Слышал ты, и ходила молва, но песни настолько

Наши сильны, Ликид, меж Марсовых копий, насколько

При приближеньи орла, говорят, Хаонии голубь.
 Ибо, из дуба пустого когда б не велела ворона
 15 Слева не затевать мне с ними нового спора,
 Здесь ни Мериду боле не жить бы, ни даже Меналку.

Л и к и д

Кто бы подумал, увы, о злодействе таком? Утешенье
 Наше с тобою, увы, Меналк, едва не погибло.
 Кто бы Нимф воспевал? Кто цветущими травами землю
 20 Стал устилать бы, зеленой скрывать источники тенью?
 Песни те петь, что на-днях у тебя подхватил я тихонько
 В час, как спешил к Амариллиде ты, к наслаждениям нашим.
 «Козочек, Титир, паси, пока я вернусь, — путь не долог,
 Сытых же пить их гони, а пока их, Титир, ты будешь
 25 Гнать, с козлом, берегись, не встречайся, — он рогом
 дерется!»

М е р и д

Или ж те песни, которые Вару он пел, не окончив.
 «Вар, о имя твое, — лишь бы Мантуя нашей осталась,
 Мантуя, близкая слишком, увы, к несчастной Кремоне, —
 В песнях высоко вносить к созвездьям лебеди будут!»

Л и к и д

30 Так, рой пусть твои Кирнейских тисов избегнут,
 Так, пусть китисом насыщены, вымя коровы вздувают.
 Если, что есть, начинай; и меня Пиериды поэтом
 Сделали, и у меня есть песни; меня называют
 Тоже певцом пастухи, но только я к ним недоверчив.
 35 Нет, я доселе пою недостойно Вария с Цинной, —
 Кажется мне, гогочу, как гусь меж лебедей звонких.

М е р и д

Делаю то же, Ликид, и молча с собой размышляю,
Вспомнить смогу ли; и есть одна достойная песня:
«О, Галатей, приди! В волнах какая забава?
40 Здесь многоцветна весна, земля близ рек рассыпает
Разные здесь цветы, у пещеры здесь тополь серебристый
Высится, гибкие лозы здесь сени свои заплетают.
О, приди! О берег пусть бьются безумные воды!»

Л и к и д

Что? Те песни, которые, слышал я, ясною ночью
45 Пел ты один? Я их помню напев; если б помнил слова я!

М е р и д

«Дафнис, зачем на восход созвездий древних ты смотришь?
Сына Дионина, вот уж Цезаря вышло светило,
То светило, под коим посева плоды взвеселятся
И на открытых холмах воспримут гроздь окраску.
50 Груши, Дафнис, сажай! Срывать плоды их—внучатам!»
Все уносят года, и ум. Бывало нередко
Мальчиком долгие дни проводил я, помню, за пенем.
Столько я песен теперь позабыл! Даже Мерида голос
Сам бежит от него. Его, первые, видели волки.
55 Все же тебе повторять Меналк их будет частенько.

Л и к и д

Ты, объясняя причины, мои лишь желанья множишь.
Ныне вода для тебя молчит, неподвижная; также
Все дуновенья, взгляни, успокоили ветряный ропот.
Здесь нам как раз середина дороги; и вот Бианора

- 60 Уж начала появляться гробница. Здесь, где густую
Режут листву земледельцы, здесь, Мерид, давай поем мы!
Здесь козлят положи. Мы до города все ж доберемся.
Если же страшно, что ночь нагонит дождя до прихода,
Можем все время и петь и идти, — так приятней дорога.
- 65 Чтобы нам петь и идти, тебя облегчу я от ноши.

М е р и д

Мальчик, пора перестать. Займемся тем, что нам нужно, —
Лучше тогда, когда сам придет он, песни споем мы.

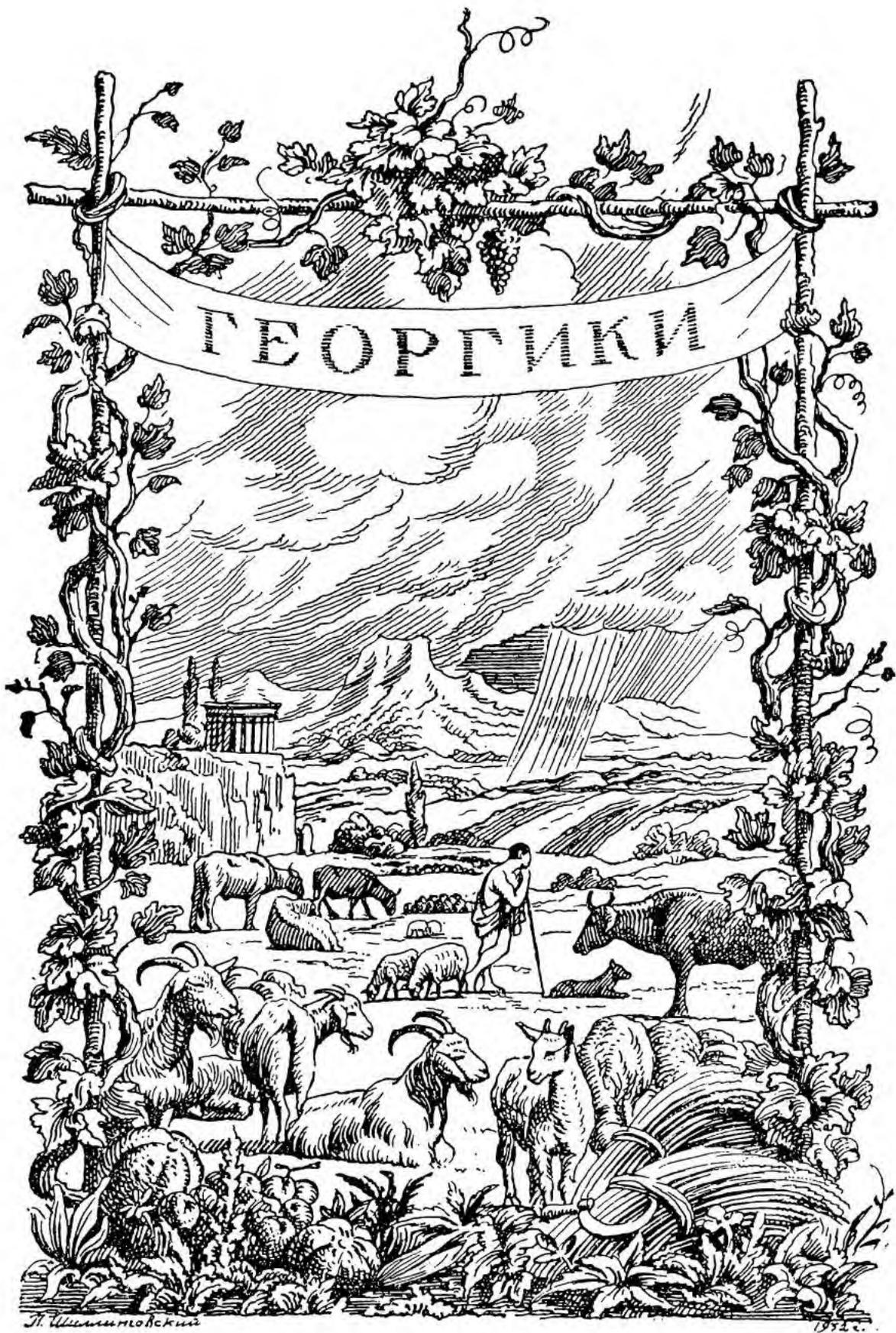
ЭКЛОГА ДЕСЯТАЯ

Эту последнюю мне уступи, Аретуса, работу:
Галлу сказать моему надо песен немного, — но чтобы
Их Ликорида прочла. Кто в песнях Галлу откажет?
Пусть же, когда под волной протекать ты будешь Сикинской,
5 Горькой своей струи с тобой не смешает Дорида!
Так начинай! Воспоем любовь беспокойную Галла,
Козы ж курносые пусть обрывают мягкий кустарник.
Не для глухих мы поем: леса на все отвечают.
В рощах каких, в каких ущельях, девы-Наяды,
10 Были вы в час, как Галл погибал от любви недостойной?
Ибо тогда ни Парнасса хребты, ни Пинда не в силах
Были его удержать, ни в Аонии та Аганиппа.
Даже и лавры его, тамариски оплакали даже.
Сам сосноносный над ним, под скалой одинокой лежащим,
15 Плакал и Менак тогда, и прохладные камни Ликей.
Вкруг и овцы стоят (к нам нет у них чувства презренья, —
Не презирай же и ты, поэт божественный, стада:
Сам прекрасный овец у потоков пас и Адонис!),
Вот пришел и овчарь, с опозданием пришли свинопасы,
20 Вот в Менак пришел, от зимнего жолудя мокрый.
Все вопрошают: «Откуда такая любовь?» Появился
И Аполлон. «Что безумствуешь, Галл? — говорит, — Ликорида,

- Счастье твое, за другим в лагерь и снега удалилась».
Вот пришел и Сильван с венком на челе деревенским:
- 25 Лилии крупные он сотрясал с зацветшей осокой.
Пан, Аркадии бог, пришел, которого сами
Видели мы, от ягод бузиновых и сурика красным.
«Будет ли мера?» — сказал. — Нет Амору до этого дела.
Нет, ни слезами жестокий Amor, ни травы ручьями,
- 30 Ни китисом пчела, ни зеленью козы не сыты.
Он же печальный: «Но все ж вы будете петь, аркадийцы,
Все это вашим горам, вы одни искусные в пеньи,
О аркадийцы! Как сладко мои успокоятся кости,
Ежели ваша свирель про любовь мою некогда скажет!
- 35 О, если б был я из вас одним иль вашего стада
Сторожем, если б я был виноградарем гроздьев поспевших,
Верно, страстью моей Филлида была бы с Аминтом,
Или кто-либо (что в том, что смуглый цвет у Аминта?
Ведь и фиалки черны, черны и вакцинны тоже!)
- 40 Вместе со мною меж ив иль под гибкой лозою лежали б,
Мне плетеницы плела бы Филлида, Аминт распевал бы...
Здесь, как лед, родники; здесь мягки луга, Ликорида!
Рощи тут... Долгую жизнь проведу здесь вместе с тобою.
Ныне безумная страсть меж станов жестокого Марса
- 45 Держит средь копий меня и врагов противустоящих.
Ты от отчизны вдали (о, лишь бы не верить, насколько!),
Ах, жестокая, снег на Альпах и стужу на Рейне
Видишь одна без меня. Не знала б только простуды!
Ах, об острый ты лед ступней не обрезала б нежных!
- 50 Ныне пойду и стихом пропою со свирелью халкидской
Те врученные мне пастуха сицилийского песни.
Да, мне верно в лесах, меж берлогами диких животных
Лучше страдать, на стволах молодых любовные песни
Метить; те будут расти, возрастут и любовные песни!
- 55 Менал буду меж тем пробегать я с нимфами вместе,

- Или на вепрей лихих охотиться; не помешает
Хлад никакой мне лесà окружать парфенийские псамн.
Я уже вижу себя, как иду по обрывам и гулким
Рощам, любо метать из лука парфянского стрелы
60 Мне кидонийские: словно то иыл мой вылечить может!
Словно тот бог пред людской смягчаться научится мукой!
Нет, уж не нравятся нам ни Гамадриады, ни песни
Самые; даже и вы опять, лесà, отойдите!
Нет, его изменить злокючения наши не смогут, —
65 Если бы даже из Гебра испили мы в самую стужу,
Или к Сирийским брегам дождливой зимой подошли бы,
Иль, когда сохнет кора, умирая на вязе высоком,
Мы эфиопских овец пасли б под светилами Рака!
Все побеждает Amor, и мы покоримся Амору»...
70 Песен, богини, сполна пропето вашим поэтом,
В час, как он сидя плетет из проскурников тонких кошолку.
О Пиериды, а вы их сделайте ценными Галлу,
Галлу, к кому, что ни час, любовь моя так возрастает,
Как с наступленьем весны зеленые тянутся ольхи.
75 Встанем: обычно вредна бывает тень для поющих,
От можжевельника тень вредна; тень портит и нивы...
Сытые, к дому теперь, — встал Геспер, — козочки, к дому!

И. Шемуртовский

1920

КНИГА ПЕРВАЯ

- Как изобильный собрать урожай, под какую звездою
Землю взрывать, Меценат, и вязами связывать лозы
Следует, как за скотом ходить, каким попеченьем
Стадо развесть и каков с бережливыми пчелам опыт, —
- 5 Стану я здесь воспевать. О вы, ярчайшие мира
Светочи, вы, что по небу ведете бегущие годы,
Либер с Церерой благой! Через ваши даяния почва
Колосом пышным смогла сменить Хаонии жолудь
И обретенной лозой замешать ахелойские чаши.
- 10 Также и вы, для селян божества благодатные, Фавны,
Вместе и Фавны сюда приходите, и девы Дриады!
Ваши дары я пою. И ты, для кого под ударом
Первым трезубца землей был конь храпящий извержен,
Ты, Нептун; и роц обитатель, для коего щиплют
- 15 Триста на Кее тельцов белоснежных пышные чаши;
Сам ты, ущелья покинув родные и кущи Ликея,
Пан, охранитель овец, коль тебе любезен твой Менал,
Будь благосклонен ко мне, Тегеец! Минерва, маслину
Нам изобретшая! Отрок, изогнутый плуг показавший!
- 20 Ты, Сильван, кипарис молодой несущий с корнями!
Боги, богини вы все, которых о поле забота!
Вы, что питаете плод, без всякого семени взросший!

Вы, что обильный с небес посылаете дождь на посевы!
 Ты, наконец, — неизвестно, какие советы бессмертных
 25 Вскоре воспримут тебя! — города увидеть ли, Цезарь,
 Иль земледельческий труд захочешь, иль будешь вселенной
 Ты, как создатель плодов, властелин над временем года,
 Принят, вокруг по вискам материнским миртом венчанный,
 Станешь ли богом пространного моря, чтоб всем мореходам
 30 Чтить лишь твое божество, подчинишь ли и крайнюю Фулу,
 Куплен ли будешь в зятя Фетидой за все ее воды,
 Новой примкнешь ли звездой ты к месяцам долгоидущим
 Там, где между Эригоной и близкими сзади Клешиями
 Место открыто (уже отводит руки, пылая,
 35 Сам Скорпион, оставляя на небе пространства сверх меры), —
 Кем ты ни будь (царем назвать тебя Тартар не смеет,
 Также нет и в тебе столь жадной царствовать страсти,
 Греция оным хотя и дивится полям Элизийским,
 И не спешит выходить Прозерпина на зов материнский),
 40 Легкий даруй нам ход, начинанья способствуй отважным
 И, пожалевши со мной поселян, незнакомых с дорогой,
 О, появись, и теперь приобькни к нашим призывам!

Ранней весною, когда от седых вершин ледяная
 Влага течет, и Зефир рыхлит праховую землю,
 45 Пусть начинает тогда мычать при вдавленном плуге
 Вол и пусть заблестит сошник, бороздою оттертый.
 Нива ответит тогда пожеланиям всем хлебопашцев
 Жадных, коль два раза зной испытает и два раза холод;
 Жатвы с нивы такой столь огромны, что треснут амбары!
 50 Но перед тем как взрезать неизвестную станем равнину,
 Ветры вызнать и нрав различной надо погоды,
 Дедовский также прием и обычай местности данной.
 Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет.
 Здесь счастливее злак взрастет, а там — виноградник,

- 55 Там — приплод от деревьев, и по воле своей зеленеют
Травы. Разве не зришь, как Тмол ароматы шафрана
Шлет, а Индия—кость, Сабей же изнеженный — ладаи,
Голый Халиб — железо, струю же бобровую с сильным
Запахом — Понт, а Эпир—кобыл элидских победы?
- 60 Древле законы свои и условия вечные разным
Странам природа дала, в те веки, когда при начале
Девкалион побросал в пустую вселенную камни,
Вышли же люди из них — род жесткий. За дело же! Тотчас
Пышной почву земли от начальных месяцев года
- 65 Мощные пусть взрывают волны, и лежащие глыбы
Пыльное пусть пропечет жарой накалившейся лето.
Если же почва скупа, тогда перед самым Арктуром
Будет довольно ее поднять бороздой неглубокой, —
И чтоб обидеть не мог урожаев радостных плевел,
- 70 И чтоб бесплодный песок не утратил влажности скудной.
Также терпи, чтобы год отдыхало поле под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая;
Или златые там сей, — как солнце сменится, — злаки,
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
- 75 Или же вики плоды невеликие, или лупинов
Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвонящий.
Ниву спалает посев льняной, спалает овсяный,
Также спалает и мак, налитанный дрёмой летеиской.
А с промежутками в год—труд спорый: лишь бы скупую
- 80 Почву вдоволь питать навозом жирным, а также
Грязную сыпать золу поверх истощенного поля.
Так, сменяя плоды, поля предаются покою.
Не обманет надежд, коль и вовсе не вспахано, поле.
Часто бывает полезно палить истощенную ниву,
- 85 Легкое в поле сжигать трещающим пламенем жнивье, —
То ли тайную мощь и питанье жирное земли
Так получают, иль в них бывает пламенем выжжен

- Всякий порок, и как пот выходит ненужная влага,
Или же множество жар путей и пор открывает
90 Тайных, которыми сок проходит к растениям новый,
То ль укрепляет сильней и сжимает разверстые жилы,
Чтобы ни мелкий дождь, ни сила палящего солнца
Разгорячась не сожгла, ни Борея пронзительный холод?..
Тот, кто глыбы дробит мотыгой неплодные или
95 Борону кто из лозин влачит, тот пою на пользу:
Он с Олимпийских высот белокурой замечен Церерой, —
Также и тот, кто гряды, которые поднял на пашне,
Станет опять разбивать наклоненным в сторону плугом,
Кто постоянно трудясь с землей, — господин над полями.
- 100 Влажных молитесь вы лет, а зим молитесь бездождных,
О земледельцы! На радость хлеба, коль зима не без пыли;
Нива обильна; таким урожаем и Мизия вряд ли
Может хвалиться; такой не дивится и Гяргара жатвой.
Что же о том я скажу, кто, бросив семя, на пашню
105 Тотчас налег, чтобы комья разбить земли небогатой,
Или кто реку ведет на посев и ручьи-самотеки?
Вот, как пылает в огне с травой умирающей поле,
Он из-под самых бровей наклона гористого воду
Выведет: та же падет с хрипловатым ропотом в камни
110 Легкие, и водопад освежает иссохшие нивы.
Или о том, кто, боясь за стебель при колосе грузном,
В пастбище преобразит, в зеленях, роскошество сева,
Только сравнятся с браздами ростки? О том ли, кто влагу,
Что застоится как пруд, отведет с пропитанной нивы,
115 В месяцы те особливо, всегда ненадежные, в кои
Пухнет река, широко поднявшимся илом скрывая
Все, — от чего источают согретую вымочи влагу?
Все же, хоть эдакий труд и людьми и волами испытан
При обработке земли, однако же наглые гуси

- 120 И стримонийский журавль, и с горьким корнем цикорий —
Делу в ущерб; или тень повредит. Отец пожелал сам,
Чтоб земледельческий путь был не легок, он первый искусно
Землю встревожил, нуждой сердца возбуждая у смертных,
Не потерпев, чтоб его коснело в сонливости царство.
- 125 Не подчинялось совсем до Юпитера пахарю поле;
Даже значком отмечать иль межой размежовывать нивы
Не полагалось. Все сообща добывали. Земля же
Всё приносила сама и охотней, без чьей-либо просьбы.
Он же, Юпитер, злой яд даровал отвратительным змеям,
130 Волку итти приказал за добычей и морю вздыматься;
Мед он с листвы постряжал, он отнял огонь и припрятал,
Остановил он везде ручьями бегущие вина, —
Чтоб до различных искусств дошел в размышлениях опыт
Мало по малу, и злак отыскивал хлебный в бороздах;
135 Чтобы из жилы кремня извлекал он огонь потаенный.
Реки впервые тогда узнали долбленные ольхи.
И мореходец впервые исчислил и назвал светила,
Звезды Плеяд и Гиад и сияющий Аркт Ликаона.
Зверя капканом тогда ловить и обманывать клеем
140 Изобрели, оцеплять большие урочища псами.
Тот по широкой реке замётным неводом хлещет
В поисках глуби, другой сеть мокрую тащит по морю;
Твердость железа нашли, пилы визгливые зубья;
Ибо вначале бревно кололи колкое клином;
- 145 Разные тут мастерства возникли; труд же упорный
Все победил, да нужда, что гнетет в обстоятельствах жестких.
Землю железом взрывать научила Церера впервые
Смертных, когда по священным лесам жолудей с земляникой
Стало уже нехватать и Додона в еде отказала.
- 150 Вскоре и хлеб постигла болезнь: то злая изгара
Стебли заест; торчит на пашне волчец бестолковый, —

- И погибает посев; сменяется лесом колючим,
 Глядь, — и орех водяной и лапа на ниве роскошной,
 И несчастливый пшенец и бесплодный овес донимают.
- 155 Если без устали ты не будешь мотыгой тревожить
 Землю и криком отпугивать птиц, и тенистого поля
 Мрак серпом умерять, моленьями дождь призывая, —
 Будешь ты видеть, увы, превеликий запас у соседа,
 Голод же свой по лесам утишать, дубы сотрясая.
- 160 Надо сказать, каковы хлебопашцев суровых орудья,
 Те, без которых нельзя ни засеять, ни вырастить жатвы:
 Первый — сошник и тяжкая мощь нагнутого плуга.
 С медленным ходом повозки, от Матери дар Элевсинской,
 Ряд молотилок, тащилок, тяжелые весом мотыги,
- 165 Также приборы из прутьев, дешевая утварь Келея,
 Ряд деревянных решот с мистическим веялом Вакха...
 Предусмотрительно всё заготовишь ты много заранее,
 Коль ожидает тебя полей божественных слава.
- Без промедленья, чтоб сделать в лесу рукоятку, вязину
- 170 С силой великою гнут, кривизну придавая ей плуга.
 В восемь ступней у него от корня протянуто дышло,
 Пара ушков и с двойным приспособлена тылом рассоха.
 Валят и лицу еще для ярма, и рослые буки, —
 Заднюю ручку, — чтоб низ поворачивать сооруженья.
- 175 Взвешены у очага, деревья испытуются дымом.
- Много я древних тебе могу передать наставлений,
 Коль не бежишь, коль узнать не претит о мельчайших заботах.
 Надо первее всего вальком ток сгладить могучим,
 Землю рукой перебрать и скрепить ее цепкою глиной,
- 180 Чтобы трава не взошла, чтоб, праховою став, не расселась.
 Иначе много грозит напастей: то малая мышка
 Сделала дом под землей и свои устроила склады;

Или лишенные глаз кроты себе нор понарыли;
Жаба, что в ямах сидит, и все порожденные почвой
185 Чудища; там и червяк населит огромные скирды
Хлеба, а то муравей, боящийся старости скудной.
Также миндаль наблюдай, когда он в лесу изобильно
Цветом покрыт и к земле душистыми никнет ветвями.
Ежели много плодов, за ними последуют злаки
190 И при великой жаре молотбы великие придут.
Если же зелень листвы разовьется чрезмерною тенью,
Ток понапрасну тогда бить пышную будет солому.

Видывал я: семена готовят многие к севу,
Их поливая селитрой и черным масляным отстоем,
195 Чтобы крупнее зерно в шелухе обманчивой было,
Чтоб хоть на тихом огне поскорее оно размягчилась.
Видел, что давний отбор, испытанный всяческим тщаньем,
Перерождается всё ж, коль людская рука ежегодно
Самых крупных опять не выберет. Волею рока
200 Так ухудшается всё и обратно, пятясь, несется, —
Точно пловец, что едва челнок свой против теченья
Движет на вёслах, но лишь нечаянно руки ослабнут,
И уж стремительно вспять по наклону несом он потоком.
Следует, кроме того, нам также созвездье Арктура
205 И восхожденья Козлов наблюдать, и блестящего Змея,
Как морякам, что домой плывут из ветряной глади,
Понт проходя иль пролив Абидосский, где устриц обилье.
Только лишь бденья часы и сна Весы уравниют,
И пополам небеса разделят меж светом и тенью,
210 В дело пускайте волов, мужи; ячменя засевайте
Вилоть до последних дождей сурового солнцеворота.
Тут же пора и льняной посев и маки Цереры
Слоем земли покрывать, да налёчь поскорее на плуги, —
Почва пока не мокра, пока нависают туманы.

215 Боб засевают весной; и тебя, Мидийка, приемлют
 Рыхлые борозды тут, и о просе, что год, то забота,
 Только откроет златым год рогом своим белоснежный
 Бык, и Пес отойдет, уступая звезде супротивной.

Если же ты под пшеницу, под хлеб выносливый будешь
 220 Землю готовить свою и чаешь одних лишь колосьев,
 Спрячутся пусть для тебя заревые вперед Атлантиды,
 Кносская пусть и звезда, что в Короне светящей, отступит,
 Раньше, чем должны ты семена поручишь бороздам,
 Года надежду спеша земле несогласной доверить.

225 Многие труд начинают до Майи захода; но только
 Сев ожидаемый тех пустотою обманет колосьев.

Если ж начнешь засевать ты в поле вику с горохом
 И пелузийской в своих не откажешь трудах чечевице,
 Ясные знаки тебе ниспосланы будут Боотом.

230 Тут начинай и посев продолжай до средних морозов.
 Миром для этого всем, разделенным на равные части,
 Солнце правит златое, двенадцать меняя созвездий.
 Небо пять поясов охватили; под солнцем блестящим
 Вечно пылает один и огнем сожигается вечно.

235 Тянутся крайние вокруг него и справа и слева, —
 Эти от синего льда и от темных дождей затвердели.
 Между срединным и теми — два пояса, немощным смертным
 Данные волей богов, и путь проложен меж ними,
 Чтобы вращалась по нем череда наклонная знаков.

240 Как возле Скифии мир крутизной у высей Рифейских
 Высится, так под уклон спадает к Австрам Либийским.
 Высится эта для нас вершина всегда, а другую
 Видит темный у ног своих Стикс и глубинные Маны.
 Змей извилистым здесь изгибом скользит превеликий

245 Вкруг и сквозь двоих, реки наподобие, Арктов,
 Арктов, которым в волнах океанских страшно замкнуть.

Там, — как передают, — глубокая ночь молчалива,
Вечно там темнота под кровом сгущается ночи,
Или ж Аврора приходит от нас и день возвращает.
250 В час же, как дышат на нас, запыхавшись, кони Востока,
Там зажигает, багрян, вечерний свой пламенник Вesper.
Так-то вот мы предсказать по небу неверному можем
Смены года, и день для жатвы, и время для сева;
Сроки, когда ударять веслом обманчивый мрамор
255 Следует нам; когда выводить всеоружные флоты;
В сроки какие в лесу опрокидывать во-время сосны.
Знаков заход и восход мы разглядываем не напрасно,
Год, разделенный равно на четыре времени разных.

Если холодным дождем задержан в дому земледелец,
260 Многое, с чем бы пришлось спешить под безоблачным небом,
Выполнить можно тогда: сошника отбивает оратай
Твердый зазубренный зуб; из дерева точит долбянки;
Или же ставит знак на скоте иль число на запасах.
Те заостряют колы иль двурогие делают вилы,
265 Или для гибкой лозы Америкские вязи готовят.
Легкую можно плести из прутьев лозины корзинку;
Жарить можно зерно на огне, разбивать его камнем.
Да и по праздничным дням кое-что исполнять дозволяют
Божий закон и людской: очищать ручьи благочестье
270 Не запрещало вовек, окружать загородкой посевы,
Птицам силки расставлять, предавать сожженью колючки,
Блеющих стадо овец погружать в целебную реку.
Часто осла нагружает ленивого маслом погонщик
Или простыми плодами; из города ж он возвращаясь,
275 Черной смолы с собой привезет иль тесаный камень.
Дни, что Луною даны в особом порядке, особо
Счастье приносят делам; ты бойся пýтого, бледный
Орк он извел, Эвменид; Земля несказанным рождением

Кея с Япетом в тот день создала и лихого Тифоя,
 280 Также и тех небеса сокрушить поклявшихся братьев.
 Трижды они Пелион взгромоздить на Оссу пытались,
 Оссу трижды взвалить на Олимп многолиственный, — так-то!
 Молнией трижды Отец разбросал взнесенные горы.
 После десятого счастлив седьмой, чтоб рассаживать лозы,
 285 Пойманных также быков укрощать и нити в полотнах
 Множить; девятый хорош для бегства, ворам же враждебен.

Многое лучше всегда совершается ночью прохладной
 Или когда на заре росится земля под Денницей;
 Ночью жнивье пустое и ночью же луг пересохший
 290 Лучше косить; по ночам достаточно влажности мягкой.

Вечером зимним иной пред огнем светильника в бденьи
 Время проводит, точа железом факелы острым;
 Свой тем временем труд утешая песнею долгий,
 Звонко бегущий челнок пропускает жена по основе;
 295 Или же сладостный сок виноградный на пламени варят,
 С жидкости пену листвою снимая в зыблемом чане.
 В самый следует зной срезать хлеба золотые,
 В самый зной и зерно молотить сухое на токе.
 Голый паши, сей голый; зима хлебопашцу досужна;
 300 Большую часть в холода земледельцы живут урожаем
 И, веселясь, меж собой учиняют вместе пирушки.
 Геня время — зима — приглашая, снимает заботы.
 Так бывает, как в порт корабли груженные входят,
 И моряки, веселясь, венки надевают на кормы.
 305 Время, однако, срывать в ту пору жолуди с дуба,
 Ягоды с лавров, маслину и мирты кровавого цвета,
 Ставить время капкан журавлям, тенета — оленям,
 Зайцев ушастых гонять, поражать ударами ланей,
 Ловко пеньковый ремень пращи Балеарской вращая, —
 310 В срок, как глубоки снега и уносятся реками льдины.

- Что об осенних скажу созвездьях и бурях, о том ли,
В чем — как уменьшится день и зной умягчится — забота
Жителям сёл? Иль когда, под уклон весны дожденосной,
Уж поднялась на полях колосистая нива, на ней же
315 Зерна, полны молоком, в зеленом стеблии бухнут?
Часто, когда уж жнеца допускал земледелец на поле
Спелое и уж срезал на ломких стеблях колосья,
Видывал я, как все ветры в одном сшибались сраженьи,
С корнем из глубины вырывая посев отягченный,
320 Кверху его широко разнося: так черные вихри
Легкое жнивье зимой разносят с летящей соломой.
Часто движется вод огромное по небу войско,
И с беспросветным дождем собирают ужасную бурю
Тучи, над морем скопясь; низвергается горнее небо
325 Ливнем великим, обильный посев и воловью работу
Вдруг смывает; и рвы наполняются, полные реки.
С шумом растут, и кипит пучиной вздыхающей море.
Сам же Отец, посреди той облачной ночи, десницей
Молнии блестящие мечет: громада земли в содроганьи
330 От потрясенья; зверье ну бежать, сердца же у смертных
Всех на свете простер пришибающий страх... Он стрелою
Или Афон, иль Родоп, иль Керавнии горы горящей
Сверху разит, и Австры сильней и дождь непроглядный;
И под напором ветров берега и дубравы стенают...
335 В страхе пред этим следи созвездья и месяцы неба;
Знай, уходит куда Сатурна звезда ледяная,
Кругом небесным каким блуждает светило Киллена.
Прежде всего почитай богов, и годичные жертвы
В тучных ты муравах приноси великой Церере
340 Тотчас, как только зима удалится, — уж ясной весною.
Будет жирной овца, отменно мягкими вина;
Будет сладостен сон, по горам густолиственны тени.

Сельская вся молодежь да почитит Цереру с тобою.
 Мед размешай для нее молоком и вином забродившим;
 345 Трижды пускай зеленыя обойдет счастливая жертва;
 Хор и товарищи пусть провожают ее торжествуя,
 Криком Цереру пускай призывают в свой дом; и не раньше
 Кто бы то ни был с серпом да коснется спеющей нивы,
 Нежель Цереру, виски окружив плетеницей из дуба,
 350 Пляской нестройной почитит и священные песни исполнит.

Чтобы могли мы судить, по знаменьям тем или этим,
 Будет ли зной или дождь, иль ветры, несущие холод,
 Установил сам Отец, в чем месяц нас упреждает,
 И под созвездьем каким стихают Австры; то видя,
 355 Держат скотину свою поселяне поближе от хлева.
 Прежде всего, лишь ветры поднимутся, — моря пучины
 Пухнуть, волнуясь, начнут, и треск сухой от высоких
 Слышится гор, а брега приходят в смятение с гулом
 Широкошумным, и рощ всё громче становится ропот.
 360 Уж не стесняются тут с крутобокими суднами воды
 В час, как быстрые мчат нырки из открытого моря,
 К берегу крик свой несут, меж тем как лысухи морские
 Рады на суше играть, и, свои родные болота
 Бросив, поверх облаков высоких цапля несется.
 365 Часто увидишь, как звезды — лишь ветер задул — с небосклона
 Вдруг упадают стремглав и как сквозь суморок ночи
 Пламя у них за спиной, белея, тянется длинно;
 Как с облетевшим листом солома легкая вьется,
 Или плывет перо, резвясь на поверхности водной.
 370 Если ж оттуда гроза, где Борей свирепый, и если
 Эвра предел и Зефира гремит, — набухают канавы,
 Все всплывают поля, мореплаватель на море каждый
 Мокрые снял паруса. Никогда неожиданно ливень
 Не повредит: как ему разразиться, к долинам глубоким

- 375 Воздуха житель журавль спешит; кобыла, на небо
Кинувши взгляд, ноздрями втянула раздутыми воздух;
Или же звонкая вокруг озерков облетела касатка;
Или же старую в тине запели жалобу лягвы.
Часто из тайных хором муравей выносит яички —
- 380 Узких водитель путей; выпивает огромная воду
Радуга; с пастбищ бежав и несясь отрядом великим,
Воронов войско уже прошумело густыми крылами.
Разных также и птиц морских, что в лугах приозерных
Азии роются, там, по заводям мягким Каистра,
- 385 Вволю плечи себе поливают обильною влагой,
То подставляют волнам свои головы, в воду вбегают
И то и дело дрожат от желанья купаться, — увидишь.
Полным голосом дождь и упорная кличет ворона,
И по сухому песку одна-одинешенька бродит.
- 390 Девушки знают и те, суча уроки ночные,
Ждать ли ненастья, когда увидят, что масло мигает
Пламенем в их черепке и грибы трухлявые множит.

- Так же из лона дождя и солнце и ясное небо
Можем мы прозревать, по неким признакам судя, —
- 395 Ибо на звездах тогда притупленного блеска не видно,
Тут встает и луна, лучам не обязана братским.
Тонкие по небу тут не тянутся шерсти волокна,
Не расправляют по берегу на теплом солнышке крыльев
Чайки, Фетиды любимицы; грязные свиньи не станут
- 400 Рылом подбрасывать вверх охапок растрепанных сена.
Но до низин облака нисходят, над полем ложатся;
Солнца в то время закат наблюдая с древесной верхушки,
Без перерыва сова выводит вечерние песни.
Вот появляется Нисс высоко в воздухе ясном,
- 405 Скилла мўки опять за волос терпит пурпурный;
Всюду, где легкий Эфир, убегая, крылом разрезает, —

- Враг свирепый, — уже с великим шумом сквозь воздух
 Скиллу преследует Нисс; где Нисс же мчится чрез воздух,
 Быстро там легкий эфир она крылом разрезает.
- 410 Три раза сжатой гортанью, четыре ли, голосом чистым
 Каркают вороны тут, и часто в хорах высоких
 Вдруг неведомо чем взвеселясь, — что для них необычно, —
 Между собою в листве шумят: по прошествии ливней
 Сладко юный приплод и милые гнезда увидеть!
- 415 Веры в то нет у меня, чтоб был у них по наитью
 Некий божественный дар и от рока предвиденья больше;
 Все же, едва лишь погода и неба подвижная влага
 Новый путь изберут, и Австрами влажный Юпитер
 Редкое все уплотнит, а все, что плотно, распустит,
- 420 Строй изменяется душ, и движенья иные, иные,
 Нежель в то время, когда облака гнал по небу ветер,
 Полнят грудь. Оттого на полях и пернатых напевы,
 И веселятся стада, и вороны гортанью ликуют.

- Если будешь следить ты горячее солнце и луны,
 425 Что чередою идут, никогда уж тебя не обманет
 Завтрашний день, не введут в ошибку прозрачные ночи.
 Как начинает луна собирать возвращенное пламя,
 Ежели темным серпом охватит чернеющий воздух,
 То земледельцам и морю великий готовится ливень.
- 430 Если же лик свой она зальет девичьим румянцем, —
 Ветрам дуть. От ветров золотая Феба краснеет.
 Коль на четвертый восход (гаданье из самых вернейших)
 Чистая небом идет, и ее не притуплены рожки,
 Значит, в этот весь день и в те, что за ним народятся, —
- 435 Месяц пока не пройдет, — ни дождя не будет, ни ветра,
 И моряки, спасены, обеты исполнят на бреге
 Главку и с ним Панопее и сыну Инò Меликерту.
 Солнце восходом своим и своим погружением в воду

- Знаки подаст, — за солнцем вернейшие следуют знаки, —
440 Те, что поутру дает, ввечеру ль, как зажгутся созвездья.
Пятнами ежели оно закропит свой восход нарожденный,
Спрятана будет во мглу, затемнит свою середину, —
Ливней тогда ожидай. Уже угрожает от моря
Нот, для скота твоего, для деревьев и сева зловещий.
- 445 Если ж лучи на заре из туманов плотных прорвутся
В разные стороны вдруг иль ежели бледная ликом
Встанет Аврора, оставив Тифона шафранное ложе, —
Горе! Худо лоза защитит поспевшие гроздьа:
Град так сильно, треща, по кровлям прыгает страшный!
- 450 Вот что еще: как оно уж с пройденного снидет Олимпа, —
Будет полезно следить тем боле; мы видим частенько,
Как по нему самому блуждают различные краски.
Цвет лазоревый — дождь предвещает, огненный — Эвры;
Если же пятна начнут мешаться с огнем золотистым,
- 455 Все — увидишь — тогда закипит одновременно ветром
И облаками; никто пусть ночью такой не предложит
В море отправиться мне, отвязав от суши веревку!
Если же, день возвращая, скрывая ли день возвращенный,
Будет сияющим круг, — облаков тут напрасно бояться.
- 460 Светлый — увидишь — один Аквилон леса закачает.
И, наконец, что Веспер несет вечерний, откуда
Ясный ветр облаков нагонит, что влажный замыслил
Австр, то солнце тебе укажет. Кто солнце посмел бы
Лживым назвать? О смутах незримых оно предваряет
- 465 Часто, о кознях и скрытой войне, набухающей тайно.
Да, когда Цезарь угас, оно пожалело о Риме
В час, как сияющий лик сокрыло ржавчиной мрачной!
Вечной ночи тогда утрашился век нечестивый.
В оное время земля, а с ней и равнина морская,
470 И зловещатели псы, и не во-время вставшие птицы

Знаки давали. Тогда сколь часто на нивы Циклопов, —
 Зрели мы, — горны разбив, извергалась кипящая Этна,
 Пламенем клубы катя и жидкими ставшие камни!
 Грозный оружия звон по всему Германия небу
 475 Слышала, и сотряслись небывальными сдвигами Альпы.
 Голос также везде в безмолвных слышался рощах
 Мощный, и привиденья со странной бледностью были
 Видны во мраке ночном; и животные возговорили, —
 Дивно промолвить! Реки стоят, раскрывается почва,
 480 В храмах печальная кость слезится, и медь вспотеваает;
 Залил леса, волоча на своем их хребте сумасшедшем,
 Рек всех царь Эридан и скот со стойлами вместе
 Вдоль по полям потащил! В то время не переставали
 На требухе появляться зловещей грозные фибры.
 485 Кровь все время тогда в колодцах текла, и звучали
 Страшно средь ночи волков завываньем высокие грады;
 И из прозрачных небес никогда не падало столько
 Молний, так часто вовек не пылали лихие кометы!

 Вот как между собой состязаются, копьями равны,
 490 Воинов римских строи, вторично узрели Филиппы.
 Было всевышним не в стыд два раза нашею кровью
 Ширь Гемийских полей и Эматии доли удобрить.
 Истинно, время придет, когда в тех дальних пределах
 Муж-земледелец, кривым размягчающий землю оралом,
 495 Дротики в почве найдет, изъязвленные ржою шершавой!
 Тяжкой мотыгой своей наткнется на шлемы пустые
 И подивится костям могучим в разрытых могилах!..

 Боги вы нашей земли, Индигеты, Ромул, мать Веста!
 Вы, что Тускский Тибр с Палатином римским храните!
 500 Юноше этому ныне помочь злоключениям века
 Не воспрещайте! Давно и довольно нашею кровью
 Мы омываем обман той Лаомедонтовой Трои...

Нас к тебе уж давно чертоги небесные, Цезарь,
Возревновали, — что ты людскими триумфами занят!
505 Правда с кривою здесь смешались; всё войны по свету...
Как разнородны лики злодейств! И нет уж оралу
Чести достойной. Поля засыхают с уходом хозяев:
И уж кривая коса на меч прямой перелита.
Там затевает Евфрат, а там Германия брани;
510 Здесь, меж собою порвав договоры, соседние грады
В бой вступают. Везде свирепствует Марс нечестивый...
Так бывает, когда, из темниц вырываясь, квадриги
Приумножают пробег, и натянуты тщетно поводья;
Кони возницу несут и вождей не чувствуют в беге!..

КНИГА ВТОРАЯ

Об обработке полей я сказал и созвездиях неба, —
Ныне тебя воспою, о Вакх, и с тобою лесные
Поросли, также приплод растущей долго маслины.

К нам, о родитель Леней! тут всё твоими дарами
5 Полно; ради тебя отягченное осенью лозной
Поле цветет, и в точилах вспеняется сбор виноградный.
К нам, о родитель Леней, приди! И со мною нагие
Голени новым окрась ты соком, скинув котурны.

Прежде всего, деревья создает различно природа.
10 Ибо не мало таких, которые люди не нудят;
Сами по воле своей растут, поля покрывая
Или извилины рек, — так мягкая верба и дроки
Гибкие, тополь, с седою листвою серебристая ива.

Часть же деревьев растет; коль посажено семя; каштаны
15 Стройные; выше всех рощ, чья зелень Юпитера слава, —
Эскулы; также дубы, как оракулы, чтимые греком.

Целый лес прегустой иные от корня пускают;
Вишня иль вяз, например; сам лавр парнасский, он тоже
Маленький тянется вверх под огромной матёрнею тенью.

20 Так природой самой устроено, так зеленеют
Всякого рода леса, и кусты, и священные рощи.

Есть и другие пути, что опытом добыты были:
Тот, обрезав побег с материнского нежного тела,
В борозду тычет его; тот пень землей зарывает,
25 Колышки с острым концом, на четыре деленые ветки.
Роды другие дерев отростка, согнутого дужкой,
Ждут, и живых ростков в земле, их самих породившей.
Вовсе не надо корней для иных, и смело садовник
Самую маковку вновь всё той же земле поручает.
30 Даже, коль ствол обрубить, и то — чудесное дело! —
Корень масличный уже из сухого дерева лезет.
Часто видим мы, как одного превращаются ветви
В ветви другого, и вот, измененная груша приносит
Плод привитой, и кизил каменистый в сливах алеет.

35 Стало быть, вы по родам изучайте все обработки,
О земледельцы! Плоды смягчайте дикие тщаньем;
Земли пускай не лежат без дела; полезно для Вакха
Исмар засеять, одеть Табурн великий в маслины.

Будь же со мною и мне в начатой сопутствуй работе,
40 О украшенья, о часть моей величайшая славы,
Ты, Меценат! Полети с парусами в открытое море!
Нет, не стремлюсь я всего охватить моими стихами,
Нет, если б даже и сто языков, сто уст возымел я,
Голос железный; со мной скользи полосой прибрежной,
45 Не отходя от земли; тебя ни измышленной басней,
Ни отступленьями не задержу, ни приступом долгим.

Те, что по воле своей взросли на просторе и свете,
Хоть и бесплодны, зато возвышаются бодры и крепки.
Почва им силу дает; но если б такие деревья

- 50 Кто -нибудь стал прививать иль вручил бы их вырытым ямам,
 Дух потеряли б лесной и при постоянном уходе
 Стали б послушливо все подчиняться любому искусству.
 То же с бесплодным ростком, всходящим у самого корня,
 Будет, коль дерево ты по просторному полю разделишь;
 55 Тут с высокой листвою темнят материнские ветви,
 Вырастет он без плода, а плодоносящий — спалится.

Если ж от семени прямо принявшись, дерево всходит,
 Рост его долог, оно даст тень лишь дальним потомкам;
 И вырождается плод, позабыв о соке бывалом;

- 60 Гроздья дурные лоза приносит в добычу пернатым.
 Стало быть, надо им всем свой труд посвящать, непременно
 Их к бороздам приучать и с большим обрабатывать тщаньем.

Лучше всё ж от колá маслина, лоза от отводка
 Вырастет, мирт же Пафосский от целой ветви, покрепче.

- 65 От черенков и орех родится твердый, и пышный
 Ясень, и с тенью густой венца Гераклова древо.
 Жолуди также отца Хаонийского; стройная пальма
 Так же родится, и ель, чтобы видеть крушенья морские.
 Плод ореха привить к земляничному дереву можно,
 70 Часто бесплодный платан здоровую яблоню носит,
 Бук — каштана плоды; на ясене диком белеет
 Грушевый цвет; и свинья под вязами жолуди давит.

Способ же есть не один для прививки отводов и почек;
 Или в толще коры, в том месте, где почки выходят

- 75 И прорывают уж тонкую ткань, надрез неширокий
 Делают в самом узле и чуждого дерева отпрыск
 В щелку вставляют, уча срастаться с влажной корою;
 Или ж стволы без узлов надсекают и клином глубоко
 В толще дорогу ведут; потом черенок плодоносный
 80 Вводят в надрез; и пройдет немного времени, — мощно

Тянет уже к небесам благодатные дерево ветви,
Юной дивится листве и плодам на себе чужеродным.

Кроме того, есть вид не один и вязов могучих,
Также ив и крушин, и идэйских дерев — кипарисов.

- 85 Жирные все на одно лицо не родятся маслины,
Круглые, длинные есть и горькие, пужные жомам.
Есть плоды и леса Алкиноя; у груш Крустумерских
И у Сирийских — побег не один, — иль у грузных волемов.
Грозд виноградный не тот свисает с кустарников наших,
90 Что с метимнейской лозы собирает по осени Лесбос.
Фасский есть виноград и белый Мареотидский;
Первому лучше земля пожирней, а второму — полегче;
Псифия — лучший изюм для вина, а Лагеос тонкий
В ноги ударит потом и свяжет язык говорящий;
95 Вас, скороспелый и красный, тебя как песней прославлю,
Ретик? Но всё же о нем не спорь с погребями Фалерна!
Есть Аминеийский, дает он самые стойкие вина;
Тмол уступает ему, и царь виноградов — Фанейский;
Мелкий аргосский еще; никакой у него не оспорит
100 Ни многосочья его, ни способности выстоять годы;
Грозд родосский, приличный богам и второй перемене,
Не обойду и тебя, ни тебя, Бумаст полнолозный!
Но для того, чтобы дать все виды их и названья,
Чисел нехватит, да их исчислять и незачем вовсе.
105 Ибо желать их узнать — всё то же, что в море Либийском
Весь исчислить песок, Зефиром со дна возмущенный,
Или, когда на суда сильнее Эвр налегает,
Вызвать, как много на брег набегают волн ионийских.

Земли же производить не всякие всякое могут.

- 110 Вётлы растут по рекам, по болотам илистым — ольхи,
На каменистых горах бесплодные ясени всходят.

Благоприятны для мирт берега; открытые солнцу
Лозы любят холмы, Аквилон же со стужею — тисы.

- Кинь же взор свой на мир, подчиненный везде обработке,
115 На аравийский восточный предел, на гелонов с раскраской;
Родины есть у дерев. Одна лишь Индия черный
Знает эбен, от одних курильные ветви сабеев.
Что же еще говорить о бальзамных деревьях, точащих
Смолы, иль о плодах зеленого вечно аканфа?
120 Об эфиопских лесах, белеющих мягкой шерстью?
Или как листьев руно тончайшее чешут китайцы?
Что про дубравы скажу, в той Индии, близ океана,
Мира где крайний залив, где взлет вершины древесной
Век превзойти не могли, как ни были брошены, стрелы? —
125 А между тем племена там ловки, как схватят колчаны!
Мидия терпкие соки дает с устойчивым вкусом, —
Плод благодатный, и нет действительней помощи, — если
Вздумают чашу питьем испортить мачехи злые,
Трав в нее намешать, а с ними и слов не безвредных, —
130 Чем от него; так ничто яд черный не гонит из членов.
Дерево то велико и весьма похоже на лавры;
Если б широко вокруг иной оно запах не лило,
Счел бы за лавр; листья никогда не сорвет с него ветер;
Цвет прекрепко сидит; им пахнувший рот и дыханье
135 Лечит Мидийский народ и тяжкодышащих старцев.

- Но ни Мидийцев леса, наибогатейшие земли,
Но ни прекрасный тот Ганг, ни Герм, от золота мутный,
Пусть с Италией все ж не спорят; ни Бактрия с Индом,
Ни той Панхейи всей пески, — фимиамом богаты...
140 Хоть не вспахали быки, ноздрями огонь выдыхая,
Эти места, и зубов тут не сеяли Гидры свирепой,
Дроты и копы мужей не всходили тут частые нивой, —

- Но, тяжелея, хлеба и Вакха Массийская влага
Их наполняют; на них и маслины и скот изобильный;
145 Здесь и воинственный конь выходит на поле, гордый;
Белые здесь, о Клитумн, и стада, и великая жертва—
Бык—постоянно твоим священным омыты теченьем,
Римские к храмам богов вели, торжествуя, триумфы.
Здесь неизменно весна и в недолжные месяцы лето;
150 Дважды стада тяжелы и дважды дерево с плодом.
Хищных тигров тут нет, тут нет и злого потомства
Львов; собирателей трав аконит не обманет злосчастных.
Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца влачащих
Вдоль по земле и, ползя, собирающих тело спиралью.
- 155 Столько отменных прибавь городов, и труд созиданий,
Столько на скалах крутых укреплений, людьми возведенных,
Или же рек, что внизу обтекают древние стены!
Море ль напомним, ее обмывшее сверху и снизу?
Множество ль разных озер? Не вас ли, Ларий великий,
160 Или Бенак, что, волну вздымая, бушуешь как море?
Упомяну ли еще о портах и молах Лукрина,
Иль о просторе морском, что, грозно шумя, негодует,
Там, где грохочат вдали, отброшены, Юлия воды,
И где Тиррены напор врывается в волны Аверна?
- 165 Не у нее ли ручьи серебра и залежи меди
В жилах, течет не она ль обильно золотом светлым?
Крепких она и мужей, молодежь сабинскую марсов,
И лигурийцев, привыкших терпеть, и вольсков-копейщиков
Родина, Дециев всех, и Мариев, славных Камиллов,
170 И Сципионов, упорных в войне, и твоя, достославный
Цезарь, который теперь победителем в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь отвращаешь!
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев!
Мать и мужей! Для тебя в дела искусства и славы

175 Древних вхожу я, решашь открыть святыя истоки;
В римских теперъ городах пою аскрейскую песню.
Дальше о свойствах земли: какая сила в которой,
Цвет какой и к чему какая пригодна природа.

Первым делом: земля неудобная, горки скупыя,
180 Где и суглинок залёг и камни на поле кустистом—
Те для Палладиных рощ хороши, для живучей маслины;
Признак тому, что растёт маслина дикая там же,
Много ее, и поля плодами лесными покрыты.
Если же почва жирна и богата сыростью мягкой,
185 Если обильно травой и исполнено тучности поле,
Как случается нам средь гор в углубленной долине
Видеть (туда от высот скалистых льются потоки,
Ил благотворный неся), коль оно открыто на Австры,
Ежели папортник питает, плугам ненавистный, —
190 Это когда-нибудь даст тебе могучие лозы.
Много в них будет вина; принесут в изобилии гроздьа
Сок виноградный—его мы из чаши златой возливаем
В час, как слоновую кость надувает жирный тирренец
Пред алтарями, и потрох на блюдах уж отдан дымящий.

195 Если же крупный скот и телят разводить ты захочешь,
Или овечий приплод или коз, грозу насаждений,—
В рощи лучше ступай, иль в сытый Тарент отдаленный,
В поле, которого нет у несчастной Мантуи боле,
Где в травянистой реке белоснежных лебедей стаи.
200 Там и прозрачных ручьев и травы для стада достанет;
Сколько скотина твоя их за день долгий нащиплет,
Столько в короткую ночь восстановят прохладные росы.
Черного цвета почти и под плугом жирные земли
С рыхлою почвой (того ж достигаем мы обработкой)
205 Лучше всего для хлебов; не видать, чтоб с поля иного

- Столько к дому возов на неспешных волах возвращалось.
Ежели где-нибудь лес сvezет разгневанный пахарь,
Рощи повалит, что были столь много годов бесполезны,
Древние ежели он с корнями вырвет жилища
- 210 Птиц,—они ж в высоту устремятся, гнезда покинув,—
Новая эта земля заблестает под плугом нажатым.
Ибо голодный песок с камнями, на поле наклонном
Пчел едва угостит розмарином да кассией скромной,
Также шершавый и туф, и изъеденный черной хелидрой
- 215 Мел. Говорят, что для змей никакое поле иное
Пищи столь сладкой не даст и таких извилистых логов.
- Почва, что легкий туман и пар выдыхает воздушный,
Влагу пьет и потом, коль хочет, обратно выводит,
Та, что всегда зелена, свежо одета травой,
- 220 И не язвит железа шершавостью ржавчины едкой,
Эта вязы тебе оплетет благородной лозою,
Много маслин принесет,—увидишь по опыту; эта
И хороша для скота, и сошник искривленный приемлет.
Пашет такие поля богатая Капуя, берег
- 225 Возле Везувия, край, где немилостив Кланый к Ацеррам.
- Способ, каким распознать их различье сможешь, скажу я.
Рыхлая ль почва или сверх меры плотна, ты исследуй:
Ибо одна для хлебов подходяща, другая—для Вакха.
Плотная больше—Церере, а та, что всех легче—Лиєю.
- 230 Выберешь место глазами, потом прикажешь глубоко
Вырыть колодезь в земле и весь его снова наполнить
Той же землей и ее притопчешь сверху ногами.
Если нехватит—легка, скоту и лозе благодатной
Больше подходит она; откажется ж если вместиться,
- 235 Вровень не ляжет, когда уж вся наполнится яма,
Почва—плотна; упористых глыб, поверхности жирной
Жди, и землю взрезай на волах молодых и могучих.

- Почва соленая есть, она называется «горькой»,
Нехороша для хлебов (она не смягчается вспашкой)
- 240 Качество лозы теряют на ней, плоды же — названья.
Вот как ее распознать: корзину с плотным плетеньем,
Или от жома цедилку достань из-под дымной ты кровли,
Землю ту скверную в них с родниковой пресной водою
Встклень ты умни: вода целиком, конечно, оттуда
- 245 Вся просочится, и крупные капли пойдут из плетенья.
Вкус указание даст очевидный и привкусом горьким
Жалостный рот искривит всех тех, кто пробовать станет.
Почву жирную мы, наконец, таким отличаем
Способом: если рукой ее бросить, она не дробится,
- 250 Но наподобье смолы к перстам держащего липнет.
Влажная почва растит высокие травы,—богата
Слишком! Ах! Пусть моя плодородной не будет чрезмерно
И многомошной себя не кажет при первых колосьях!
Тяжесть весом свою безмолвно сама обнаружит,
- 255 Или же легкость. Просто на глаз угадать, черноземна ль,
Иль что за цвет у нее. Но вызнать холод проклятый
Трудно. Ели одни да вред приносящие тисы
Признаки могут нам дать иногда, да плющ чернолистный.
Все во вниманье приняв, позаботься землю пораньше
- 260 Выжечь и рядом канав изрезать обширные склоны;
Глыбы земли отвалив, Аквилону их раньше подставить,
Нежели станешь сажать благодатные лозы. Всех лучше—
С рыхлой почвой поля. На пользу им изморозь, ветер
И здоровяк земледел, шевелящий вспаханный югер.
- 265 Те ж из хозяев, кого никакая забота не минет,
Раньше подобное ж место найдут, чтоб на нем заготовить
Первые саженцы, их же потом разместить по порядку,
Чтобы не звать семенам, что мать нежданно сменили.
Боле того, на коре отмечают и сторону света,

70 Чтобы, как прежде, оно стояло: откуда терпело
 Австра зной и как спиной обращалось на север,
 Все сохранить: до того привычки съизмала важны.

Лучше ль на склоне холмов, на равнине ль насаживать лозы,
 Раньше узнай. Разобьешь участки жирного поля,—
 275 Сей потесней: в тесноте не ленивей лоза плодоносит.
 Если ж на склоне пригорка земля, на холме ли покатом,
 Будь не столь строгим к рядам; все ж надо точь в точь,
 с прилежаньем,
 При насажденьи кустов разграничить квадраты проходов.

Как при великой войне легион растянет когорты
 280 Длинный, и в поле стоит открытом пешее войско,
 Прямо поставленный строй, и широко волнуется поле
 Медью, горящей светло, и еще ужасного боя
 Не замешали, и Марс в сомненьи меж воинств блуждает,—
 Так всё пусть равным числом дорожек размерено будет,
 285 Не для того, чтобы вид утешал лишь праздную душу,
 Но потому, что земля не даст иначе всем равной
 Силы, и отпрыски лоз протянуться не смогут в пространство.

Может быть, как глубоки должны быть ямы, ты спросишь?
 Я бы решился лозу борозде неглубокой доверить.
 290 Много глубже зато сажают в землю деревья,—
 Эскул прежде всего, который настолько ж вершиной
 Тянется в горний эфир, насколько в Тартар корнями.
 Так, его ни зима, ни ветров дуновенье, ни ливни
 Не сокрушают; стоит неподвижен и многих потомков,
 295 Многих жизни людей проводив за свой век, побеждает.
 Так, широко протянув могучие ветви и руки
 В разные стороны, сам он тень огромную держит.

Также пускай на закат у тебя не глядит виноградник.
 Да не сажай между лоз ореха; а также побегов

300 Сверху не рви, от дерев не бери ты отводков высоко,—
 Землю так любят они!.. Не попорть затуплённым железом
 Тех черенков. Да стволов не сажай там дикой маслины,
 Ибо небрежный пастух огонь нередко роняет,—
 Он же, втайне сперва, корою жирной сокрытый,
 305 Ствол забирает и вверх, в листву высокую, бросаясь,
 Сильный шум издает в небесах; и последовав дале,
 Вот — победитель — царит в ветвях и высокой вершине;
 Пламенем рощу он всю охватил и густо возносит
 Черную к небу, клубясь смоляною копотью, тучу,—
 310 И особливо, когда на деревья сверху нагрянет
 Буря и ветер, несясь, перекидывать станет пожары.
 Ежели так, — у корней подрезаны, силу теряют
 И уж не вырастут вновь, зеленея такими, как были.
 Скудной дано пережить горьколистной лишь дикой маслине.

315 Пусть тебе не внушит какой-нибудь умник-советчик,
 Чтобы ты землю копал, застужённую вздохом Борея!
 Почву морозом смыкает зима и тогда при посадке
 Не позволяет корням углубиться слипшимся в землю.
 Лучше сажать виноград, когда весною румяной
 320 Белая птица летит, ужам ненавистная длинным,
 Иль как придут холода, когда палящее солнце
 Не донеслось на конях до зимы, а уж лето проходит.

Рощам зеленым весна, весна и лесу полезна.
 Земли взбухают весной и просят семян детородных.
 325 Тут всемогущий Отец, Эфир, изобильный дождями,
 В лоно супруги своей счастливой нисходит и всюду
 Кормит великий, смешаь с великим телом, приплоды.
 Чащи лесные без троп гремят голосами пернатых,
 Вновь в положенный срок Венеру чувствует стадо.
 330 Нивы-кормилицы — в родах; с дыханием теплым Зефира

Лоно открыли поля; всем хватит нежащей влаги.
Новому солнцу ростки уже не боятся спокойно
Ввериться, и виноград не страшится, что Австры восстанут,
Или что в небе помчат Аквилоны великие ливень;
335 Гонит он почки свои и листики все раскрывает.
Нет, не иные тогда, при начале возникшего мира,
Дни воссияли, и быть не могло постоянства иного,
Верится мне! Весна лишь была; весну лишь великий
Мир проводил, и зимы дыханьем не веяли Эвры.
340 В век, как впервые стада пить начали свет, и железный
Род человек в полях суровых голову поднял,
Дикие звери в лесах появились и звезды на небе.
Да, и теперешний труд не вынесли б нежные вещи,
Если б подобный покой между холодами и зноем
345 Не наступал, и небес снисхожденья не знали бы земли.

Вот что еще: какие б в полях ни сажал ты побеги,
Много навоза клади и землей покрывай с преизбытком.
Пористых камней еще наложи иль раковин с грязью.
Воды меж них протекут, и тонкое в недра дыханье
350 Будет входить, и воспрянут посадки. Между хозяев
Есть и такие, что камнем иль грузом плиты обширной
Сверху их жмут. Такова от стремительных ливней защита
Или от знойного Пса, от которого в трещинах поле.

Кончив посадку кустов, остается окучивать лозы
355 Чаше у самых корней и взмахивать крепкой мотыгой,
Или же почву трудить нажимом плуга и между
Лоз виноградных самих прогонять волов напряженных.
Легкие тут камыши, из ободранных веток поддержки,
Вязовых колышков ряд приспособь и рогатки-двурожки,
360 Чтобы при помощи их укреплялись, выдерживать ветры
Приобывали и вверх постепенно взбирались на вязы.

С нежной доколе листвою взрослеет младенческий возраст,
 Юную нужно беречь. Пока веселая к небу
 Ветви тянет она и привольная в воздух стремится,
 365 Трогать не время ее серпа острием, но, согнувши
 Пальцы, листву хватать, ее обрывать, чтоб редела.
 А как начнут обнимать, едва лишь окрепнув корнями,
 Вязы, режь им листву, обстригай боковые побеги.
 Раньше бояся они железа; тогда лишь суровой
 370 Властью действуй на них и излишние сдерживай ветви.

Надо сплести и плетень, не пускать в виноградник скотину,
 Главное, нежны пока, невыносимы к бедам листочки.
 Их ведь, кроме зимы неприятной и жгучего солнца,
 Буйвол лесной и коза, — которая их-то и ищет, —
 375 Все обижают; овца их щиплет с коровою жадной.
 Даже и холод для них, закованный белым морозом,
 Или тяжелое лето, гнетущее скалы нагие,
 Вредны не так, как стада, не так, как твердого зуба
 Яд, как оставшийся шрам, — стволов укушенных метка.

380 Вследствие этой вины у всех алтарей убивают
 Вакху козла и ведут на прощении древние игры.
 По перекресткам дорог, в деревнях дарованьям награды
 Определили Фесиды и, веселы, меж возлияний,
 Прыгать в мягких лугах на мехах намащенных стали.
 385 И авсонийские тож — троянское племя — колонны
 Игры ведут со стихом без прикрас и с несдержанным смехом
 И из долбленной коры надевают ужасные хари.
 Вакх! Призывают тебя веселым напевом, высоко
 Вешают нежный твой лик на сосну, чтоб качался по ветру.
 390 После того виноград мужает, обилен приплодом;
 Полнится вогнутый дол с глубоким горным ущельем,
 Всё, куда божество челом обратится прекрасным.
 Будем же Вакху и мы воздавать почет по обряду

- Песнями родины, несть подносы ему и печенья!
395 И приведенный за рог козел священный предстанет,
Жирный чтоб потрох потом на ореховом вертеле жарить.
- Есть и другая еще в заботе о лозах работа, —
Не исчерпать же ее никогда: разрыхлять ежегодно
Трижды, четырежды надо всю землю и комья мотыгой,
400 Зубьями книзу, дробить постоянно; кусты от излишней
Поросли освобождать. Идет земледельца по кругу
Труд, и вращается год по своим же следам прошлогодним.
В дни же, когда виноград потерял уж поздние листья,
И украшенья лесов потрясено Аквилонем холодным,
405 Дельный заботы свои на грядущий уж год простирает
Сельский хозяин, кривым сатурновым зубом остаток
Он дочищает лозы, стрижет и подрезкой образит.
Первым землю копай и первым сжигай увезенный
Хворост и первым вези в свой дом подпорки и колья.
410 Самым последним собирай. Затеняются лозы два раза,
Травы два раза густой окружают ботвой насажденья.
Оба труда тяжелы. Восхваляй обширные пашни, —
Над невеликой трудись. Еще мышинового терна
Колких надо нарвать хворостинок в лесу, очерету
415 По берегам; о простой и ветле позаботиться надо.
Вот привязали лозу, вот серп от листвы отдыхает,
И виноградарь, устав, поет у последнего ряда.
Все ж надо землю еще шевелить, прах легкий ворочать
И для поспевшей лозы Юпитера все же страшиться.
- 420 Наоборот, для маслин обработки не нужно. Маслины
Не ожидают серпа никакого ни цепкой мотыги,
Лишь укрепятся в земле и к воздуху станут привычны.
Почва довольно сама, коль вскрыта загнутым зубом,
Влаги дает; а вспаши, так тяжелые даст урожаи.
425 Жирную, кроткую ты питай же мира оливу!

Что до плодовых дерев, — лишь ствол почувствуют крепким,
 Силы свои обретут, они к созвездьям поспешно
 Собственной мощью стремятся, в подмоге от нас не нуждаясь,
 Роща не меньше меж тем плодами вся тяжелеет,
 430 Дикий пернатых приют краснеет от ягод кровавых.
 Щиплет скотина китис, леса — смолу доставляют;
 Ею ночные огни питаются, свет изливая...
 И сомневаться ль еще разводить и тратить заботы?!.

Что о больших говорить? И ветлы, и скромные дроки
 435 То скотине листву, а то пастухам затененье
 Предоставляют, ограды для нив и соки для меда.
 Видеть отрадно Китор, волнуемый порослью букса,
 Бор с нарикийской смолой. Поля нам видеть отрадно,
 Что не знавали мотыг, никаких забот человека.
 440 Дикие даже леса на горных вершинах Кавказа,
 Где многомошные Эвры всегда их и ломают и носят,
 Разного много дают: не мало полезного леса,
 Для мореходов — сосну, для дома — кедр с кипарисом,
 Спицы обычных колес и круги сплошных, для повозок;
 445 Правит из них земледел и судов искривленные днища.
 Прутьями ветлы весьма богаты, зеленью — вязы;
 Крепкими древками — мирт и кизил, для войны подходящий;
 Тисы гнут, чтобы их превращать в итурейские луки;
 Легкая липа и букс, на станке становящийся гладким,
 450 Форму любую приемлют, и долбят их острым железом;
 Легкая также ольха плывет по бушующим водам,
 Пущена в Пад; и рои скрывают пчелы по дуплам
 И в пустоте под корой в загнившем каменном дубе.
 Что нам Вакха дары принесли, чтоб тем же их вспомнить? —
 455 Поводы Вакх подавал и для всяких проступков; кентавров
 Бешеных смертью смирил, и Рета, и Фола, а с ними
 Пал и Гилей, что грозил лапифам кратёром огромным.

- О блаженные слишком,—когда б свое счастье знали,—
Жители сёл! Сама, вдалеке от военных усобиц,
460 Им изливает земля справедливая легкую пищу.
Пусть из кичливых сеней в высоком доме не хлынет
К ним по покоям волна желателей доброго утра.
Пусть не жаждут дверей с украшениями из черепахи,
Золотом тканых одежд; эфирейской меди не ищут:
465 Если их белая шерсть ассирийским не крашена соком,
Жидкого ежель они и не портят масла корицей, —
Верен зато их покой, их жизнь не знает ошибок.
Всем-то богата она! Зато на просторах досуги,
Своды пещер, живые озера, прохладная Тэмпэ,
470 В поле мычанье быков и сон под деревьями сладкий —
Это все есть. Там и рощи в горах, и звериные логои.
Там терпелива в трудах молодежь, довольная малым.
Вера в богов и к отцам почтенье. Меж них Справедливость,
Прочь уходя от земли, оставила след свой последний.
- 475 Прежде всего пусть меня, однако, милые Музы,
Коим священно служу, великой исполнен любовью,
Примут и пусть мне пути покажут небес и созвездья,
Муки луны изъяснят и всякие солнца затмения,
Труссы, и силой какой морские вздуваются глуби
480 И, прегражденья прорвав, на себя опадают обратно;
И в океан почему погрузиться торопится солнце
Зимнее; что для ночей медлительных служит репоной?
Если же этих частей природы ныне коснуться
Кровь препятствовать мне вокруг сердца холодная будет, —
485 Лишь бы всегда обитать в полях, где потоки по долам,
Там, где реки и лес, в неславной мне доле! О, там, где
Сперхий в полях и Тайгет, где лакедемонские девы
Вакхствуют! О, кто меня унесет в прохладные доли
Гема и приосенит ветвей пространною тенью?!

- 490 Счастливы те, кто вещей познать умели причину,
 Те, кто всяческий страх и рок непреклонный к моленям,
 Всё повергли к ногам, — и шум Ахеронта скупого.
 Благополучен, кому знакомы и сельские боги,
 Пан и старец Сильван и Нимфы — сестры благие.
- 495 Связки — народная честь — и царский его не волнует
 Пурпур, или Раздор, мятущий изменников братьев,
 Или же дак, что от Истра спускается, с ним сговорившись;
 Рима дела, обреченные царства... Здесь же не будет
 Он неимущих жалеть иль завидовать тем, кто имеет.
- 500 Он собирает плоды, которые ветви и нивы
 Сами дают, он чужд железных законов; безумный
 Форум ему незнаком, он народных архивов не видит...

- Те тревожат веслом неверную зыбь, те хватают
 Меч, а те ко дворам проникают и царским порогам.
- 505 Этот напал, сокрушая, на град и несчастных Пенатов,
 Из самоцвета чтоб пить и спать на сарранском багрянце.
 Прячет богатства иной и лежит на закопанном злате;
 Этот в восторге застыл перед рострами, этот пленился
 Плеском скамей и отцов и народа; конечно, раскрыл свой
- 510 Рот. Приятно другим, облившись братскою кровью,
 Дом и свой милый порог менять на глухое изгнанье,
 Родины снова искать, не под тем уже солнцем лежащей...
 А земледелец вспахал кривым свою землю оралом, —
 И обеспечен на год. Он родине этим опора,
- 515 Малым Пенатам, стадам коров и волам заслуженным.
 Не отдохнешь, коль еще год не дал плодов в изобилии
 Или приплода скоту, иль снопов из Церериных злаков,
 Не отягчил урожаем борозд и амбаров не ломит...
 Вот и зима. Сикионские ягоды камнями давят.
- 520 Радостно свиньи идут от дубов. В лесу — земляничник.
 Разные также и осень приносит плоды: на пригорках

Сладостный, солнцу открыт, допекается сбор виноградный.

Милые льнут между тем к его объятиям дети.

Дом целомудренный чист. Молоком наполнено, виснет

525 Вымя коров, и козлы, на веселой сойдясь луговине,

Жирные друг против друга стоят, состязаясь рогами.

Сам же он в праздничный день отдыхает, в траве растянувшись,

Где в середине огонь, а товарищи чашу венчают

И, возливая, тебя, Леней, призывают; на вязе

530 Делают цель пастухам, соревнующим в дротиках резвых;

Для деревенской борьбы упражняют их грубое тело.

Древние жизнью такой когда-то жили сабины,

Также с братом и Рем; так Этрурия выросла мощной.

Истинно, так же и Рим всего стал в мире прекрасней,

535 Целых семь для себя холмов окруживши стеною.

Раньше скиптра царя Диктейского, даже и раньше,

Чем нечестивый стал род душить быков для съеденья,

Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.

И не слышали тогда, чтоб трубы надулись и чтобы

540 Начали копыя стучать, на крепкие древки воздеты.

Но уж проделали мы пространство огромной равнины,

И уж пора развязать коней дымящие шеи.

КНИГА ТРЕТЬЯ

- Также тебя воспоем, великая Палэс и славный
Пастырь Амфризский, и вас, леса и потоки Ликея!
Всё остальное, что ум захватило бы песнями праздный,
Всё — достоянье толпы: жестокого кто Эврисфея,
5 Кто и Бузирида жертв ненавистного ныне не знает?
Кем был юноша Гил не воспет иль Дэлос Латонин?
Гипподамия и Пелопс, известный плечом слонокостным,
Ловкий с конями? Хочу испытать путь новый, которым
Мог бы подняться, уста мужей облетая победно.
10 Первый на родину я с собой, — лишь бы жизни хватило! —
Милых мне муз поведу, возвратясь с Аонийской вершины.
Первый тебе принесу Идумейские, Мантуя, пальмы
И на зеленом лугу из мрамора храм я поставлю
Возле воды, где, вивясь лениво, блуждает великий
15 Минкий, скрывая свои тростником побережия мягким.
Цезарь будет стоять посредине хозяином храма.
Я в его честь, — победитель, — красуюсь Тирским багрянцем,
Сто погоню вдоль реки колесниц, четверней запряженных!
Вся, оставляя Алфей и Малоркские кущи, сразится
20 На колесницах или с сыромятным Греция цестом,
Сам же, чело увенчав подстриженной ветвью оливы,
Буду дары приносить. Уже мне отраден ко храму

- Шествий торжественный ход и быков молодых убиенье,
Сцена, которой бока, повернувшись, отходят, меж тем как
25 Пурпурный занавес поднят руками тканых британнов.
Изобразу на дверях из золота с костью слоновой
Бой Гангаридов, доспех победителя в битвах — Квирина.
Также кипящий войной покажу с великим теченьем
Нил, и медь кораблей, из которой воздвиглись колонны.
30 Градов азийских придам покоренных, отбитье Нифата,
Парфа, что к бегству прибег, обратно стрелы пуская,
Два у различных врагов руками взятых трофея
И на обоих берегах совершённые дважды триумфы.
Изображенья живые, — предстанут паросские камни,
35 Ветвь Ассарака: семья, что ведет от Юпитера род свой.
Вас, родитель Трос и Кинтий, Трои создатель!
Зависть несчастная будет бояться Фурий и строгих
Струй Коцита, и змей, обвившихся вокруг Иксиона,
И колеса великана, и неодолимого камня.
- 40 Но за Дриадами вслед пойдем к лесам и ущельям
Девственным! Ты, Меценат, нелегкое дал повеленье.
Ум не зачнет без тебя высокого: так победи же
Сонную леность! Зовет Киферон мычаньем могучим,
Кличут Тайгетские псы, Эпидавр, коней укротитель!
45 Голос же откликом роц усугубленный, вновь отдается.
Скоро, однако, начну воспевать горячие битвы
Цезаря, имя его на толикие годы прославив,
Сколькими сам отделён от рожденья Тифонова Цезарь.
- Если пленён кто-нибудь олимпийской пальмы наградой,
50 Кõней пасет иль волов готовит сильных для плуга,
Матку прежде всего пусть выберет; лучшая косо
Смотрит корова, ее голова — громадна, а шея
Мощна, и вплоть до колен подбрудка падает кожа.
Бок чем длинней у нее, тем лучше; все-то в ней крупно,

- 55 Даже нога; рог загнут назад и ухо мохнато.
С белыми пятнами мне пришлась бы тоже по вкусу,
Также и та, что ярма не выносит и рогом грозитя,
Мордой же схожа с быком; которая держится прямо,
И как пойдет, так следы концом хвоста замечает.
- 60 Сроки Люцину терпеть и, как надо, вступать в гименеи
В десять кончаются лет, в четыре года начавшись.
Возраст иной не хорош для приплода и слаб для орала.
Значит, меж тем как стада преисполнены юности бодрой,
Дай им самцов; посылай к Венере первым скотину
- 65 И, разводя, обновляй ты племя старое новым.
Лучшие самые дни убегают для смертных несчастных
Первыми прочь; подойдут болезни и грустная старость,
Муки, а там человек уж похищен безжалостной смертью...
- Будут такие всегда, которых сменить ты захочешь;
- 70 Будешь их смело сменять, чтоб впредь не жалеть о потерях,
Предупреждай и готовь ежегодно подростков для стада.
- Что до коней, то и их обстоит не иначе выбор.
Тех, кого ты взрастить положил в надежде на племя,
С самых младенческих дней окружи особой заботой.
- 75 Прежде всего, табуна жеребенок кровного в поле
Шествует выше других и мягко ногами ступает,
Первым в дорогу бежит и в поток отважиться грозный
Смеет, или свой шаг неизвестному мосту доверить.
Он не пугается шумов пустых; высока его шея;
- 80 Морда точеная; зад — налитой и короткое брюхо.
Сильная грудь изобилует мышцами. Всех благородней
Серые с голубизной иль гнедые; цвет худший у белых
И у буланых. Едва прозвучит недалеко оружие,
Смирно не может стоять, дрожит, ушами поводит,
- 85 Ржет и, ноздри раздув, огнем внутрь вобраным пышет.

- Грива густа; коль тряхнет, на плечо упадет направо.
Вдоль меж ребер хребет двойной проходит; и землю
Бьет и тяжко звенит роговиною крепкой копыто.
Пóмлукса из Амиклеи вожжами смирённый таким был
90 Кйлар, и эти, кого поминают греков поэты,
Марсовых двойка коней и великого выезд Ахилла.
Также гриву и сам по конской шее рассыпал
При приближеньи жены Сатурн поспешно, и ржаньем
Зычным своим Пелион высокий в побеге наполнил.
95 Если же конь, отягченный болезнью иль старый годами,
Слаб стал, его удали; пощади постыдную старость.
Старый, холоден он к Венере и неблагодарный
Труд понапрасну вершит, а коль дело доходит до схватки,
Словно соломы огонь большой, но силы лишенный,
100 Тщетно ярится. Смотри особливо на нрав и на возраст,
И на другие статьи, на производителей племя, —
Как переносит позор посрамленья, как пальмой гордится.
Или не видел ты?—вот безудержно катят колеса
Кони, и мчатся вперед из затворов вскачь колесницы;
105 Юношей напряжены надежды, и бьется от страха
Сердце у них, трепеща напирают с кнутом изогнутым,
Вожжи, склонясь, отдают; и ось, разогревшись, несется,
Их, то припавших, а то высоко поднявшихся будто,
Через пространство несет, и словно подъемлются в воздух;
110 Ни остановки, ни отдыха; желтый песок заклубился
Облаком; мочит их пена и дых набегающих сзади...
Страсть такова к похвалам, такова о победе забота!

- Первый посмел четырех в колесницу впрячь Эрхфоний
Вместе коней и стоять на быстрых колесах победно.
115 Пелефронийцы Лапифы нам дали вожжи и «круги»,
На спину встали они, научили наездника прыгать
В вооруженьи с коня и гордую сдерживать поступь.

Оба трудны мастерства; молодого всегда коневоды
 Ищут, горячего нравом коня и быстрого в беге, —
 120 Пусть другой и врагов гонял, обращаемых в бегство,
 Родиной пусть он Эпир называл и крепость Микены,
 Племя же от самогò выводил Нептунова рода.

Это все соблюдя, — как срок настанет, заботы
 Все направляют к тому, чтоб жиром тугим натянулся
 125 Тот, кто выбран вождем и общим назван супругом.
 Надо цветущей травы нарезать, и воду готовить,
 Также муку, чтобы мог он выполнить сладостный труд свой
 И чтобы голод отцов не сказался на хилом потомстве.
 Что ж до кобыл, то их худобой утончай нарочито,
 130 Только лишь явится хоть, и к первому совокупленью
 Их устремит; не давай им листвы, отводи от фонтанов.
 Часто их бегом еще растрясает, томят их на солнце
 Летом, когда тяжело молотью ток стонет, и вьется
 Вверх во встающий зефир пустая с тока солома.
 135 Так поступают, чтоб жир не закрыл чересчур изобильный
 Их детородного поля, бразды не забухли б пустые,
 Но чтобы, жаждя, вбирали Венеру и прятали глубже.

Вот на убыль уже об отцах забота, на прибыль —
 О матерях. Как сроки пройдут и, жерёбые, бродят,
 140 Пусть никто им тянуть ярма тяжелых повозок
 Не позволяет, дорог перепрыгивать, или же быстрым
 Бегом луга пробегать, иль вплавь брать бурные реки.
 Пусть на просторных лугах пасут их вдоль полноводных
 Рек, где по берегу мох и зеленые самые травы,
 145 Где им в пещерах приют, где тень от утесов ложится.

Возле Силарских роц и Альбурна, покрытого лесом
 Иликов, с крыльями есть насекомое с римским названием
 «Asilus» (греки ж его называют иначе: «Oestron»)

Злобное, страшно жужжит; его испугавшись, по лесу
150 Весь разбегается скот. Тогда потрясенный мычаньем
Воздух бушует, и лес, и иссохшего берег Танагра.
В гневе ужасном своем применила когда-то Юнона,
Инаха вздумав корову сгубить, чудовище это.
Вот и его, — ибо в зной оно свирепей бывает, —
155 Ты от беременных стад отгоняй, скотину паси ты
Только, лишь солнце взойдет, иль ночь приведут к нам светила.

После отела же вся на телят переходит забота.
Прежде всего выжигают тавро с названием рода,
Обозначают, каких на племѣ оставить желают
160 Иль для святых алтарей, каких—чтоб вспахивать землю
Иль подымать целины торчащей разбитые глыбы.
Весь же скот остальной на траве пасется зеленой.
Тех, кого приучить к полевым захочешь работам,
Сызмала ты упражняй, настойчиво их укрощай ты,
165 Души гибки доколь у юнцов и возраст подвижен.
Раньше из тонких лозин сплетенный круг им на шею
Вешай. Потом же, когда их привыкнет свободная выя
К рабству, тогда их самих за простые ошейники по два
Соединяй и бычков понуждай к совместному шагу.
170 Пусть они по земле порожние тянут повозки
Чаще тогда, оставляя следы на поверхности праха.
Пусть потом заскрипит, томясь под грузом могучим,
Ось из бука, и тащит колеса медяное дышло.
Для молодежи тогда, еще непокорной, не только
175 Травы да листья ветлы тщедушные с ульвой болотной
Надо срывать, но и стебли хлебов: отелившись, коровы,
Как до того, наполнять белоснежный подойник не станут,
Но целиком отдадут новорожденным сладкое вымя.

Если ж охота влечет к войне и строям отважным,
180 Хочешь скользить колесом по алфейскому берегу Пизы,

- Иль колесницы полет стремить у Юпитера в рощах,
 Первое дело коня — привыкать к ружью и пылу
 Воинов, трубы терпеть; колеса, что влачится со стоном,
 Звук выносить и внимать на конюшне звону удила;
 185 Больше и больше потом похвалам хозяина нежным
 Радоваться, и любить по треплемой хлопанье шее.
 Так пусть будет, едва от сосцов материнских впервой он
 Отнят; пусть морду он сам в недоуздок мягкий просунет,
 Слабый, дрожащий еще, своих еще лет не сознавший.
 190 Но как три года пройдет и год наступит четвертый,
 Пусть выделявать «круг» начинает, размеренным шагом
 Пусть звенит, колен очередно бросает изгибы,
 Будет пусть так, словно трудно ему; пускай вызывает
 Ветры на бег и, летя, не сдержан вожжами, по ровной
 195 Глади едва печатлит свой след на поверхности праха.
 Крепкий так Аквилон налегает от Гиперборейских
 Стран и скифские бури несет с собой и сухие
 Тучи: возросшие нивы тогда и поля, колыхаясь,
 В веяньи легком его трепещут, и шумны вершины
 200 Леса, и к берегам спешают длинные волны.
 Мчится он, бегством своим и поля и моря заметая.
 Конь, у Элейских ли мет, на обширном ли поприще поля,
 Будет потеть и из губ выпускать кровавую пену,
 Или ж на гибком хребте понесет колесницы он белгов.
 205 Только, как выезжен он, позволяй, чтоб от тучного корма
 В теле конь прибавлял; затем, что до укрощенья
 Нрав строптив у коней; возьмешь их — не пожелают
 Гибкой плети терпеть, подчиняться твердым удилам.

- Способ их мощь укреплять наилучший, однако, — Венеру
 210 Вовсе от них отстранять и любви слепые уколы, —
 Предпочитает ли кто коров иль коней разведение.
 С этой целью быков уводят подальше, пасть их

- Там оставляют одних, за горой, иль рекою глубокой.
Иль, заперев их внутри, у наполненных держат кормушек.
215 Ибо их силы сосет постепенно, сжигает их видом
Самка, и им не дает о рощах вспомнить и травах.
Прелести сладки ее; заставляют ими частенько
Гордых между собой рогами любовников драться.
В Сильском обширном лесу пасется красивая телка, —
220 Попеременно они с великой сражаются силой,
Раны себе нанося; по телам кровь черная льется.
И направляют рога друг на друга, сражаясь с протяжным
Стоном; гудят им в ответ леса с высоким Олимпом.
В хлеве одном уж не жить сразившимся: но побежденный
225 Прочь уходит, живет одиноко в неведомых даях;
Стонет, свой помня позор, победителя помня удары
Гордого, и что любовь утратил свою без отмщенья,
И что, взглянув на хлева, родовое владенье покинул.
С тщаньем сугубым теперь упражняет он силы, меж твердых
230 Скал всю ночь он лежит, распростерт на непостланном ложе,
Только колючей листвою питаюсь да острой осокой.
Он испытует себя, он учится гневаться рогом,
Он на стволы нападает дерев, ударяет по ветру
Лбом и, взрывая, песок рассеивает, — готовясь для битвы.
235 После же, восстановив свою мощь, вновь силы набравшись,
Двигает рать и стремглав на врага позабывшего мчится, —
Словно волна: лишь вдали забелеет в море открытом,
Всё удлиняясь, изгиб свой влечет; и потом, закрутившись,
Страшно гремит у земли меж утесов и вдруг упадет
240 Встречной не меньше скалы; и даже глубинные воды
В крутнях кипят и песок бросают доверху черный.

Так-то всяческий род на земле, и люди, и звери,
И обитатели вод, и скотина, и пестрые птицы
В буйство впадают и в жар; любовь для всех них одина.

- 245 Лъвица, о лвъятах забыв, никогда во время другое
 Бешено так по полям не блуждает; медведь косолапый
 Стольких не делает зверств по лесам и бед без разбору,
 Сколько тогда; и грозен кабан, и тигр преопасен.
 Горе! Плохо тогда блуждать по пустыне Либийской!
- 250 Разве ты не видал, как дрожат, напрягаясь всем телом,
 Кони, едва лишь до них дойдет знакомый им запах?
 И уж тогда ни вожжам человека, ни плетям жестоким,
 Уж ни пещерам, ни скалам, ни встречным не удержать их
 Рекам, ни каменных гор обломкам, крутящимся в волнах.
- 255 Так же бросается вепрь Сабинский, точит он бивни,
 Он ударяет ногой по земле, трет бок об деревья,
 С той и с другой стороны приучает плечи к раненьям...
 ... Или же юноша тот, у которого в жилах струится
 Пламя жестокой любви? В час поздний, ночью слепую,
- 260 Под разразившейся бурей плывет возмущенной пучиной!
 Двери грохочут небес над ним; разбиваясь о скалы,
 Воды гудят, понапрасну родители бедные кличут
 И вслед за ним умереть в страданьях готовая дева.
 А пестрошерстые Вакховы рыси? Свирепые волки,
 265 Псы? Иль олени еще, что, смиренные, в битвы вступают?
 Всех, однако, сильней исполнены буйства кобылы;
 Дух тот сама им дала Венера, в то время как Главка
 Члены челюсти вдруг четверни Понтийской пожрали.
 Их уводит любовь за Гӑргар и за Асканий
- 270 Гулкий; взбегают они на вершины, плывут через реки;
 Тотчас, едва лишь огонь разогреет их жадные ведра,—
 Больше весной, ибо жар весной возвращается в кости,—
 Все к Зефиру лицом стоят на утесах высоких,
 Ветром легким полны; и часто вовсе без мужа
- 275 Плод зачинается в них от ветра, — и молвить-то чудо! —
 Тут по утесам они и по скалам, по низким долам

- Прочь все бегут,—нет, Эвр, не к тебе, не к солнца восходу!—
В край, где Кавр и Борей, откуда чернейший родится
Австр, где он небеса дождливою стужей печалит.
- 280 Тут-то тягучий течет, называемый меж пастухами
Верным названьем его, «гиппоманом», сок из утробы.
Тот гиппоман, что всегда собирали мачехи злые,
Разных трав примешав и слов далеко не безвредных.
- Так, но бежит между тем, бежит невозвратное время.
- 285 Мы же во власти любви всё по частностям плаваем разным.
- Будет—о крупном скоте... Другая осталась забота:
Стадо овец руноносных пасти и коз длинношерстных.
Вот в чем труд; от него жди чести, могучий селянин!
Не сомневаюсь я в том, как трудно это словами
- 290 Преодолеть, и вещам дать блеск ограниченным должный.
Но по пустыням горячим Парнаса влеком я любовью
Сладостной; мило итти по хребтам, где к Касталии прежде
Не извивалась ничья колея по мягкому склону.
Чтимая Палэс, начнем петь ныне голосом полным!
- 295 Прежде всего прикажу, чтоб в хлевах уютных жевали
Овцы траву, пока не вернется зеленое время.
Также и папоротник и солому велю, не жалея,
На пол стелить земляной, чтоб холод и лед не вредили
Нежной скотине, чтоб ей ни коросты не знать, ни подагры.
- 300 Прехожу к другим: велю, чтоб козам давали
Листьев дерев земляничных и свежей воды подносили.
Стойла велю защищать от ветров, чтоб глядели на полдень,
Солнце чтоб знали зимой,—доколе однажды студеный
Не упадет Водолей, оросив окончание года.
- 305 Но отнесись и к другим с не менее слабой заботой:
Пользы не меньше от коз, хоть шерсть Милетская стоит

Дорого, ежели к ней приварят тирских багрянцев!
Чаще потомство у них, молока у них изобилье.
Больше под выменем их истощившимся пенится дойка,—
310 Больше из сжатых сосцов вытекает струй благодатных.
Бороды все ж иногда и седые стригут подбородки
У кинифийских козлов, и волос их шелковистый,—
Для лагерей иль еще на плащи беднякам матросам.
Козы пасутся в лесах, на высоких вершинах Ликея,
315 Между колючих кустов и зарослей, любящих кручи.
Сами приходят домой, все помня, и младших приводят,—
Столь тяжелы молоком, что едва порог переступят!
Так постарайся ж от них мороз и вьюги, — поскольку
Требуют меньше они вообще забот человека, —
320 Ты отвратить. С охотой носи им пойло и также
Веточный корм, запирать и не думай зимой сеновалы.

Но лишь веселое лето, явясь на призывы Зефиров,
Стадо и тех и других погонит в луга и в ушелья,
С ранней Денницы звездой тогда на прохладную волю
325 Выйди совсем поутру, когда белеют лужайки,
И на траве молодой — роса, любезная стаду.
После ж, в четвертом часу, когда жара соберется,
Жалобным пеньем своим огласят кустарник цикады,—
Стадо к колодцам тогда иль к глубоким ведем водоемам, —
330 Воду пить, что до них по канавкам бежит деревянным.
В самый же зноя разгар поищи тенистой долины, —
Там со старым стволом Юпитеров дуб на просторе
Мощно раскинул суки, а там, листвою чернея,
Иликов роща густая ложится священной тенью.
335 Чистой их снова водой напои и паси их, лишь только
Солнце пойдет на закат, смягчит лишь воздух прохладный
Веспер, и вновь оживит ущелья росистые месяц,
Чайками вновь берега зазвучат и щеглами кустарник.

Либии пастбища я и ее пастухов помяну ли
340 Тоже стихом, или их мапалий редкие кровли?
Часто и день-то и ночь, и целые месяцы кряду
Стадо пасется, бродя по широкой пустыне без крова
Вовсе: так велико пространство равнины! С собою
Всё африканский пастух волочит, и кровлю, и Лара,
345 И амиклейского пса, и оружие, и критский колчан свой.
Римлянин именно так, ревнивый к родному оружию,
С ношей тяжелою в путь отправляется и, неждан,
Перед врагом уж стоит в строю, раскинув палатки!..

Иначе там, где скифы живут, где Мэотики воды,
350 Там, где желтый песок Истр мутный течением крутит,
Там, где Родопы загиб, серединой под полюс ушедшей:
В хлевах там взаперти содержат скотину; на поле
Не появляется там травы, ни листвы на деревьях;
Но, безобразны, лежат под сугробами снега и толстым
355 Льдом просторы земли, семи локтей достигая.
Вечно зима, и вечно там дышат холодом Кавры.
Более: бледную тень и солнце вовек не рассеет,
Мчится ль оно на конях к Эфиру высокому или
Моет свою колесницу в румяной воде океана.
360 Вдруг на бегущей реке вырастают нежданные корки,
И уж вода на хребте железные ободы держит.
То принимала суда широкие, ныне ж — повозки!
Часто дает там трещины медь, каленеют одежи
Прямо на теле, топор разрубает текучие вина;
365 Целые заводи вдруг обратились в крепкую льдину,
И, затвердев, в бороде нечесанной виснет сосулька.
Снег, меж тем, все идет и воздух весь заполняет.
И погибают стада; стоят окруженные снегом
Крупные туши быков; и сомкнутым строем олени
370 В свежем застыли снегу, и рога их виднеются еле.

Тут без всяких собак и тенет расставлять не трудясь,
 Люди преследуют их, не пугая пунцовою метелкой;
 Тщетно грудью они пробивают вставшую гору, —
 Бьют их железом вблизи и громко воющих тут же
 375 Их убивают, потом уносят с радостным гиком.
 Сами ж, прокопов нарыв, спокойно проводят досуги
 Там, глубоко под землей; дубов натаскают и целых
 Вязов к своим очагам и сжигают на пламени дымном.
 Ночь проводят в игре, и в веселье своем подражают
 380 Чашам винной лозы бродилом и кислой рябиной.
 Так под гиперборейским живущее Септентрионом
 Дикое племя людей подвержено Эврам Рифейским
 И покрывает тела звериною рыжею шерстью.

Если заботишься ты о вólне, колючего леса
 385 Ты избегай и волчца, и репья, и пастбищ богатых.
 Белых с нежным руном выбирай овец непременно.
 Если баран у тебя случится, сам белоснежный,
 Но коли черный язык у него и влажное нёбо,
 Брось его, чтобы он не испортил пятнами шерсти
 390 Новорожденных, ищи другого по полному полю.
 Редкостным белым руном,—коль тому позволительно верить, —
 Пан, Аркадии бог, тебя взял, Луна, обманно,
 В лес глубокий зазвав: и ты не презрела зова!
 Любит ли кто молоко, пусть в кормушку китис и трилистник
 395 Собственной сыплет рукой, не жалея, с травой посоленной.
 Будет милей им вода, и туже натянется вымя,
 Соли же вкус в молоке остается еле заметный.
 Многие к маткам совсем отнятых ягнят не пускают,
 Им на рыльце надев намордник с оправой железной.
 400 То молоко, что они на заре надоили, иль в полдень, —
 Ночью сжимают; а то, что доили во тьме, на закате, —
 Рано поутру пастух относит корзинами в город;

Или же солью чуть-чуть посыплют и на зиму сложат.
Но и собак не оставь заботой, выкармливай сразу
405 Быстрых спартанских щенят и молоссов, в деле горячих,
Жирною сывороткой; при таких сторожах опасаться
Нечего хлевам воров ночных и волков нападенья,
Или что сзади ибер наскочит еще не смирённый.
Часто будешь бегом преследовать робких онагров,
410 Зайца с псами гонять, охотиться с псами на ланей.
Часто лаем смущать кабанов, их выгоняя
Вон из логов лесных; на горах высоких ты будешь
Рослого криком своим загонять в тенета оленя.

Также умей зажигать в хлевах и кедр ароматный,
415 Гнать опасную вон хелидру духом гальбана.
То, коли хлев загрязнен, заберется, — противна на ошупь, —
Под пол гадюка, бежит от света небесного в страхе;
Или привыкшая в тень уходить и под кровлю, медянка
(Худшая стада напасть!), что яд свой вливает в скотину,
420 Землю там взлюбит. Хватай, пастух, тут камни и палки!
Вставшую страшной угрозой, надувшую шею со свистом
Ты порази; вот бежит и голову робкую прячет,
Средние ж тела узлы и конец хвоста ускользают
Тихо, и тащит извив последний медленно кольца.
425 Водится злая змея еще в Калабрийских ущельях, —
Вьет хребта чешую, высоко грудь поднимая,
Долгое ж брюхо ее пятнают крупные метки;
Эта, потоки пока из источников рвутся, и земли
Мокры от влажной весны и Австров дождливых, в стоячих
430 Водах живет; гнездясь в берегах, она утоляет
Гнусную жадность свою говорливою лягвой и рыбой.
А как подсохнут болота и земли треснут от зноя,
В место сухое ползет и, вращая пылающим оком,
В поле свирепствует, жаждой томясь, испугана зноем.

435 Пусть не захочется мне заснуть сном сладким под небом,
Ни полежать на траве, на склоне, рощей поросшем,
В дни, как, скинув покров, обновленная, юностью блещет,
И выползает, оставив детенышей в доме иль яйца,
К солнцу поднявшись, а рот языком триконечным мигает!

440 Также наставлю тебя в причинах и знаках болезней.
Овцы чесоткой дурной болеют, коль ливень холодный
В тело глубоко проник, иль если ужасная стужа —
Белым морозом; еще, коль у стриженных пот остается
С них неомытый; иль куст изодрал им тело колючий.

445 Ради того пастухи купают стадо всё в реках
Пресных, сам же баран погружается с шерстью намокшей
В воду и вдоль по реке несется волей течения;
Или же горьким тела масличным мажут отстоем,
Глета серебряного добавляют, естественной серы,

450 Также идэйской смолы и воска, богатого жиром,
Сциллы, смолы земляной и еще черемицы тяжелой.
Лучше, однакоже, нет против этого бедствия средства,
Нежели, если ножом кто сможет разрезать верхушку
Самых нарывов; питается зло и живет сокровенно,

455 Между тем как пастух врачующих рук не желает
К язвам тем приложить и сидит, на богов уповая!
Боле того, коль недуг, до костей овечьих проникнув,
Буйствует и лихорадка горячая гложет им члены,
Надо пылающий жар отвратить и снизу ударить

460 Их между ног и раскрыть, чтобы кровью хлынула, вену.
Так поступает бизальт и ловкие в деле гелоны,
Если, к Родопе спеша иль в пустынные области гетов,
Кислое пьют молоко, смешав его с конскою кровью.

Если увидишь овцу, которая чаще уходит
465 В мягкую тень иль травы побегу щиплет ленивей,

- Сзади последних идет и на пастбище прямо средь поля
Падает, или одна удаляется поздней ночью,
Тотчас беду пресеки железом, пока не проникла
Злая болезнь во всё тобой небреженное стадо.
- 470 Бури, предвестницы зим, не чаще бросаются с моря,
Чем нападают на скот болезни; и не одиночек
Губит коварный недуг, но стадо целое сразу, —
Скот и надежду его и все, со старшими, племя.
- Все это может узнать, кто воздушные Альпы и веси
475 Нёррика на высотах, и Тимава Иапида доли
Ныне, чрез столько годов, увидит и царства пустые
Пастырей, — вольный простор заброшенных ныне урочищ.
Там когда-то жара возникла от порчи небесной
Людям на горе и зноем во-всю запылала осенним,
480 Смерти весь род предала животных домашних и диких,
И отравила пруды, и заразой луга напитала.
Смерти дорога была не простою; после того, как
Жар из жаждущих вен несчастным скорчивал члены,
Жидкость обильно потом текла и в себя вовлекала
485 Кости все до одной, понемногу язвимые хворью.
Часто в служеньи богам к алтарю подведенная жертва
Под увенчавшей ее белоснежной повязкой с тесьмами
Между служителей, вдруг замедливших, падала мертвой.
Если же жрец успевал железом жертву прикончить,
490 Жилы клали гореть, — а жертвенник все не пылает,
И на вопросы уже предсказатель не может ответить.
Ежель подставить ножи, еле-еле красятся кровью,
Скудная сукровица поверхность песка окропляет.
- Так умирают тельцы толпою меж трав благодатных
495 Или же с нежной душой расстаются у полных кормушек.
Бесятся кроткие псы, и свиней больных сотрясает

Кашель, дышать не дает и душит опухшие глотки.
 Падает, все позабыв, и привычки и нрав свой, несчастный
 Конь победитель, ручьев избегает, о землю ногою
 500 Бьет; опущены уши, и пот, то холодный, то жаркий,
 Возле ушей, — перед смертью бывает он холоден, — сохнет
 Шерсть у них и, жестка, противится прикосновенью.

В первые дни пред концом появляются знаки такие,
 Но, развиваясь, болезнь коль начнет становиться тяжеле,
 505 То запылают глаза, из нутра глубоко дыханье
 Тянется, тягостный стон прерывает его, напрягают
 Долгим всхлипом бока, из ноздрей же черная льется
 Кровь, и шершавый язык стесняет забухшее горло.
 Пользу давало тогда введенье при помощи рога
 510 Соков Ленея; одно их лишь это от смерти спасало.
 Вскоре ж и это для них обернулось на гибель; воспрянув,
 Стали беситься они и сами, в смертельных мученьях
 (Боги, храните благих, то безумье врагам насылайте!)
 Члены порвав на куски, зубами тело терзали.
 515 Вот, однако, и вол, дымясь под плугом тяжелым,
 Падает, кровь изо рта изрыгает, с ней вместе и пену;
 Смертный стон издает; и пахарь уходит печальный
 И, отпрягая вола, огорченного смертию дружки,
 Посередине труда оставляет врывшийся плуг свой.
 520 Тут уж ни сени дубрав глубоких, ни мягкие травы
 Душу его оживить не могут, ни речка, что вьется
 По полю между камней, электра чище; спадают
 Снизу бока; на глаза неподвижные тупость ложится,
 И, тяготясь собой, склоняется доземи шея.
 525 Польза какая ему от трудов и заслуг? Что ворочал
 Тяжкую землю?.. Меж тем ни дары массийские Вакха
 Не повреждали ему, ни к столу подносимое яство, —
 Только одна лишь листва и простая трава — им питанье,

Ясные им родники — питье и текущие вечно
530 Реки; здоровый их сон никогда не прерван заботой!

В те же всё времена, говорят, по местностям этим
Тщетно искали быков для Юнониных священнодействий
И колесницу вели ко храму два буйвола разных.
Землю мотыгами стали вскрывать мучительно; когти
535 В почву врывають зерно; по высоким горным дорогам
Люди, шеи пригнув, скрипящие тащат повозки!..
Волк не блуждает уж у овчарен и козней не строит,
И не гуляет вокруг стад по ночам; жесточе забота
Волка гнетет; олени горячие, робкие лани
540 Бродят промежду собак и возле жилищ человека.
Моря великого род и всякое племя пловучих
Вдоль по морским берегам, как останки кораблекрушенья,
Моет волна; и бегут непривычные в реки тюлени.
Тонет гадюка, — ее извилистый тщетно скрывает
545 Лог, и не в силах ползти с чешуей взъерошенной змеи.
Воздух птицам самим не благоприятен; свергаясь,
Жизнь оставляют они под высокою твердью небесной,

Более этого, — впрок не была перемена и пастбищ;
Стало искусство вред приносить; врачеватели скрылись,
550 Амифаонов Меламп, и Хирон, рожденный Филлирой.
Кинув стигийскую тьму, свирепствует вновь Тисифона
Бледная, перед собой Боязнь гоня и Болезни,
И, выпрямляясь, главу что ни день, то выше подьмет!
Частым бляньем стад, постоянным мычанием реки
555 Все и сухие берега звучат, и склоны пригорков.
Целые толпы заражает она смерти и в самых
Стойлах груды валит, гниющих в гнусном распаде
Тел, пока их землей не засыпят и в яму не скроют.
Даже нельзя было кож применять и внутренних вымыть

- 560 Чистой водою частей, иль пламенем справиться с ними.
Также нельзя было стричь изъеденной грязью и хворью
Шерсти, касаться нельзя никому испорченной вòлны.
Если же кто надевать пытался лихие одежды,
То пупыри у него горячие, с мерзостным потом
- 565 Вдруг возникали на членах зловонных, и через немного
Времени хворую плоть священным огнем разъедало...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Дар небесный теперь воздушного меда немедля
Я опишу. Кинь взор, Меценат, и на эту работу!
На удивленье тебе я картину ничтожных предметов,
Великодушных вождей, и нравы всего — по порядку —
5 Рода, занятя его, племена воспою и сраженья.
Малый труд; но не малая слава, недобрые если
То разрешат божества, и не тщетен призыв к Аполлону!

Прежде всего выбирай для пчел жилище и место,
Что недоступно ветрам (затем, что препятствуют ветры
10 Пищу к дому нести), где ни овцы, ни козы-бодалки
Скоком цветов не сомнут, где корова, бредущая полем,
Утром росы не страшнет и поднявшихся трав не притопчет.
Пестрых ящериц пусть со спиной пятнистой не будет
Возле богатых их стойл, ни жолн, ни инаких пернатых,
15 Ни обозначившей грудь руками кровавыми Прокны.
Опустошают они все вокруг, а то и летящих
В клюве уносят, для гнезд безжалостных сладкую пищу.
Чистые пусть родники и пруды там с мохом зеленым
Будут, пусть ручеек в мураве пробегает тихонько;
20 Пальмой вход осеней иль обширной дикой оливой.
Выведут только рои впервые цари молодые
В вешние дни, и из келий умчась, молодежь заиграет,

Пусть от жары отдохнуть пригласит их берег соседний,
Гостеприимной листвою их встречное дерево примет.

25 Посередине, — течет ли вода иль стоит неподвижно, —
Верб набросай поперек, а также крупных камней,
Чтобы на частых мостах могли задержаться и крылья
Распространить на солнышке летнем, коль их запоздавших
Быстрый Эвр разметал иль кинул в Нептунову влагу.

30 Пусть окружает их дом зеленая кассия, запах
Льющий далеко тимьян, духовитого чобра побольше
Пусть расцветает, и пьют родниковую влагу фиалки.

Улья же самые, — будь из долбленной коры их строенье
Или из гибкой лозы сплетено, — пусть у каждого будет

35 Узенький вход, затем, что зима сгущает морозом
Мед, меж тем как жара, разжижая, течь заставляет.
То и другое для пчел одинаково страшно. Недаром
Каждую щелку они замазать стараются воском
Ревностно в доме своем, отверстия узой и цветами

40 Полнят, и с тою же целью, собрав, узу сохраняют,
Клея тягучей и смол, что собираются с Иды Фригийской.
Часто, — коль верить молве, — в прорытых ходах, под землю,
Ставили пчелы свой лар, и их находили глубоко
Спрятанных в пемзе пустой иль под сводами дупел древесных.

45 Ты же с своей стороны их хоромы дырявые жидкой
Мажь замазкой кругом, да присыпь ее редкой листвою;
Не допускай, чтобы тис рос возле жилищ, и багряных
Раков рядом не жарь; болот опасайся глубоких,
Бойся мест, где от ям тяжелый запах, где скалы
50 Полые гулки, где звук голосов, отражен, отдается.

Стало быть, зиму едва золотое загонит под землю
Солнце, и небо опять отомкнет сиянием летним,
Тотчас они облетать начинают чащи и рощи,
Жатву с пурпурных цветов собирают, легко прикасаясь

Гладкой поверхности рек; летят, счастливые чем-то,
Род свой и гнезда блюсти; потом воздвигают с искусством
Новые соты и их наполняют медом тягучим.
Если ж покинувший дом, к созвездиям неба плывущий
Через безоблачный зной ты рой пчелиный заметишь,
60 Будешь дивиться, как туча влекома черная ветром,
То наблюдай; полетят к зеленым жилищам и пресным
Водам всегда; в тех местах предписанных им ароматов, —
Тертой мяты насыпь и обычной травки вошанки;
Звон кругом издавай, потрясай и Матери бубен.
65 Сами усядутся все на хоромы душистые; сами, —
Как то в привычке у них, — в глубокие скроются люльки.
Если же выйдут они на сраженье, — ибо нередко
Распря меж двух царей возникает с движеньем великим, —
То настроенье толпы и в сердцах войны трепетанье
70 Тотчас заране легко различить: возбуждает отсталых
Этот таинственный звон охрипнувшей меди и голос
Слышится, труб боевых неровному звуку подобен.
Вот торопливо сошлись друг с другом, трепещут крылами,
Хоботом жало острят и конечности приспособляют;
75 Вот, окружая царя и ставку военную, густо
В кучу смешались; и криком великим недруга кличут;
Так, при первом же вёдре весеннем, лишь вскроется поле,
Мчатся вон из дверей и сходятся; в небе высоком —
Шум; смешавшись, они в огромный ком громоздятся,
80 И упадают стремглав; град реже сыплется с неба,
Жолуди реже дождем с трясомого падают дуба!
Сами ж между строев цари, сверкая крылами,
В маленькой груди своей превеликие души являют,
Не уступать порешив, пока победитель упорный
85 В бегстве тыл обратить не принудит тех или этих.
Это движение душ и все такие сраженья,
Пыли малым броском подавлены, вскоре стихают.

Все же, когда призовешь обоих вождей ты из боя,
 Тотчас того, кто слабей, чтоб вреда не нанес тунеядец,
 90 Смерти предай; на дворе свободном да царствует лучший.
 Будет один пламенеть, золотым пестреющий крапом,
 (Двух они разных пород): он — лучше, заметен он с виду,
 В ясных чешуйках блестит; другой же гнусен от лени
 И свой широкий живот тяжело, обесславленный, тащит.
 95 Внешность царей какова, таковы и тела у народа.
 Те безобразны собой, взьерошены, как пешеходец
 Жаждающий, землю плюющий, пришедший с дороги, покрытой
 Пылью глубокой; а те сверкают, все искрятся блеском,
 Золотом ярким горят, и тело их в пятнышках ровных.
 100 Лучшие те племена; от них-то, как время наступит,
 Сладостный выжмешь ты мед, и не столько сладостный, сколько
 Жидкий, способный смягчать вкус терпкий вина молодого.

Если ж летают рои, предаваясь бѣз толку играм,
 Соты свои позабыв, оставляя прохладные дома,
 105 Непостоянный их дух отворишь от игры бесполезной.
 Это и труд не велик: у царей лишь крылышки стоит
 Вырвать; едва лишь они задержаны, в высь не решится
 Тут уж лететь ни одна и из лагеря вынести знамя.
 Духом шафранных цветов пускай их сады приглашают,
 110 Пусть от вора храня и от птиц косою из ивы,
 Гелеспонтийский Приап бережет их своим попеченьем.
 Пусть, чобрец принося от гор высоких и сосны,
 Садит их возле жилищ кто о том позаботиться хочет;
 Сам пусть руки натрет тяжелой работою; сам пусть
 115 В землю воткнет он ростки, и польет их дождем благосклонным.

Но, несомненно, не будь при самом конце я работы,
 Не отдавай парусов, не спеши нос к берегу править,
 Может быть, я бы воспел, какую заботой украсить
 Пышные можно сады и розарии Пестума, дважды

- 120 Цвет приносящие в год, как цикорий выпитым струям
Рад иль брег от петрушки зеленый, как брюху подобны,
Тыквы растут средь травы извиваясь; не умолчал бы
Я и про гибкий аканф, про нарцисс, расцветающий поздно,
Про зеленеющий плющ и мирт, что любит побережья.
- 125 Так, вспоминается мне: у высоких твердынь эбалийских,
Там, где черный Галез омывает нивы золотые,
Я корикийского знал старика, у которого было
Югеров несколько поля в забросе, земли бесполезной
Для обработки, негодной для стад, неудобной для Вакха.
- 130 Малость все ж овощей меж окружных кустов и вербену,
Лилии белые рвал он и мак, пригодный для пищи,
И помышлял, что богат, как цари! И вечером поздно
В дом возвращаясь, он стол нагружал некупленной снедью.
Первым он розу весной срывал, а осенью фрукты.
- 135 А как лихая зима ломать начинала морозом
Камни и коркою льда обуздывать водные токи,
Стриг он в то время уже гиацинта мягкого кудри
И лишь смеялся, что лето нейдет, что медлят Зефиры.
Пчел, принесших приплод и много роев в изобилии,
- 140 Первым имел; добывал он пенистый мед из отжатых
Сот; там и липы росли у него и богатые сосны.
Сколько в раннем цвету плодов на обильном бывало
Дереве, столько оно приносило осенью спелых.
Даже туда перенес он в ряд уже взрослые вязы,
- 145 Крепкую грушу и терн, который приносит уж сливу,
Также платаны, что тень доставляют услужливо пьющим.
Это, однакоже, сам, стесненный узким пространством,
Я обойду, и другим предоставлю впоследствии вспомнить.

Ну же! Теперь изложу, какие свойства Юпитер
150 Пчелам сам даровал, в награду за то, что за звонким

- Шумом куретов и их громозвучной последовав медью,
Пчелы владыку небес вскормили в пещере Диктейской.
Общих имеют детей лишь они; и дома-общезитья
В граде; проводят свой век в подчиненьи великим законам,
155 Родину знают они и своих постоянных пенатов;
Помня о скором приходе зимы, предаются работе
Летом и в общий кошт кладут, что трудом пособрали;
Ибо о пище одни заботятся и по словью
Делают дело в полях; другие внутренность дома
160 Мажут нарцисса слезой, и липкой древесной узою,
Первый фундамент для сот полагая, чтоб после повесить
Крепко держащийся воск; иные учат подростый —
Рода надежду — приплод; иные сгущают чистейший
Мед, и кельи свои покрывают нектаром жидким.
165 Есть и такие, кому пал жребий быть стражем у двери;
Поочередно следят за водой и тучами в небе,
От прилетающих груз принимают; иль войском построясь,
Трутней от ульев своих отгоняют, ленивое стадо.
Дело кипит, чобредом отзывается мед благовонный.
- 170 Так Циклопы спешат из глыбы выковать мягкой
Молнии; воздух они мехами из кожи бычачьей
Тянут, чтоб выдуть опять; другие звенящую в воду
Медь погружают, и вся наковальнями Этна стенает.
С силой великой они поднимают в очередь руки,
175 Цепкими сбоку на бок железо щипцами вращая.
Именно так (коль сравнить нам малое можно с великим)
Нудит кекропсовых пчел врожденная страсть к обладанью,
Всех по-своему. Старших — забота о их поселеньи,
Об укреплении сот, о созданьи дедаловских зданий.
180 Те, что моложе, несут уже глубокою ночью
Чобра груз на ногах; берут с земляничника тоже,
Также с ветлы голубой, с лаванды, с крокусов красных,

С липы, что много дает, с гиацинтов железного цвета.
Всем одинаков отдых от дел, всем труд одинаков.
185 Утром из двери валят; нет медлящих; после, когда уж
Веспер пчелам велит наконец с полей удалиться,
Сбор прекратив, — прилетают домой и холятся в ульях;
Шум возникает, жужжат по краям и порогам жилища.
После ж, по спальням когда расположатся, всё замолкает
190 На ночь, и нужный им сон объемлет усталые члены.

Если же дождик навис, они от жилища далёко
Не отлетают и небу не верят, коль Эвры задули.
Рядом у стен городских осторожные по воду ходят,
Лишь на короткий улёт решаясь; и камешки часто
195 (Так нагружается челн песком, при волне неустойчив)
В лапках несут и качаются так по бездне ненастной.
Ты удивишься: насколько быт этот нравится пчелам.
Плотский чужд им союз; истощая, не тратят в любви
Плоти своей и детей не рожают с великим усиьем.
200 Новорожденных они со сладких злаков и листьев
Сами устами берут; и царя и малых квиритов
Ставят и заново двор и царство вошаное строят.
Часто стирали они, по жесткому ползая щёбню,
Крылья, и душу свою отдавали охотно под ношей.
205 Вот что за страсть к цветам, что за честь собирание меда!
Так, хотя им самим предел ограниченный века
Жизнь обрывает (затем, что седьмого не выжить им лета),
Все ж остается их род бессмертным: и многие годы
Дом Фортуна хранит, и предки числятся предков.
210 Столько царя своего ни Египет, ни царство великой
Лидии той, ни народ парфянский с медийским Гидаспом
Не почитают. Коль царь невредим, все в духе согласном.
Но лишь утратят его, договор нарушается, сами
Грабят накопленный мед и сотов рушат вошину.

215 Он—охранитель их дел; ему все дивятся, и с шумом
Частым теснятся вокруг; и сопутствуют целой толпою,
Носят нередко его на плечах, подставляя в сраженьи
Тело свое, и от ран прекрасную смерть обретают.

Судя по признакам тем и те наблюдая примеры,
220 Многие мнили, что есть души божественной доля
В пчелах и высшая суть, потому что бог посетил все
Земли, просторы морей, и всё глубинное небо,
Что и стада все, и скот, и мужи, и всякие звери
Всё, что рождается, берет от него свои легкие жизни,
225 И что туда же в конце возвращается вновь, разложившись,
Всё, и смерти уже нет места: взлетают живые
К сонму созвездий они и в высокое небо вступают.

Если ж когда-нибудь дом непросторный с накопленным кладом
Меда захочешь раскрыть, сначала воды набери ты
230 В рот и рукою держи ограждающий дым неотступно.
Свыше тут меры их гнев: обижены, яд свой вдыхают
Через укусы, внутри оставляя сокрытые жала,
Впившись в вены, и душу в ранениях тех полагают.
Дважды готовый припас вынимают, в год два раза сборы:
235 Только покажет свой лик Плеяда Тайгета прекрасный
Из-за земли, Океан ногой попирая с презреньем;
Также в срок, как она, убегая от Рыб водянистых,
Став грустна, с небес нисходит в зимние волны.

Если ж суровой зимы ты боишься, к грядущему зорек,
240 Если жалеешь ты душ подавленных и разоренья,
Чобром тогда надушить и воск удалить непотребный
Ты усомнишься ль? Затем, что нередко соты съедает
Ящерица; таракан от света бегущий гнездится,
Или на корме чужом сидящий шмель нерабочий,

- 245 Или же шершень лихой заберется, оружием сильнейший;
Шашалы,—мерзостный род,—иль еще ненавистный Минерве
Редкие сети свои паук в сенях поразвесит.
Чем обездолены больше они, тем с рвением большим
Восстановленье начнут развалин падшего рода,
250 Ходы заполнят опять и цветочные житницы слепят.

- Если же (ибо дала злоключения наши и пчелам
Жизнь) их тело начнет от горестной вянуть болезни,
Сможешь об этом узнать по вполне недвусмысленным знакам:
Сразу меняется цвет у больных; худобою ужасной
255 Обезображен их вид; тела лишившихся света
Вон из жилища несут, погребенья печальные правят.
Или к дверям прилепясь, на сцепленных лапках свисают,
Или бездействуют все, внутри в сокровенных покоях,
Голодом измождены, неподвижны,—так холод сковал их.
260 Более сильный тогда шум слышен, жужжат непрестанно.
Так по лесам иногда холодный Австр забормочет;
Так, отливая волной, шумит беспокойное море,
Или в закрытой печи огонь, разогревшись, бушует.
Прежде всего мой совет: закурить ароматы гальбана,
265 По тростникам проводить им мед, поощрять изнемогших
Пчел со своей стороны, маня их к пище знакомой.
В мед хорошо подмешать и тертых чернильных орехов,
Розовых листьев сухих, иль сгущенных на пламени сильном
Вин, иль псифийской лозы на солнце вяленых гроздьев,
270 Золототысячника пахучего с чобром Гимета.

- Есть между прочим в лугах цветов,—ему земледельцы
Дали название «амелл»,—легко находимая травка.
Лес превеликий она от единого корня подъемлет,
Цвет же ее золотой, но в листьях, разросшихся пышно
275 Вкруг, отливает слегка пурпурность темной фиалки.

- Часто цветами ее богов алтари украшают;
 Вкус ее терпок во рту; пастухи по скошенным долам
 Рвут ее, также вблизи теченья извиистой Меллы.
 В благоуханном вине ты вывари корень растенья
 280 И перед входами корни в наполненных выставь корзинах.
 Но если кто-нибудь вдруг весь род целиком потеряет,
 Ежели неоткуда и нового племени вывести,
 О достославном открытьи аркадского пастыря время
 Здесь изложить, как из порченой крови быков убиенных
 285 Пчелы рождались вдруг. Сейчас по порядку всю эту
 Я изъясню, повторив от начала самого, басню.
 Там, где блаженный народ Канопа Пеллейского возле
 Нила живет, что всё покрывает, разлившись, водою
 Так, где вокруг пашен своих разъезжают там в писаных лодках,
 290 И где соседство грозит колчаноносащего перса,
 Там, где черной землей удобряя зеленый Египет,
 На семь делясь рукавов, стремительно катится к морю
 Мощная эта река, от индов цветных истекая, —
 В способе том вся страна находит верное счастье.
- 295 Малое прежде всего—как раз для этого дела—
 Место берут, его ограничивают черепицей
 Низенькой кровли, стесняют стенами, в которых четыре
 Делают, с светом косым, на четыре ветра, окошка.
 Сделав теленка, чей рог уж на лбу двухлетнем загнулся,
 300 Ищут: противится он, но обе ноздри и дыханье
 Уст замыкают ему. Под ударами он издыхает.
 Кожа цела, но внутри загнивают отбитые части.
 Так оставляют его, заперев; под бока подстилают
 Всяких зеленых ветвей, и чобра и свежей лаванды.
 305 Делают это, едва зефир задвигает волны,
 Прежде чем луг запестрит окраскою новою, прежде
 Нежели к балке гнездо говорунья подвесит касатка.

- В жидком составе, меж тем, костей размягченных крепчает
 Жар, и вдруг существа,—их видеть одно удивленье!—
- 310 Ног сперва лишены, но вскоре шумя уж крылами,
 Кучей кишат, что ни миг, то больше воздух вбирая,
 И наконец, словно дождь, из летней пролившийся тучи,
 Вон вылетают, иль как с тетивы натянутой стрелы,
 В час, как завязывать бой легконогие станут парфяне.
- 315 Музы, кто ж из богов открыл нам это искусство?
 Происхожденьем отколь то новое знанье людское?

- Оный пастух Аристей, покинув Пенейскую Тэмпэ,
 Пчел,—как преданье гласит,—потеряв от голода с мором,
 Остановился в начале реки у священных истоков
- 320 В жалобах горьких и так к родимой своей обратился:
 «Мать! Кирена, о мать, царящая над глубиною
 Омутов этих! Почто от светлой крови бессмертных
 (Ежели, как говорят, Аполлон Тимбрейский отец мне)
 Року немилым меня зачала? Куда прогнала ты
- 325 К сыну любовь? И зачем уповать мне велела на небо?
 Жизни моей человеческой всю честь, которой едва лишь
 В изобретательной я о скоте заботе и хлебе,
 Всё испытаю, достиг—хоть матерью ты мне!—теряю...
 Что же, своей ты рукой деревья счастливые вырви,
- 330 В стойла враждебный огонь внеси, уничтожь урожай,
 Севы сожги, и двуострой на лозы обрушься секирой,
 Ежели тронута так моей ты несчастьем славы!

- Мать под ложем реки глубокой меж тем услышала
 Зов; вокруг же нее там пряли милетскую Нимфы
- 335 Пряжу, окраски густой стекольно-зеленого цвета.
 Дримо была там и Ксанфо, Лигейя была с Филодокой;
 Золото влажных волос спустили на белую шею;

- Также Незея и Спиро, Талля была, Кимодока,
 Также Кидиппа с Ликорией светловолосой, та—дева,
 340 Эта ж впервые тогда труды испытала Людины;
 Клио с сестрой Бэро́, океана дочери обе,
 Обе в золотых поясах и в шкурах раскрашенных обе.
 Также Эфира и Опис и Азия Деиопея,
 С резвой, свой наконец отложившей колчан, Аретузой.
- 345 Им Климена вела рассказ о напрасном Вулкана
 Тщаньи, о хитрых проделках и плутнях сладостных Марса,
 Частые страсти богов исчисляла, от Хаоса веков.
 Песню захвачены той, пока с веретен отвивают
 Мягкий урок, поражает вторично слух материнский
 350 Стоя Аристея, и все на своих сиденьях хрустальных
 Диву дались; но раньше других на сестер Аретуза
 Глянув, золотую главу подняла над поверхностью водной
 Издала: «О, не напрасно ты стольким испугана стоном!
 Сам, Кирена сестра, твоей всей жизни забота,
 355 Скорбный стоит Аристей над отцом—потокотом Пенсеем,
 Слезы горячие льет и тебя называет жестокой!»
 Мать, чье сердце сразил страх новый, к ней обратившись:
 «К нам приведи же его, приведи, он может касаться
 Божьих порогов!» — рекла; и велит расступиться широко
 360 Волнам, чтоб юноша мог меж ними пройти; изогнувшись
 В виде горы, вокруг него недвижно воды восстали,
 Приняли в лоно свое и под реку его проводили.

- Матери дому дивясь, любясь на влажное царство,
 Скрытые сводом пещер озера, на гулкие роши,
 365 Шел он; и поражен воды премногим движеньем
 Все, под великой землей текущие, видел он реки,
 Местностей разных; меж них он видел и Фазис и Ликос,
 Видел источник, отколь Энипей стремится глубокий,

И в громахании скал Гипанис с Каиком Мизийским
370 Также отец Тиберин; он и Анно видел течение,
И Эридан, чьи рога на бычьей личине сияют
Златом, — река ни одна, через области пышных возделок
С силой такой не течет, устремляясь к пурпурному морю.

После того, как взошел он под свод свисавшего пемзой
375 Терема, сына едва услышала Кирена напрасный
Плач, прозрачной воды ключевой друг за другом подносят
Сестры для рук, и дают полотенца с обрезанной шерстью;
Снедью иные столы отягчают и полные ставят
Чаши, и жертвенники огнем Панхейским дымятся.
380 Мать сказала: «Возьми вина Меотийского кубок,
И возлиянье свершим Океану!» Потом помолилась
И Океану отцу всех вещей, и Нимфам — сестрицам,
Сто хранящим лесов и сто потоков хранящим.
Трижды нектар прозрачный на жаркое вылила пламя, —
385 Трижды, взметнувшись, огонь просверкал до самого свода.
Знаменем этим свой дух укрепив, она приступила:

«Есть в Карнафской пучине один прорицатель Нептуна:
То — лазурный Протей; на двуногих конях, в колеснице,
Или на рыбах несясь, он великое меряет море.
390 Ныне он прибыл опять в эматийские гавани, снова
В отчей Паллене живет. Мы, нимфы, его почитаем,
Даже сам старец Нерей. Ведь знает всё прорицатель,
Всё, что есть и что было, и всё, что имеет случиться.
Так же глядит на него и Нептун сам, чей под пучиной
395 Неисчислимый он скот пасет и противных тюленей.
Путами, сын мой, сперва его ты свяжи, чтоб болезни
Он всю причину раскрыл и благому помог бы исходу.
А без насилья не даст никаких наставлений; мольбою
Ты не преклонишь его: применяй же силу и путы

- 400 К пленнику: тщетные все его сокрушатся лукавства.
Я же сама, лишь зажжет свой зной полуденный солнце,
В час, когда жаждет трава и тень скотине милее,
В тайный приют старика тебя приведу, где усталый,
Выйдя из волн, он лежит,—чтоб легко ты схватил его спящим.
- 405 Но как его ты держать руками и путами будешь,
Станет выскальзывать он под обличьем разных животных.
Будет кабаном щетинистым он, и тигром свирепым,
Львицею с желтым хребтом, чешуей покрытым драконом.
Будет шипеть как огонь, пронзительно, и вырываться
- 410 Этим путем из оков, уходить, в струе растворившись.
Но чем он будет сильней превращаться в разные виды,
Тем ты, сын мой, сильней затягивай цепкие путы,
Вплоть до того, как, меняясь, таким вновь станет, каким он
Раньше был виден тобой, перед сном закрывающий очи».
- 415 Молвила и пролила благовонье амбросии жидкой,
Ею сыну она надушила все тело, и стало
Запахом сладостным веять с его расчесанных кудрей.
Силен и ловок он стал... Огромное озеро сбоку
Есть в отверстьи горы, и влаги множество ветром
- 420 Собрано там и делясь образует два встречных загиба,—
В бурю была морякам там прежде вернейшая пристань.
Там-то и скрылся Протей, в глубине под огромной скалою:
Юношу там в полумрак в глубину потаенную нимфа
Ставит, сама ж вдалеке остается, облаком скрыта.
- 425 Сириус знойный уже, сжигая жаждущих индов,
В небе пылал, и пути половину исполнило солнце
Жгучее; вяла трава и до ила безводные реки,
Разгорячась под лучами, кипели, и сохли истоки.
В это-то время Протей из волн к пещере привычной
- 430 Шел, и влажный народ обширного моря в восторге
Прыгал, широко вокруг соленой брызгаясь влагой.
На берегу разбрелась, для сна простерлись тюлени;

Сам же, — как часто пастух, в горах охраняющий хлевы,
Только лишь Веспер коров пригонит с пастбища к дому,
435 И привлекают волков раздающимся бляньем овцы, —
Он между ними сидит на скале и число проверяет.
Только его одолеть Аристей почуял возможность,
Только лишь дал старику простереть утомленные члены,
С громким бросается криком и вот заключает в оковы
440 Спящего. Тот, своего не забыв однако искусства,
Преобращает себя в различные дивные вещи,
В пламя, в ужасного зверя и в быстро текущую реку.
Но, так как бегству обман никакой не помог, — побежденный
Стал вновь собой он и речь устами ведя человека:
445 «Кто разрешил, из юношей всех дерзновеннейший, к нашим
Домам тебе подойти?» — сказал. — «Что нужно?» Пастух же:
«Знаешь, сам знаешь, Протей! тебя ведь никто не обманет.
Только и ты перестань. Согласно богов повеленью
Я спросить пришел оракула в горе постигшем!»
450 Так он сказал. И пророк, наконец, в великую силой
Стал очами вращать, горящими светом лазурным,
Скрежет ужасный издал и уста разверз прорицая:
«Видно некого ты божества преследуем гневом.
Важное ты искупаешь: тебе Орфей несчастливец
455 Не по заслугам насрал, — противятся этому судьбы! —
Беды; разгневан же он жестоко жены похищеньем.
Ибо, пока от тебя убегала, чтоб кинуться в реку,
Женщина эта, на смерть обреченная, не увидала
В травах огромной, у ног, змеи, охраняющей берег.
460 Хоры же сверстниц Дриад наполнили криком вершины
Гор и восплакали тут слезами твердыни Родопы,
Кручи Пангейских высот с воинственной областью Реза,
Также и геты и Гебр и Орифия с ними актейка.
Сам же несчастный, в любви утешаясь пустой черепахой,
465 Пел, о отрада-жена, тебя у волны, одинокий,

Пел при рождении дня и пел при его захожденьи.
 В Тэнар ущелистый он, в преддверье глубокое Дита,
 В рошу ту он проник, омраченную темною жутью,
 К манам самим подошел и к царю, наводящему трепет,
 470 К жестким сердцам, что от просьб людских не умеют смягчаться.
 Тронуты пением тем, из глубоких покоев Эреба
 Тени бесплотные шли, и призраки света лишенных,
 Словно тысячи птиц, что в листве скрываются, если
 Веспер сгонит их с гор иль зимний ливень грозовой.
 475 Матери шли и мужи, и ряд разобщившихся с жизнью
 Великодушных героев; шли отроки, чистые девы,
 Юноши, коих костер перед взором родителей принял;
 Все, кто черною тиной кругом, тростниками Коцита
 Гнусными, или болот отвратительной влагой стоячей
 480 Связаны, тех, кто пленен девятью поворотами Стикса.

Более, — поражены и чертоги и Тартар глубинный
 Смерти, и с кольцами змей синеватых меж влас Эвмениды;
 Пасть тройную свою удержал, раскрыв-было, Цербер,
 И колесо Иксиона вдруг стало, волею ветра.
 485 Вот, уж выбравшись вон, он всех избег злоключений.
 Возвращена, уже шла Эвридика на воздух надземный,
 Следуя сзади (такой дала им приказ Прозерпина).
 Только любовником вдруг овладело внезапно безумье, —
 Можно б его и простить, коль прощать умели бы маны! —
 490 Остановился, и вот Эвридику, у самого света,
 Он, позабывшись, увы! побежденный желаньем, окинул
 Взором, и рушился труд и условие тирана разбито
 Было, три раза гром из глубин раздался Аверна.
 Та: «Кто сгубил и тебя и меня несчастную?» — молвит —
 495 «Чей столь яростен гнев? Жестокие судьбы обратно
 Вновь призывают, и сон закрывает смутные очи.
 Ныне прощай! уношусь безмерной окутана ночью,

Слабые руки, увы!, к тебе, — не твоя, — простирая»...
Только сказала и вдруг из глаз, как дым, растворенный
500 В воздухе тонком, бежит, отвернувшись внезапно, и друга,
Тщетно хватавшего тени, желавшего многое молвить
Ей, уж боле с тех пор не видала, и лодочник Орка
Не допустил, чтобы вновь через озеро он переехал.
Что было делать? Как быть, коль отнята дважды супруга?
505 Маны он плачем каким, божества что за голосом тронет?
Та, между тем, холодна, уж в стигийской ладье уплывала...

Он, как ходит рассказ, под ряд семь месяцев целых
Плакал, под сводом пещер прохладных, о том повествуя;
Песнями тигров смягчал и с мест дубы сдвигал он.
510 Так Филомела, одна, в тени тополевой тоскуя,
Стонет утратив птенцов, которых жестоко селянин
Зоркий извлек из гнезда, — еще бесперых; она же
Плачет в ночи, и в ветвях свою несчастливую песню
Вновь повторяет, и вокруг все скорбною жалобой полнит.
515 Не преклонился душой ни к Венере он, ни к Гименею.
В гиперборейских он льдах, на снежном — один — Танаисе
И на полях, никогда не чуждых стужи Рифейской,
Странствовал он, Эвридику оплакивал, — Дита напрасный
Дар! Презренные тем обетом, жены Киконов
520 Между божественных жертв и оргий Вакха ночного,
Юношу там, растерзав, по полям раскидали широко.
И между тем как главу, разлученную с мраморной шеей,
Посередине пучин, вращая, Гебр Озагров
Мчал, Эвридику еще сам голос и рот охладельй,
525 Ах! Эвридику несчастную звали, с душой расставаясь,
И разносили берега по теченью всему: «Эвридика!»

Так промолвил Протей и нырнул в глубокое море,
Где же нырнул, закрутилась над теменем пенная влага.

Что ж до Кирены, она к уstraшенному так обратилась:
530 «Сын мой, теперь отложить печальные можно заботы!
Вот вся причина болезни; затем-то злосчастную нимфу, —
С коими хоры она водила в дремучих дубравах, —
Пчелам послали погибель твоим. Дары и моления,
Мира прося, принеси и почти. Напей незлобивых, —
535 Ибо услышат они и простят, и гнев их утихнет.
Как же их надо молить, сначала скажу по порядку.
Самых четыре быка роскошнейших, телом отменных, —
Тех, что в стадах у тебя, наверху, на зеленом Ликее, —
Выбери, столько ж телиц с еще не тронутой выей.
540 Возле высоких святилищ богинь алтаря ты четыре
Установи и из горл истечь дай крови священной.
Самые ж туши быков расsey по дубраве тенистой.
После, когда свой восход заря девятая явит,
Маков летейских снесешь погребальным ты даром Орфею,
545 Черную также овцу умертвишь и вернешься в дубраву
И, Эвридику почтив, ей в честь заколешь телицу...»

Он не помедлил, тотчас исполнил приказ материнский.
К месту святилищ идет; алтари, как велела возводит;
Самых четыре быка роскошнейших, телом отменных,
550 Вывел и столько ж телиц с еще нетронутой выей.
После, когда уж зари девятой восход совершился,
Дар погребальный Орфею послал и в дубраву вернулся.
Тут (нельзя и изречь такого неожиданного чуда!)
Видит: из бычьих утроб прогнивших, из каждого брюха
555 Пчелы жужжат и кипят ключом из поломанных ребер,
Тучей огромной влачась, и уже на вершине древесной
Роем стеклись и, как кисть, свисают с лозы виноградной.

Эти стихи я пропел про уход за землей и скотиной
И деревьями, — меж тем великий Цезарь войною

560 Дальний разит Евфрат и народам охотно-покорным,
Как победитель, дает законы, путь правя к Олимпу.
Сладкою в те времена был я — Вергилий — питаем
Партенопеей и цвел, обучаясь на скромном досуге.
Песней пастушьей себя забавлял и, юностью смелый,
565 Титира пел я в тени широковетвистого бука.

ПРИМЕЧАНИЯ

БУКОЛИКИ

ЭКЛОГА ПЕРВАЯ

Ст. 6 Прямое обожествление Августа в устах поэта не должно казаться нам грубой лестью и только. Юлий Цезарь и Август были официально обожествлены и имели своих жрецов. Правда, Август разрешил строить себе храмы только в провинциальных областях.

13 При выселении с мест бывших владельцев, их не лишали движимого имущества. Конфискации в пользу ветеранов не носили характера борьбы с каким-нибудь определенным классом населения и не составляли меру карающую. Тем не менее, бывшие владельцы, видимо, крайне тяжело переживали конфискацию: она была почти равносильна разорению, так как обещанные компенсации могли оставаться и нередко оставались на словах.

20 Вероятно, Вергилий понимает Мантую, свой родной край. Ср. знаменитую эпитафию на Вергилия:

Мантуей был я рожден, Калабрией отнят. Приют мой —
Партенопея; я пел пастбища, нивы, вождей.

26 Под Свободой следует разуместь ее олицетворение, богиню Либертас.

29 сл. Галатея — первая возлюбленная Титира. При ней ему не удалось выкупиться. Он смог добыть себе волю лишь соединившись с более расчетливой Аммариллидой. Рабы нередко делались вольноотпущенниками, сохраняя в хозяйстве своего бывшего господина те же обязанности в качестве наемных рабочих.

45 Прямой намек на удовлетворение Августом прошения Вергилия.

46 — 48 Вергилий не преминул указать на недостатки своего земельного участка. Области около Мантуи сильно изменились с древних времен. Исчезло много лесов, но болотистость была и остается до сих пор характерной чертой этих мест.

54 Гиблейские — от города Гиблы в Сицилии, на Этне, местности, знаменитой медом.

62 Арар — река Сона во Франции.

65 Окса или Окс — идентификация затруднительна; может быть, Аму-Дарья.

Э К Л О Г А В Т О Р А Я

Ст. 1 О личном мотиве эклоги ср. вступительную статью.

11 Мы видим Тестилиду, вероятно, работницу при хозяйстве, за изготовлением самого обычного кушанья сельских рабочих, т. наз. *porgetum*.

24 Амфион — сын Юпитера и Антиопы, мифический певец, воздвигший стены Фив звуками своей лиры.

Диркэ — источник около Фив.

Аракинф — гора на границе Фессалии и Аттики. Эпитет его «Актейский» (*Actaeus*) от греческого *ἀκτῆ* — побережье.

26 Дафнис — имя этого пастуха, как и других, участвующих в *Буколиках*, заимствовано у Феокрита.

47 *сл.* Обозначение цветочных пород не всегда можно передать точно. С одной стороны, комментаторы не всегда могут установить, какое именно растение разумеет поэт, с другой — если даже ясен ботанический вид — русская терминология оказывается несостоятельной. В подобных случаях я предпочитал сохранять латинское название, чем обозначать чуждый нашей флоре цветок какой-нибудь «куриной слепотой» или «Иван-да-Марьей».

61 Знаменитый Парис, похититель Елены Спартанской, дарданец — от имени родоначальника троянских царей Дардана, от которого и страна именовалась Дарданией.

66 — 67 Возвращение мотива вечера (ср. эклога I, 82 — 83) заставило предположить, что час перед закатом был любимым временем дня созерцательно настроенного Вергилия.

Э К Л О Г А Т Р Е Т Ь Я

Ст. 1 сл. Оживленный, не лишенный лукавства — грубоватого — диалог между пастухами эклоги III — одно из наиболее живых мест в *Буколиках*, свидетельствующих, что Вергилий вовсе не чуждался бытовой характерности.

37 Имя Алкимедонт неизвестно ни в мифологии, ни в истории материальной культуры. Вероятно, оно вымышлено поэтом.

40 — 41 Конон — знаменитый астроном с острова Самоса (III в. до н. э.). Другой — повидимому, астроном Эвдокс Книдский (IV в. до н. э.). Следующие стихи намекают на содержание их астрономических и метеорологических наблюдений.

46 Орфей — мифический певец, уроженец Фессалии, сын Каллиопы и речного бога Эвфра. Миф об Орфее и Эвридике общеизвестен (ср. конец IV книги *Геортик*).

82 То есть листва земляничного дерева.

84 сл. Три лестные упоминания о Поллионе — свидетели зависимости поэта в этот период жизни от покровительства этого крупного политика.

85 См. вступит. статью. Пиэриды — прозвище муз. Пиэрия — местность у подножия Олимпа.

90 Бавий и Мевий — два плохих поэта ретроградного поэтического направления. Намеки на Поллиона и на современных поэтов показывают всю условность «буколического» жанра и установку на литературно-образованного читателя.

103 Вера в дурной глаз была весьма распространена в античном мире. Она дожила и до нашего времени, в формах едва ли далеких от античности, у суеверного земледельческого населения южной Италии.

104 сл. Загадки в народном духе, явно не имеющие разгадок.

ЭКЛОГА ЧЕТВЕРТАЯ

Ст. 1 Вергилий сам указывает на намеренное несоответствие своей темы с буколическим жанром. Стихи откровенно ориентируются на читателя высшего круга (ср. ст. 3). Эпитет «сицилийские» намекает на Феокрита.

4 Кумская сивилла почиталась первой среди других жриц-прорицательниц. Кумы — город в Кампании, на берегу моря.

5—6 Римляне представляли себе, что мировая жизнь разделяется на громадные периоды, подобные десяти месяцам года. Каждый период покровительствуется каким-либо божеством. Смерть Юлия Цезаря почитали концом девятого круга; шел круг Аполлона, и ожидали снова возвращения первоначального Сатурнова царства. Оно должно было вернуть человечеству благополучие Золотого века. Это распространенное построение было этрусского происхождения, но с ним приблизительно совпадали и Книги Сивилл, и мыслители академической и стоической школ философии.

Дева — Дикэ, дочь Юпитера. При смене Золотого века Железным покинула землю и превратилась в созвездие.

10 Людина — наименование Юноны или иногда Дианы. В этой ипостаси богиня покровительствовала родильницам и воспитанию маленьких детей. Аполлон был покровителем последнего, в то время протекавшего, десятого круга. О личности младенца, которому посвящена вся эклога, см. вступит. статью.

32 Фетида (здесь вместо «моря») — богиня моря.

34 Тифис — кормчий корабля Арго, на котором герои, предводимые Ясоном, плыли в Колхиду за золотым руном.

37 сл. Суть представления о Золотом веке состояла в мысли об освобождении людей от труда, перестающего быть необходимым среди всё доброхотно дающей природы.

50 То есть пришедший в содрогание всем своим объемом, включая и выпуклый небесный свод.

56 Лин — сын Аполлона и музы Терпсихоры, мифический певец.

58 То есть даже перед судом аркадийцев, чьим местным богом был Пан

Э К Л О Г А П Я Т А Я

Ст. 11 Имя Кодра встречается в *Буколиках* неоднократно (ср. VII—22, 26). Может быть, в нем нужно видеть лицо историческое, какого-нибудь поэта-современника, потерянного для потомства.

20 сл. Хотя эклога V выдержана в пастушечьем характере, толкователи не без основания предполагают, что под Дафнисом следует разуметь Юлия Цезаря. Тогда вся эклога примет политический характер и окажется в прямой связи с политикой триумвиров по отношению к памяти Цезаря. Во всяком случае, если эта теория и основательна, то поэт все же придал Цезарю черты юноши-земледельца, и все благодеяния, которые ему приписывал, ограничил сферой сельского труда. Однако стихи 56 сл., как будто недвусмысленно намекают на Цезаря и на факт его причисления к богам.

29 Тигры были впряжены в колесницу самого Вакха, когда он совершал свой поход из Индии. Армянских — вообще в смысле «восточных».

31 Тирсы — принадлежность спутников Вакха — представляли собою длинные палки с шишкой на конце и обвитые зеленью.

35 Палес — италийская богиня, покровительница стад и пастухов.

59 Дриады — нимфы деревьев.

71 Арэусия — возвышенность на острове Хиосе, прославленном вином.

82 Австр — южный ветер.

Э К Л О Г А Ш Е С Т Я Я

Ст. 1—4 Вергилий сообщает о своем возврате от эпической поэзии к поэзии буколической.

1 Сиракузы — главный город Сицилии в древности. Намек на Феокрита.

2 Талия — одна из девяти муз, покровительствовавшая идиллической поэзии.

3 Кинтий — прозвище Аполлона, от горы Кинтос на острове Делосе. Там находились Аполлоновы святилища.

7 Вар — проконсул Цизальпинской Галлии. См. вступит. статью.

14 Силен — вечно пьяный старик, воспитатель Вакха, наделяемый даром прорицания.

17 Канфар — сосуд для питья вина, о двух ручках на низкой ножке.

30 Исмар и Родопа — горы во Фракии. Орфей удалился туда после того, как вторично утратил Эвридику.

31 *с.* Космогония, вложенная поэтом в уста Силену, развивает идеи эпикурейской философии, которую Вергилий изучал под руководством Сирона вместе с Корнелием Галлом (см. ниже).

35 Нерей — сын Океана и Геи, богини земли, одно из главных морских божеств.

41 Пирра — жена Девкалиона, сына Прометея. Миф о них имеет много общего с библейским сказанием о потопе. Прибыв в своем ковчеге в Офрис, Девкалион стал бросать назад через плечо камни, из них же возникло новое человечество.

42 Прометей, по известному мифу, похитил у Зевса огонь. Кавказские птицы (множественное число ради поэтической торжественности) — орел или коршун, клевавший печень наказанного Зевсом титана.

43 Гил или Гилас — возлюбленный Геракла, похищенный нимфами во время добывания воды (из мифа об аргонавтах).

45 Пасифая — супруга Критского царя Миноса. Имела любовную связь с быком, от которого родила полубыка-получеловека Минотавра.

48 Пройтиды — дочери Пройта, брата царя Аргосского Акризия. Юнона послала на них безумие; они воображали себя коровами.

56 Диктейские — от горы Диктэ на Крите.

60 Гортинские — от города Гортины на Крите.

61 Намек на Аталанту — скиросскую царевну. Она состязалась в конном ристании с теми, кто просил ее руки, и умерщвляла побежденных. Она была побеждена хитростью Гипомены, получившей через Венеру три золотых яблока из Гесперидовых садов и бросившей их по пути следования колесницы Аталанты, которая соблазнилась ими и задержалась в бегах, чтоб их подобрать. Ср. ниже миф о Пелопсе и Гиподамии.

63 Фэртонтнады — дочери Фэртопта — Солнца. Превратились в деревья от тоски по погибшем брате Фэртонте, не смогшем удержать отцовских коней и упавшем с неба.

64 Корнелий Галл — неизвестный в свое время эллинистический поэт с трагической судьбой, произведения которого целиком погибли. В период создания данной эклоги Галл был помощником Алфена Вара в Цизальпинской Галлии как раз по конфискации и распределению земель. Таким образом Вергилий вставляет любезное, даже льстивое упоминание о Галле в то же стихотворение, где заискивает и у Вара, заботясь о сохранении своей земли.

Пермес — река в Беотии, истоки которой на Геликоне. Муз нередко называют «Пермесские девы».

65 Аонийские горы — в Беотии. Среди них находился Геликон.

67 Лин — см. эклогу IV, 56.

70 Аскрейский старец — Гезиод, знаменитый греческий поэт, автор «Трудов и дней», родом из Аскры (IX в. до н. э.).

72 Гринейская роща была посвящена Аполлону и находилась на Малоазийском берегу.

74 Скилла — дочь Форкиса, а не Ниса (у Вергилия, видимо, обе личности перепутались), обращенная из ревности Киркеей в чудовище.

76 Дулихийские — от острова Дулихия, находившегося под властью Одиссея. Речь идет об одиссеевых судах.

78 сл. Миф о Терее. Оскорбив невестку свою Филомелу, он был обращен в удода, а она — в соловья.

83 Эврот — река в Лаконии.

ЭКЛОГА СЕДЬМАЯ

Ст. 13 Минкий — река северной Италии, протекающая по Мантуанской области (ныне Минчо). Между тем, действие происходит в греческой области Аркадии (ст. 4). Ср. вступит. статью.

21 Нимфы Либетриды — музы. На Геликоне была пещера, им посвященная, где протекали ручьи, из которых они черпали вдохновение; отсюда их наименование нимфами.

22 Кодр — ср. эклога V, 11.

25—28 Чрезмерная похвала могла навлечь гнев богов. Наперстянка (или колокольчик? — *bassag*) имела, по верованиям римлян, способность отвращать волшебство.

29 Делийка или Делия — Артемида-Диана.

34 Приап — бог плодородия, охранитель садов. Его изображение, часто грубой топорной работы, ставилось в садах. Пастухи, конечно, только хвастаются, что поставят божествам статуи из мрамора и даже золота. Было бы ошибкой в этом видеть какую-нибудь характеристику их имущественного положения. Повидимому, действующие лица этой эклоги, поскольку мы можем считать их за реальных мантуанских пастухов под аркадской личиной, являются не рабами и не наемными пастухами. Но если даже скот принадлежит и им самим, то все же они — представители бедного сельского населения (о классе *pauperesuli* см. вступит. статью). Они сами пасут свои стада.

41 Сардонийских — сардинских. На острове Сардинии произросло особое горькое растение из семейства *Respiculaceae*, ядовитое, вызывавшее судороги рта, напоминавшие смех. Отсюда выражение «сардонический смех», т. е. желчный, горький.

58 Либер — одно из наименований Вакха.

60 Имеется в виду Юпитер-Плювий (Дождевой) — оплодотворитель земли. Подобные эпитеты, присоединяемые к имени божества, указывали на какую-нибудь его определенную функцию, иногда порождавшую новую его личность.

61 Алкид — Геракл, происходивший от Алкея.

ЭКЛОГА ВОСЬМАЯ

Ст. 5 Тимав — река в Истрии, впадающая в Адриатическое море.

6 Илирийское море — Адриатика. Имеется в виду возвращение Поллона и его армии после победы над Парфенитами, народом Балкан-

ского полуострова. Повидимому, войско шло берегом, а Поллион плыл на корабле вдоль Иллирийского берега.

10 Прямое указание на поэтические опыты самого Поллиона.

16 Люцифер-«светоносец» — наименование утренней звезды (Венера).

21 Менах — гора в Аркадии.

29—30 Намеки на свадебные обряды римлян.

29 Геспер или Веспер — вечерняя звезда (та же Венера).

Эта — гора в Фессалии.

43 Тмар — гора в Эпире.

Гараманты — африканский народ, обитавший по представлению древних на конце света.

54 Арион — поэт с острова Лесбоса (VII в. до н. э.). По преданию, был спасен от смерти дельфинами, очарованными его лирой.

63 сл. Интересный образец античного заклинания.

68 Кирка, Киркея или Цирцея — волшебница, превратившая спутников Одиссея (Улисса) в свиней.

87 Понт — царство Митридата. В данном месте обозначает Колхиду (Кавказ), родину знаменитой волшебницы Медеи.

Э К Л О Г А Д Е В Я Т А Я

Ст. 2 Намек на надел ветеранов землей. См. вступит. статью.

6 Изгоняемый со своего участка Мерид должен отдать и коз своих ветерану, получившему в надел его землю. Это не совпадает с эклогой I, где Мелибей уходит со своего участка, угоняя своих коз. Вероятно, мы имеем дело с разными оттенками возникших в сельской жизни взаимоотношений.

10 Под Меналком Вергилий понимает себя, которому его поэтическая деятельность помогла отстоять его владения. В момент написания эклоги IX поэт снова подвергался опасности быть изгнанным при новом наделе, учиненном Алфеном Варом и Корнелием Галлом (ср. эклога VII). Отношения его с соседями-ветеранами так обострились, что один из них намеревался даже убить Вергилия, и поэт должен был бежать в Рим.

27 сл. Прямые указания на политическое положение в крае. Область вокруг города Кремоны, близ Мантуи, была целиком поделена между ветеранами. Но земли не доставало, и пришлось захватить соседние Мантуанские области. Эти стихи являются откровенным заискиванием перед Алфеном Варом.

30 Кирнейских — корсиканских, от греческого названия острова *Κύρνος*. Указание на ядовитость тисов.

35 Варий и Цинна — видные поэты эпохи, произведения которых до нас не дошли.

47 Диона — мать Афродиты-Венеры, как бабка родоначальника рода Юлиев, Юла, могла почитаться и матерью Цезаря. Иногда Диона — наименование самой Венеры.

54 Дурная примета.

59 Бианор — местный мантуанский герой.

Э К Л О Г А Д Е С Я Т А Я

Ст. 1 Аретуса — сиракузская нимфа. Намек на Феокрита.

2 Корнелий Галл.

4 Сиканская волна — пролив между Сицилией и Италией.

9 Наяды — нимфы вод.

11 Пинд — гора, посвященная Аполлону и музам, на границе Фессалии и Эпира.

12 Аганиппа — водная нимфа.

15 Ликей — гора в Аркадии.

18 Адонис — пастух, которого полюбила сама Афродита, за что он и заплатил гибелью.

20 Он только что возился с жолудями, заготовленными на зиму.

24 Сильван — лесное божество.

50 Халкидическим стихом — намек на Эвфориона Халкидского, поэта и библиотекаря царя Антиоха Великого.

57 Парфений — гора на границе Аркадии и Арголиты.

60 Кидония — город на Крите.

65 Гебра — река во Фракии.

ГЕОРГИКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Ст. 8 Хаония — местность в Эпире, славившаяся дубовыми лесами.

9 Ахелой — река на границе греческих областей Этолии и Акарнании. Этолийцы считали себя основателями виноградарства.

«Замешать» — указание на то, что древние греки пили вино смешанным с водою.

12—14 Нептун — италийское божество, слившееся в религиозном представлении с греческим Посейдоном, который почитался создателем коня. Ср. известный миф о споре Посейдона и Афины из-за обладания городом Афинами. Посейдон ударом трезубца создал коня, Афина — маслину.

Морской прибой вызывал в античном человеке представление о несущихся конях.

14 — 15 Намек на Аристея — сына Аполлона, занимавшегося разведением скота, маслин и винограда.

Кей — остров в Архипелаге.

18 Тегей — город в Аркадии, с культом Аполлона и Пана.

19 См. прим. к ст. ст. 12—14.

24 *сл.* Воззвание к обожествленному Августу (Цезарь Октавиан).

28 Мирт был посвящен Венере, почитавшейся родоначальницей дома Юлиев.

30 Крайняя Фула — *ultima Thule* — крайняя северная оконечность мира в представлении древних. Какая ими разумеалась земля, точно не установлено.

31 Намек на обычные в мифах браки обожествленных смертных (в данном случае Август) и бессмертных.

33 Созвездия: Эригона — Дева; Клешии Скорпиона — то же, что Весы.

36—37 Нельзя предположить, чтоб Август мог сделаться мрачным божеством подземного царства.

38—39 Прозерпина (греч. Персефона), супруга Плутона (греч. Анда), выходила раз в год на землю по зову матери своей — Цереры (греч. Деметры).

42 На этом стихе кончается программа сочинения и призывание богов-покровителей.

43—44 Таяние снегов на Альпах.

47—48 Предписания древних о числе вспашек в году не совпадают. Здесь разумеется четыре вспашки: осенью, зимой, весной и еще раз осенью перед посевом. Обычно римские земледельцы ограничивались тремя вспашками.

50 Неизвестную в отношении всех ее производительных свойств.

56 Вергилий развивает мысль о спецификации земледелия по местностям.

Тмол — гора в Индии (Малая Азия).

57 Сабен — аравийское племя.

58 Халибы — племя в Закавказьи, знаменитые кузнецы, почему и эпитет «голый».

«Бобровая струя» — известное медицинское средство, применяемое как противосудорожное.

59 Понт — область, занимавшая малоазийское побережье Черного моря, царство Митридата «Понтийского».

«Кобыл элидских победы»: Эпир славился своими лошадьми, которые выходили победительницами на конских ристаниях в Элиде, где находился город Олимпия. Древние считали кобыл резвее жеребцов.

66 Ср. ст. 48.

67 Арктур — звезда в хвосте Большой Медведицы; восхождение ее — в конце сентября.

71 *сл.* Вергилий рекомендует или держать землю год под паром, или пользоваться всегда более выгодной двухпольной системой, соответственно чередуя сорт растений.

75 Известное, особенно на Западе, кормовое растение лупин образует чрезвычайно пышную и высокую ниву.

78 Мак — цветок сна и смерти.

Лета — река забвения.

81 «Грязная» зола — образовавшаяся от пережигания навоза. Минеральных удобрений античное земледелие еще не применяло.

85 Поджигание жнивья, которое древними оставлялось более высоким, чем оставляют у нас, сводилось к тому же удобрению поля золой.

87 *сл.* Домыслы Вергилия, а следовательно, и вообще античных агрономов нередко бывали фантастичны. Отсутствие последовательного опыта, химических и физических точных наблюдений приводили к построению подобных теорий.

98 При вспашке обычным латинским плугом поле обходили не по кругу, а вдоль и обратно. Между бороздами оставались не пропаханные

промежутки, которые нужно было разрыхлять вторичной пропашкой, при наклонном положении плуга. Во всяком случае, в этом месте не следует усматривать описания процесса вторичной перпендикулярной вспашки поля.

102 Мизия — область в Малой Азии.

103 Горгара — вершина горного хребта Иды в Малой Азии.

120 Стримон — река во Фракии и Македонии.

Журавли губили поля во время перелета на юг.

121 Отец — Юпитер.

125 *сл.* Вергилий описывает переход от Золотого века к царству Юпитера. Древние представляли себе, что в Золотом веке не было частной собственности.

148 В подлиннике, собственно, плод земляничного дерева, по виду похожий на землянику, съедобный, но не очень вкусный. Иные думают однако, что здесь разумеется обыкновенная земляника.

149 Додона — город в Эпире с дубовыми рощами. Там был знаменитый оракул Зевса (Юпитера), черпавший прорицания из шелеста священных дубов.

153 Лаппа — растение точно не определенное. Я сохранял в переводе латинское (не ботаническое) название растений, для которых не удавалось найти сколько-нибудь точного русского обозначения.

163 Элевсинская мать — Деметра - Церера, культ которой процветал в Элевсине.

164 «Трибулы» и «трахен» подлинника — два разных рода приспособлений для молотбы. Первые были снабжены колесами и представляли собою нечто вроде бороны, зубья которой выбивали зерна из колосьев. Трибулы — близкого к этому устройства — употреблялись и карфагенянами. Трахеня была без колес. Ее пускали после трибул, чтобы завершить обмолачивание. У римлян существовала и молотба конскими копытами, так же, как у египтян, греков и евреев.

165 Келей — мифическая личность. Ему Церера передала умение всякую утварь плести из прутьев.

166 Деревянных, в подлиннике: «сделанных из земляничного дерева». Веяло названо «мистическим» потому, что веяло носили, как символ очищения, на вакхических шествиях во время Элевсинских мистерий.

169 *сл.* Следует описание античного плуга. Орудие, описанное Вергилием — усовершенствованного типа, так как первоначальные латинские плуги были менее дифференцированы в своих частях и, собственно говоря, представляли собою один сплошной кусок гнутого дерева.

172 «Ушки» служили для откидывания в стороны поднимаемой сошником земли. Что разумел Вергилий под «двойным тылом» (*duplice tergo*), точно не выяснено.

193 *сл.* Следует описание подготовки семян к севу. Интересно, какое громадное значение придает Вергилий ежегодному отбору семян.

207 Абидосский пролив— у Мраморного моря. К этому проливу приурочен миф о Гере и Леандре.

215 Мидийка— людерна, происхождением из Мидии.

221—222 То есть глубокой осенью.

224 Несогласной, то есть еще не достаточно обработанной, чтоб дать свое согласие на посев.

225 То есть раньше, чем нужно.

228 Пелуза— город в Египте, который считался производителем наилучшей чечевицы.

230 Для чечевицы тоже рекомендовался поздний осенний сев.

231 *сл.* Следует изложение представления древних географов о делении неба на зоны, которым соответствуют зоны земли.

240 Скифия— вместо северных областей вообще.

Рифейские горы— собирательно, все горы Европы.

241 Либийские Австры— южные ветры, дующие из Ливии (Северная Африка).

242—243 Два полюса, из которых северный виден нам, а южный— теням умерших под их ногами, то есть его видят над головой наши антиподы, так как Тартар помещается посредине земли.

Стикс— река подземного царства.

245—246 Аркты, то есть Большая и Малая Медведицы, никогда не касаются линии горизонта.

265 Америкские— от названия умбрийского горного городка Америя (теперь— Амелия).

275 Тесаный камень для жернова. У итальянских крестьян были домашние мельницы— *molae*. Мололи руками. Для более крупных мельниц применяли ослов и лошадей. Иногда вместо осла впрягался наказуемый раб. Нижний жернов был конический, обделанный у оконечности металлом. Верхний— с конической пустотой.

276 *сл.* Вергилий подтверждает народное суеверие о неблагоприятности иных дней, как, например, «пятого» дня после новолуния. Это непосредственно приводит его к отступлению о гигантах.

278 Пятый день после новолуния связывается с Орком, загробным царством, и Эвменидами, богинями мщения.

279 Кей и Япет— титаны, сыны Земли-Геи.

Тифон, он же Тифой— стоголовое чудовище, порожденное Тартаром. Следующие стихи говорят о гигантомахии, то есть борьбе титанов и олимпийцев.

281 *сл.* Пеллон и Осса— горы Фессалии, которые титаны громоздили одну на другую, чтоб взобраться на Олимп.

284 Вергилий переходит к дням благоприятным.

286 Девятый день— полнолуние. Ночью светло, и раб, пожелавший расстаться со своим тяжким житьем у хозяина, может легко совершить побег. Зато в такие ночи нечего делать вора́м.

288 Восточной звездой.

293 Вергилий ясно указывает на существование народных песен. Однако народные песни Рима остались тайной для потомства.

294 Процесс домашнего прядения, обычного для древне-римского сельского быта. Ср. рубашку Августа, тканную Ливией (вступит. статья).

295 Вино иногда варили, смешав его с другими ингредиентами.

299 Эпитет «голый» указывает, что надо пахать и сеять в теплое время, когда не требуется одежды.

302 Гения время: Гений — таинственное существо, ведавшее процветанием данного человека или семьи. Широкая, не скупая жизнь была своего рода прославлением Гения; скупость его унижала.

309 Жители Балеарских островов (главные — Майорка и Минорка) славились как пращники.

328 Юпитер — Зевс-Громовержец.

332 Афон — гора в Македонии.

Керавийские горы — в Эпире.

337 Светило Киллена — Меркурий, Гермес-Меркурий был, по мифу, рожден в Киллене.

338 сл. Совет соблюдать строгое богопочитание всецело соответствовал августовой политике возвращения патриархальных нравов.

371 Эвр — восточный ветер.

380—381 У древних было представление, что радуга выпивает влагу, у земли.

384 Азия — болотистая местность в Малой Азии.

Каистр — река там же.

392 То есть на светильне образуются хлопья сажки.

396 Древние представляли себе, что луна светится сама; солнцем же озаряется только перед ненастьем.

399 В подлиннике — *alsuone* — морская птица, посвященная Фетиде, богине моря. Точно установить вид птицы не представляется возможным.

404 сл. Изложение мифа о Нисе и Скилле. У царя мегарского Ниса был пурпурный волос, от которого зависела его судьба. Дочь его Скилла похитила этот волос, так как любила противника Ниса — Миноса. Нис приказал привязать Скиллу к рулю. Боги обратили Ниса в орла, а Скиллу — в удода.

431 Феба — богиня луны, одно из наименований Артемиды-Дианы.

437 Главк — морское божество.

Панопея — одна из Нереид, дочерей Нерея.

Меликерт — морское божество.

444 Нот — южный ветер.

447 Тифон — возлюбленный Авроры.

450 Вергилий советует следить и за самим солнцем.

466 Поэт переходит к описанию событий, якобы сопровождавших смерть Юлия Цезаря.

471 Одноглазые мифические люди («Одиссея» Гомера).

482 Эридан — река таинственной страны Гипербореев. Позже в ней видели реку По, которая, вероятно, разумеется и в данном месте.

484 Гадания по внутренностям животных.

489 *сл.* Горькое сетование на усобицы, раздиравшие римское государство.

490 Битва при Филиппах, где были разбиты убийцы Цезаря, Брут и Кассий. Другая битва, где Цезарь разбил Помпея, была, собственно, при Фарсале, в той же Эматии, то есть Македонии; обе битвы объединены общим именем «Филиппы» по поэтической вольности.

492 Гем — река во Фракии. Эматия — см. прим. к ст. 490.

498 Индигеты — местные боги, почитание которых слилось с почитанием обожествленных предков.

499 Тибр назван «тускским», ибо истоки его — в стране тусков, нынешней Тоскане.

500 Юноша — Октавиан Август.

502 Лаомедонт, царь Троянский, обманул Аполлона и Посейдона. Римляне, производившие себя от троянцев, должны были искупать этот проступок.

503 Цезарь — Август.

507 Прямое указание на упадок земледелия в Италии (см. вступит. статью).

509 Разумеются ведшиеся Августом войны против парфян на Евфрате и против германцев на Рейне.

510 Междоусобные брани итальянских городов, еще более способствовавшие оскудению земледелия.

512 Под темницами разумеются темные помещения, где держали коней перед выпуском их на старт.

К Н И Г А В Т О Р А Я

Ст. 4 Ленеи — одно из прозвищ Вакха.

8 В древности применялись некоторые виды прессов, но обычно в ходу был примитивный способ давить собранный виноград босыми ногами. Этот способ сохраняется до сих пор в малокультурных областях.

16 Эскулы — разновидность дуба.

22 *сл.* Вергилий излагает разные применявшиеся в древности способы отводки деревьев.

25 Зарывание в землю частей сука или ствола считается наихудшим способом.

26—27 Ветка, пригибаясь к земле, пускает корни, от чего образуется новое самостоятельное растение.

31 Разведение от обрубков сухого пня относится к маслине исключительно.

38 Исмар — гора во Фракии.

Табури — гора на границах Кампании и Самниума.

44—46 Путешествие вдоль берега безопасно. Поэт гарантирует своему покровителю, что не увлечется отступлениями и не уведет его в открытое море мелочей.

54 То есть распределить молодые, взятые у корня дерева отростки.

57 сл. Вергилий говорит о преимуществах прививки перед разведением из семян, как известно, слишком медленном.

64 Город на острове Крите с культом Афродиты-Венеры.

66 Древо Гераклова венца — тополь.

67 Хаония — область в Эпире. Поблизости было святилище Юпитера в Додоне.

69—72 Эти фантастические прививки должны объясняться поэтическим приемом преувеличения, ибо нельзя предположить, что Вергилий, сам опытный сельский хозяин, мог так ошибаться.

84 Кипарисами славился горный хребет Ида.

86 Из маслин, которые Вергилий называет горькими, добывалось в особенности масло.

87 Алкиной — царь острова Феаков («Одиссея» Гомера).

87—88 Крустумий или Крустумерий — город в Сабинской земле, откуда и название сорта груш. Слово *vola* обозначает ладонь, отсюда — груша, уместающаяся в ладони, крупный, увесистый сорт.

89—102 Вергилий подробно перечисляет сорта винограда, бывшие в ходу в его время.

Метимнейский — от города Метимн на Лесбосе — основной местный лесбосский виноград. Фасский — от острова Фасоса — виноград греческого происхождения, дававший знаменитое вино. Мареотидский — от озера Мареотис в Египте — светлый, с мелкими косточками. Псифия — лоза, из которой получалось крепкое, сладкое вино. Лагеос, наоборот — лоза скороспелая, дававшая вино легкое. Скороспелый — типа шашлы. Красный — столовый сорт. Ретик — от Ретии, области к северу от Италии, — лоза, вырождавшаяся на чужой земле, давала вино, соответствующее современной розовой мальвазии с По или Вальтелинеру. Фалернский — лучший местный итальянский виноград, он же — массив, рос исключительно на одном участке горы Гаурус в Тоскане. Аминеийские лозы из Кампании были особенно ценны; этот старый испытанный сорт давал вино высшего качества; возможно, что это современные шашла или пинó; были разновидности. Тмол — от горы Тмол — служил для купажа. Фанейский — от горы Фанэ — один из знаменитейших виноградов острова Хиоса, дававший вино с мировой славою. Аргит (слово неясного происхождения) давал вино, повидимому, подобное рислингу. Родосский — от острова Родоса — давал ценное ликерное вино. Бумаст — от греческих слов *βοῦς* и *μαστός*, коровье вымя, по форме, может быть, теперешняя неаполитанская *menpavassa*, может быть, лигурийский *bumeste* или генуэзская *treggia*. Исмар — от горы Исмар — давал вино, которое было знаменито еще во времена Гомера.

115 Гелоны — сарматское племя, жившее в черноморских степях; будто бы гелоны татуировались.

120 Повидимому, разумеется хлопок.

121 Неточное представление о добывании шелка.

126 сл. Мидия считалась родиной лимона, которому здесь приписываются свойства противоядия.

135 Скорее разумеется нечистое дыхание, нежели астматические явления.

136 сл. Знаменитое прославление Италии.

137 Герм — река в Лидии.

138 Бактрия — царство близ Индии.

139 Панхейя — фантастический остров, якобы находившийся близ Аравии.

140—142 Намек на рождение людей из посеянных драконовых зубов.

146 Клитумн — река в Умбрии, ныне почти пересохшая.

150 Поэтическое преувеличение; дважды в год плодоносит только фи́га.

152 Акони́т — ядовитое растение.

159 Ларий — озеро Комо.

160 Бенак — озеро Гарда.

161—164 Лукрин — озеро, отделявшееся от моря узенькой полоской земли, недалеко от Неаполя. Там Августом был построен порт, названный им в честь Юлия Цезаря — portus Julius.

Аверн — другое озеро там же — и теперь lago d' Averno.

167—168 Сабинь, лигурийцы, вольски — различные народности, населявшие Апеннинский полуостров.

169 Деций Мус — римский исторический герой (IV века до н. э.).

Марий — диктатор — покоритель кимвров и тевтонов (II—I в. до н. э.).

Фурий Камилл — римский военачальник и диктатор (V—IV в. до н. э.).

170 Сципион Африканский — победитель Карфагена (234—183).

176 Снова намек на Гезиода.

193 Тирренцы — пеласгическое племя, обитавшее в Этрурии. Здесь тирренец изображен играющим на флейте в момент священнодействия.

194 Отдан: приносимые богам жертвы рассматривались как отдавание долга божеству.

197 Тарент — город и порт на юге Италии; соврем. Отранте.

198 Вергилий возвращается еще раз к несчастьям, которые претерпела Мантуанская область при разделе земли в пользу ветеранов.

207—208 Пахарь потому гневается на лес, что считает землю под лесом пропадающей даром. Античная агрикультура не знала лесоводства как упорядоченной отрасли сельского хозяйства. Лесом, конечно, разнообразно пользовались, но очистка, прорубка, тем более посев лесов не применялись.

213 Кассия—повидимому, то же, что лаванда, известная пахучая травка, очень любимая во Франции.

214 Хелидра — род змеи.

221 Пускание лоз по деревьям было весьма распространено в древности.

224 Капуя — город в Кампании.

225 Ацерры — город неподалеку от Неаполя, где протекала часто разливавшаяся река Кланый.

256 Разумеется особое свойство «холода», приписывавшееся древними земле.

257 То есть с ядовитыми ягодами.

271 *сл.* При пересадке лоз из питомника на приготовленное поле следует позаботиться, чтоб саженцы не почувствовали перемены, чтобы они были обращены в ту же сторону света, на которую смотрели в питомнике.

285 Эстетический момент здесь не играет роли; для античного садово-вода важна прежде всего целесообразность посадки.

302 Маслины — дерево сухое, легко воспламеняемое.

320 Аист.

325 Эфир — олицетворение неба, сливающееся с представлением о Юпитере-Дождевом.

336 *сл.* Вергилий верит, что при начале мира была вечная весна.

353 Созвездие Большого Пса, восхождение которого совпадает с самыми сильными зноями (канкулы).

357 То есть пропахивать волами промежутки между насаждениями.

358—359 Камышевые подпорки годились только для самых молоденьких лоз. Для окрепших сначала нужны были ветки, а потом уже более устойчивые колышки и рогатки.

364 *сл.* Обрезание лишних листьев лозы, чтоб они не затемняли зреющих гроздьев, составляет важную статью в уходе за виноградом.

381 Как известно, греческая трагедия родилась из обрядов с участием козла.

383 Фесиды — потомки Фесея, или Тезея, — афиняне.

384 Курдюки.

385 *сл.* Авсония — древнее название части средней Италии между Тибром и Волтурном. Троянское племя — римляне, ведущие свое происхождение от троянцев.

Далее следует описание праздника Вакха. Их в Риме было два: весенний—*Liberalia* и осенний—*Vinalia*.

386 Смех несдержан, так как в празднике участвуют простые поселяне.

389 *сл.* Монеты сохранили нам изображение таких ликов Вакха, подвешанных к древесным сукам. Обращение лика в ту или иную сторону почиталось залогом благополучия данного участка.

406 Кривой сатурнов зуб — небольшая коса или серп. Для обрезки листьев винограда был в ходу особой формы инструмент.

412 — 413 Мысль та, что можно восхищаться обширностью владений, но что таковые в отношении пользы многим уступают небольшим участкам. Мы узнаем здесь опять проблему бедняцких хозяйств и нарождающихся латифундий, к которым Вергилий не мог относиться сколько-нибудь одобрительно.

413 — 415 Приспособления для подвязки лозы на зиму.

417 Снова конкретное упоминание о бытовании в римском сельском населении народных песен.

419 Бояться дождя.

437 Китор — гора в Малой Азии, славившаяся буксом.

438 Нарикийская смола — от города Нарика в Бруцциуме (часть теперешней Калабрии).

440 *сл.* Кавказ изображался древними изобильнейшей, богатейшей страной. Они имели весьма верное представление об его естественных лесных богатствах, хотя никакой их систематической эксплуатации, конечно, не проводилось.

444 На юге и сейчас можно видеть колеса без спиц, в виде сплошных деревянных кругов.

447 То есть пригодный для деревянных частей оружия.

448 Игурейцы — арабское племя, знаменитые лучники.

456 — 457 Намек на бесчинства кентавров на свадьбе царевича лапифов Перифоя и на их столкновение с Гераклом.

458 *сл.* Восхваление сельского быта с его патриархальностью, трудом на земле, чистотой нравов, должно было особливим парадоксом прозвучать среди римского городского общества. Однако не следует думать, что Вергилий и в этом месте исполнял только политический заказ Августа. Его отношение к сельской целомудренной жизни, вне всякого сомнения, искренно.

461 — 462 Клиенты, являющиеся по утрам приветствовать только что вставшего от сна покровителя. Институт клиентуры уже процветал в Риме в эпоху Августа. Вергилий, сам не всегда чуждый лести, относится, однако, к клиентуре с явным недоброжелательством, как к явлению паразитарному и возникшему на почве острого имущественного неравенства.

464 Шелковые ткани, обрабатывавшиеся в городе Тире в Сирии, нередко прошивались золотой ниткой — роскошь, весьма далекая от Катонных времен.

Медные сосуды из Эфирии (древнее название Коринфа). Как известно, греческие произведения искусства все чаще и больше ввозились в Рим.

465 Ассирийским вместо сирийским (смешение частое у античных поэтов)—указание на красящую промышленность Тира и других финикийских городов.

- 466 В масло для натирания стали для запаха прибавлять корицу.
- 473 Персонификация в духе римских религиозных представлений.
- 478 Муки Луны — то есть все ее изменения, ущербы, затмения и т. д.
- 482 Медлительных, то есть медлящих своим наступлением, иначе говоря, коротких, летних.
- 484 Холодность крови, омывающей сердце, была, по представлению древних, причиной закоснения ума.
- 487 Сперхий — река в Фессалии.
- Тайгет — гора в Лаконии, где было святилище Вакха с доступом для одних только женщин.
- 489 Гем — горы во Фракии.
- 490 сл. Счастливы те, кто укрепился в философии. Им параллельно восхваляются и те, кто знает лишь сельских богов и не стремится к политической карьере.
- 492 Ахеронт или Ахерон — река подземного царства.
- 495 Связки, которые носили перед ликторами.
- 496 Раздор — снова римская персонификация.
- 497 Истр — Дунай. Во времена Августа Мизия и Фракия страдали от постоянных набегов диких задунайских племен, даков. Истр как бы вступает с ними в союз, беспрепятственно допуская, чтоб они переходили его по льду.
- 498 Под обреченными царствами Вергилий разумел, конечно, не римские области, хотя и признавал все критические процессы, происходившие в государстве, а разные еще не покоренные римским оружием страны.
- 499 Надо понимать так, что немущих вообще не будет, и потому жалеть окажется некого. Вергилий выражает мысль, что разумно поставленный земледельческий труд должен обеспечить народ и уничтожить всякие имущественные противоречия.
- 501 — 502 В противовес мирной сельской жизни Вергилий называет форум «безумным»; его политическая неустойчивость, принимая во внимание продажность голосующей толпы, могла, конечно, подать повод к подобному определению.
- 505 Разумеется нападение на Рим участников междоусобных войн, променявших свой простой быт на крайнюю роскошь.
- 506 Сарранский — город Тир назывался римлянами еще Сарра.
- 508 Ростры — носы неприятельских кораблей, прикрепленных к «роstralной» колонне в знак триумфа.
- 509 Рукоплескания в сенате.
- 519 Сикионские ягоды — маслины, от г. Сикиона, около Коринфа; он славился своими маслинами.
- 520 Земляничник — то есть плоды земляничного дерева.
- 530 — 531 Эти стихи вводят нас в характер забав деревенской молодежи римлян.

532 Сабины, или сабиняне — древнее италийское племя. Они жили в Апеннинских горах и отличались простотой и строгостью нравов.

536 Диктейский царь — Юпитер, воспитывавшийся на Диктее, на Крите.

537 *сл.* Снова Вергилий касается любимой темы о Золотом веке.

541 Последние два стиха образно намекают, что поэтом проделана уже большая часть его работы.

К Н И Г А Т Р Е Т Ь Я

Ст. 1 Палэс — италийская богиня, покровительница стад и пастухов.

2 Амфризский пастырь — то есть сам Аполлон. Амфриз — река в Фессалии, где Аполлон пас стада царя Адмета.

4 *сл.* Вергилий перечисляет некоторые литературные сюжеты, которые вульгаризовались вследствие частых обработок. Однако дошедшая до нас латинская поэзия не показывает, чтобы именно эти сюжеты имели особое распространение. Не кидает ли это некоторый свет на ту громадную литературную продукцию, которая затопляла в век Августа книжные лавки Рима и навсегда утрачена для нас?

4 Эврисфей — царь Микенский. У него жил в услужении Геракл.

5 Бузирид — мифический разбойник, тиран в Египте, приносивший путешественников в жертву Зевсу. Он был убит Гераклом.

6 Латона родила на острове Дэлосе Аполлона и Диану.

7 Один из вариантов мирового сюжета о завоевании невесты победой в конском ристании. Пелопс — царевич лидийский, победивший царя элидского Эномаю и женившийся на дочери его Гипподамии. Подготовка соперников к бегу изображена на знаменитом восточном фронте храма Зевса в Олимпии. От имени Пелопса произошло название Пелопоннес. По мифу, он был однажды подан в качестве блюда отцом своим с целью испытать прозорливость небожителей. Церера, единственная, съела плечо Пелопса. Оживляя его, боги сделали ему плечо из слоновой кости.

8 *сл.* Указав на новизну трактуемой темы, Вергилий переходит к восхвалению Августа, которому якобы собирается поставить святилище.

12 Идумея — часть Иудеи. Часть вместо целого. Палестина всегда славилась пальмами.

18 То есть устройю в честь Августа конские ристания.

19 Алфей — река в Элиде. Малорк — крестьянин, принявший у себя Геракла после уничтожения им Немейского льва.

20 Цест — кожаная рукавица для кулачного боя.

24—25 Это место толкуется по-разному. Повидимому, Вергилий имеет в виду подвижные вращавшиеся кулисы, применявшиеся на античной сцене, или занавес, который не опускался и не раздвигался, а подымался с пола, что было также принято, — поэтому изображенные на занавесе британцы как бы поднимают его руками. Посольство британцев в Рим, на которое намекает Вергилий, состоялось в 27 году, то есть когда Георг-

гики были уже закончены. Здесь, как и в ряде других мест, следует усматривать позднейшие вставки в текст поэмы, сделанные, однако, самим автором.

27 Гангариды — народы, обитавшие у устья Ганга, вместо народов Востока вообще. Квириин — прозвище Ромула.

28—29 Намек на военные приготовления, сделанные Антонием и Клеопатрой в Египте. Медь кораблей и т. д. — ростральные колонны, результат разгрома флота Клеопатры.

30 Нифат — гора в Армении (какая?). Вместо армян вообще.

31 Излюбленный парфянами способ отступления.

32—33 То есть победы, одержанные римлянами на Атлантическом и Индийском океанах.

34 То есть статуи, исполненные из знаменитого паросского мрамора.

35 Ассарак — один из мифических предков Августа, дед Анхиза.

36 Трос — отец Ассарака. Кинтий — Аполлон, родившийся на Дэлосе, у подножья горы Кинта.

38 Иксион за поплзновение овладеть Юноной был привязан к колесу при помощи змей.

39 Другой образ Аида: Сизиф, коринфский царь-разбойник, должен был в вечное наказание поднимать в гору скалу, постоянно скатывающуюся вниз.

41 Вергилий не без лести, которую должно воспринимать всегда в соответствующей исторической перспективе, указывает на Мецената, якобы повелевшего ему писать поэму, как в свое время приписывал другому своему «покровителю» Поллиону славу замысла своих Буколик.

43 Киферон — гора в Беотии, богатая скотом.

44 Тайгетские псы: Лакония славилась охотничьими собаками.

Эпидавр — город в Арголиде, славный рысистыми конями.

47 Вергилий будто бы собирался сочинять эпическую поэму о победах Августа. Этот замысел не совпадает с осуществившейся впоследствии «Энеидой».

48 Тифон — брат Приама.

82 Повидимому, следует разуть не чисто белый цвет, а слегка желтоватую масть.

85 Внутрь вобранным — условное выражение по аналогии с гневом, о котором римляне выражались так же.

89—90 Амиклея — город в Лаконии, где царствовал Гиндар, муж Леды. Сыновья Леды, Кастор и Поллукс, славилась ловкостью. Киллар — один из коней, подаренных им Посейдоном.

91 Две ссылки на Гомера («Илиада», XV, 119, и XVI, 148—154).

92—94 По мифу фессалийского цикла, Сатурн (греч. Хронос), убегая от ревности жены, превратился в коня.

96 Это выражение в подлиннике неясно. Его можно понять и в обратном смысле, то есть «не щади постыдную старость».

103 сл. Типическое для *Георгик* отступление описательного характера, где поэт развертывает все богатство своих изобразительных средств.

113 Эрихфоний — мифический царь Афин, изобретатель квадриги.

115 Палефроний — долина в Фессалийском Пинде, где обитало племя лапифов.

118 Оба труда — выезжать и ездить.

121 Эпир и Арголида славились конями.

132—133 То есть применяют их для молотьбы копытами.

146 Силар — река в Италии, ныне Сэла, впадающая в Тирренское море. Она известна тем, что в 71 году до н. э. на ее берегах были разбиты Крассом вооруженные массы восставших рабов под началом Спартака. Альбурн — гора, около которой протекает Силар.

147 сл. Овод.

151 Танагр — поток, впадающий в Силар.

152—153 Ио, дочь Инаха, была обращена в корову любимшим ее Зевсом. Гера мучила соперницу, наслав на нее овода.

180 Разумеется Пиза, город в Греции на берегах Алфея — намек на элидские конные состязания.

181 Роща Зевса Олимпийского, где помещался гипподром.

191—192 Некоторые основы конской выправки. О верховой езде у древних подробней всего можно узнать из сочинения Ксенофонта (V—IV в.) «Советы всадникам».

202 Элида — главный город Элиды.

219 Сила — лес в Апеннинских горах.

258—263 Рассказ о Геро и Леандре.

261 Древние представляли себе, что при громах грохочут врата неба.

267—268 Главк имел четверню коней в беотийском городе Потнии. Венера вселила в них любовный пыл, и они растерзали Главка.

269 Асканий — озеро или река того же названия близ Олимпа.

273—275 Одно из любопытных мест *Георгик*, показывающих, какая путаница была в представлениях древних относительно многих физических процессов. То, что кобыла может понести от западного ветра, было распространенным мнением.

278 Кавр — северо-западный ветер.

280—283 Гиппоман — секрет половых органов кобылы в период полового возбуждения, ныне еще не изученный, употреблявшийся древними, как составная часть колдовских зелий.

292—293 Вергилий снова подчеркивает, что он первый стал разрабатывать по-латыни тему о сельском хозяйстве.

299 Слово подагра употреблено Вергилием в его прямом греческом смысле, то есть как всякая болезнь ног.

304 Созвездие Водолея заходит в феврале, то есть в конце древнеримского года.

306 То есть овечья шерсть. Милет — город на малоазийском берегу Архипелага.

312 Киниф — река в Либии, где разводили шерстеносных коз.

340 Мапалии — сельские дома нумидийцев. Они строились на изрядном расстоянии друг от друга.

345 Амиклея — город в Лаконии. Славился охотничьей породой собак. Крит славился лучниками. Оба эпитета указывают условно лишь на высокую качественность предметов.

349 Воды Мэотики или Мэотии — Азовское море.

354 *сл.* Это место небезынтересно сравнить с описаниями «скифской» зимы в «Тристиях» Овидия.

372 Охотничье приспособление из перьев, которое прилаживали к тенетам.

380 Вероятно, следует разуместь скисшую рябину, то есть забродившую.

390 Полному, то есть богатому.

392 Пан обольстил Луну, обратясь белоснежным бараном.

405 Те же псы знаменитой охотничьей породы из Лаконии. Молоссы — крупная сторожевая порода из Эпира.

408 Намек на неуспокоенность некоторых племен иберийцев (Пиринейский полуостров).

415 Неприятный для змей, зажигаемый сок растения.

451 Сцилла — самая крупная из известных в Европе луковиц.

461 Бизальты — племя во Фракии. Гелоны — племя на Борисфене (Днепр).

462 Области гетов — нижняя Молдавия.

474 *сл.* Начинается знаменитое описание мора, бывшего в Норике, области, приблизительно совпадающей с современным Трэнтино и Тиролем. Описание это, необыкновенно богатой выразительности, не должно быть принято на веру. Несомненно, Вергилий строит обобщенную картину эпидемии, так как признаки болезней, даваемые поэтом, не позволяют поставить диагноз какого-нибудь единого заболевания. Кроме того, поэт распространяет действие болезни на целый ряд самых разнообразных животных, чего в действительности быть не могло.

475 Иапидия — часть Либурнии (ныне приморская часть Кроации).

478 Древние полагали причину эпидемии в воздушных, климатических влияниях.

522 Электр — сплав, в известной пропорции, золота и серебра.

550 Сын Амифаона Меламп и кентавр Хирон — два героя фессалийского мифического цикла, оба — мудрые покровители пастухов.

551 Фурий, богинь исполнительниц божественного мщения, было три: Тисифона, Мегера и Аллекто.

556 Так называемый антонов огонь.

К Н И Г А IV

Ст. 6 То есть божества враждебные.

15 Прокна убила Итиса и запачкала грудь кровавыми руками. Она была обращена в ласточку.

21 Несомненно, что древние не представляли себе действительных взаимоотношений между разными видами пчел, составляющих население улья. Они не знали о производящей роли матки и принимали матку за царя, которому подчинен весь пчелиный народ. Это исключительно политическое понимание строя пчелиной жизни характерно для римского сознания.

33—34 Разумеется, античный мир не знал современного благоустроенного улья. Однако колода, применяемая до сих пор в наших захолустьях, повидимому, тоже не применялась; ульи делались из коры или плетеные.

48 Раков поджаривали для изготовления врачебных снадобий, отчего получался едкий дым.

49—50 Пчелы чутки к звукам. Ср. ст. 64.

64 Бубен был инструментом, применявшимся в культе Великой Матери, богини Кибелы.

90 Любопытно, что Вергилий вовсе не упоминает о том, что пчелы уничтожают трутней. Неужели это явление ускользало от внимания древних?

102 Подслащивание вин.

111 Приап — бог-покровитель садов, бог плодородия и мужской силы. Культ его осуществлялся в Лампсаке, городе, расположенном на Гелеспонте (ныне Мраморное море).

116 Нежелание Вергилия быть слишком пространном лишило нас поэмы о садах.

119 Пестум — город на юге Италии, знаменитый сохранившимися донныне храмами.

123 Аканф — *mimosa nilotica*.

125 Эбал — царь спартанский. Выходцами из Спарты был основан город Тарент (ныне Отранто) на юге Италии, который и разумеется в слове «эбалийский».

126 Галез — река близ Тарента. Черный — указание на темный ее цвет сравнительно с нивами.

127 Корик — город в Киликии (Малая Азия). Почему старик «корикийский», решить трудно. Может быть, это эпитет, указывающий на искусство его в садоводстве (киликійцы были отличными садоводами), а может быть, старик был родом действительно из Малой Азии и попал на юг Италии с войском Помпея.

151—152 Сатурн хотел поглотить сына своего Юпитера. Его укрыли куреты, жрецы Кибелы. Чтоб отец не мог слышать криков ребенка, куреты били в бубны Кибелы.

153 *с.* Дальнейшее изложение жизни пчел носит явно антропоморфизованный характер.

177 Кекропсовых — снова в смысле «аттических».

179 Дедал — мифический строитель Лабиринта. Здесь — в смысле огромного и запутанного здания.

198 *с.* Представление о внеполовом зачатие у пчел.

211 Гидасп — приток Инда.

230—251 Порядок стихов по домыслам Бенуа.

235 Тайгета — одна из Плеяд. Часть вместо целого.

246 Арахна, молодая женщина из Колофона, была столь искусной прялкой, что вызвала на состязание Минерву-Афину и победила ее, за что и была обращена разгневанной богиней в паука.

283 Аркадский пастырь — Аристей. См. ниже.

287 Каноп — город в нижнем Египте, указывает на одну из оконечностей Египта. Пелла — главный город Македонии. С тех пор как Египтом стали править потомки Диadoхов, наследников Александра Македонского, все египетское нередко обозначалось у римлян названием «пеллейский».

290 Персия указывает на протяженность Египта в другом направлении.

293 Под цветными индами разумеются эфиопы.

295 *с.* Подробное изложение процесса, основанного на явном недоразумении. В разлагающихся трупах животных, однако, могут с легкостью развиваться разные насекомые, и, может быть, предрассудок, освященный мифом, мог иметь некоторое основание в опыте.

317 Аристей почитался сыном нимфы Кирены. Пеней — поток, одной из нимф которого была Кирена.

323 Тимбра — область в Троеде, где был прославленный храм Аполлона.

340 То есть только что разрешилась от бремени.

345—346 Миф о любовной связи Марса (Арея) с Венерой (Афродитой), супругой Вулкана (Гефеста).

347 То есть от начала мира.

367 Фазис — река Рион на Кавказе. Ликос — река в Малой Азии.

368 Энипей — река в Греции.

369 Гипанис — река Буг. Каик — река в Малой Азии.

370 Тиберин — то же, что Тибр. Анио — река, приток Тибра.

371 Эридану мог быть придан образ быка вследствие бурного его течения. Золото на рогах, повидимому, признак божественности.

379 См. Георгики, II, 139.

380 Вина лидийских лоз.

387 Карнафское море — южная часть Архипелага.

388 Протей — морской бог, сын Посейдона (или Океана) и Фетиды, пасший отцовых коней.

391 Паллена — город во Фракии (или в Македонии—Гематин), где первоначально обитал Протей.

462 Пангей — гора во Фракии, на границе Македонии. Рез — герой, сын реки Стримона и Музы, почитался во Фракии.

463 Орифия — дочь афинского царя Эрефея, похищенная Бореем.

464 Первоначально лира была сделана из черепахи.

467 Дит — одно из наименований бога подземного царства.

471 Эреб — Аид.

482 Эвмениды — богини мщения.

483 Кербер или Цербер — трехглавый пес, сторож подземного царства.

493 Аверн — озеро в Кампании, с вредоносными испарениями. Римляне считали его одним из выходов из подземного царства.

502 Лодочник Орка — Харон, перевозивший в Аид тени умерших.

516 Танаис — река Дон.

517 См. *Георгики*, I, 240.

519 Киконы — фракийское племя.

523 Часто не Аполлон почитался отцом Орфея, но Оэагр, властитель той области, где протекал Гебр (ныне река Марица).

534 Напей — нимфы зеленых долин.

560 Намек на военные демонстрации римлян, имевшие место в 30 г. на восточных границах Римского государства. Позднейшая авторская вставка.

563 Партенопей — древнее название Неаполя.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Шервинский. Буколики и Георгики Вергилия . . . . .</i>	7
--	---

Буколики

Эклога первая	23
» вторая	27
» третья	31
» четвертая	37
» пятая	40
» шестая	44
» седьмая	47
» восьмая	51
» девятая	55
» десятая	59

Георгики

Книга первая	65
» вторая	82
» третья	100
» четвертая	119
Примечания	139

Редактор С. Шервинский. Технич. редак. Г. Гилес. Сдана в набор 9/xii—31 г. Подписана к печати 5/x—32 г. № 30. Главлит № 24,689. Бум. 72 × 104 — 1/16. Тип. зн. в 1 печ. листе 60 000. Тираж 5300 экз. Печ. листов 10¹/₂. 21 тип. ОГИЗ'а им. Ив. Федорова, Звенигор., 11. Зак. 784

